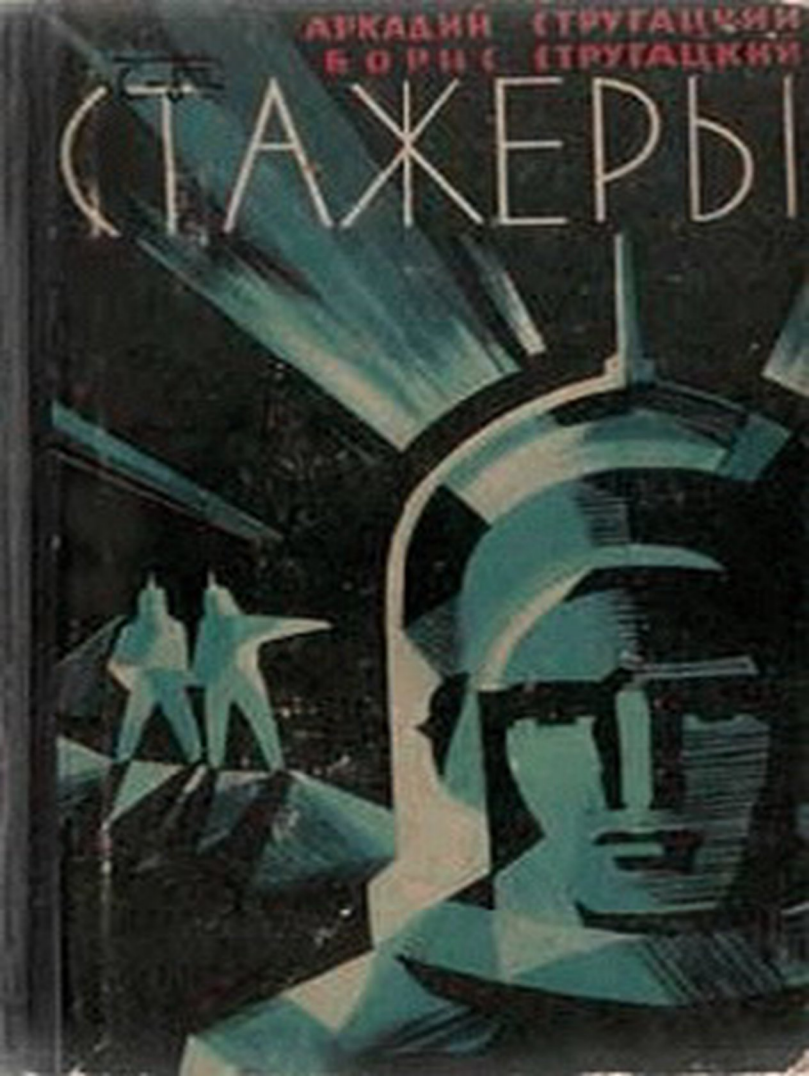
АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

СТАЖЕРЫ



Стажеры

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Аннотация
Аркадий Стругацкий , Борис Стругацкий. Стажеры
Комментарии к пройденному: БНС
ПРОЛОГ
1. МИРЗА-ЧАРЛЕ. РУССКИЙ МАЛЬЧИК
2. МИРЗА-ЧАРЛЕ. ГОСТИНИЦА, ТРИСТА ШЕСТОЙ НОМЕР
3. МАРС. АСТРОНОМЫ
4. МАРС. СТАРАЯ БАЗА
5 «ТАХМАСИБ». ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР И ДРУГИЕ
6. МАРС. ОБЛАВА
7. «ТАХМАСИБ». ПОЛЬЗА ИНСТРУКЦИЙ
8. ЭЙНОМИЯ. СМЕРТЬ-ПЛАНЕТЧИКИ
9. БАМБЕРГА. НИЩИЕ ДУХОМ
10. «ТАХМАСИБ». ГИГАНТСКАЯ ФЛЮКТУАЦИЯ
11. ДИОНА. НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ
12. «КОЛЬЦО-1». БАЛЛАДА ОБ ОДНОНОГОМ ПРИШЕЛЬЦЕ
13. «КОЛЬЦО-1». ДОЛЖЕН ЖИТЬ

ЭПИЛОГ

Аннотация

«Стажеры» — повесть о полете в космосе генерального инспектора Международного управления космических сообщений Владимира Юрковского и его друзей Алексея Быкова, Михаила Крутикова и Ивана Жилина, знакомых читателям по книгам «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею». Экипаж корабля «Тахмасиб» посещает различные уголки солнечной системы, встречается с учеными, занятыми проблемами освоения Марса, раскрытия тайн гравитации, исследующими космические лучи. Люди почти такие же, как мы, люди начала XXI века предстают перед читателем как живые с их увлечениями и заботами, с их стремлением сделать мир лучше, прекраснее.

Аркадий Стругацкий , Борис Стругацкий
Стажеры

Комментарии к пройденному: БНС

Я не берусь назвать, даже с точностью до полугода, время, когда впервые мы заговорили об этом романе. В письме АН от 25.11.1960 я нашел строчку: «…Пора приступать и к „Стажеру“. Я начну с начала декабря. „…“ сейчас я освободился и готов к работе».

Судя по всему тогда же была подана некая заявка на новый роман под таким названием в «Молодую Гвардию», но начать работу никак не удавалось — мы еще вовсю продолжали работать над «Возвращением».

Из этого письма следует, что у нас уже был тогда некий план нового романа и что этот роман назывался «Стажер». Как выглядел этот план, этого история нам не сохранила, а вот что касается «Седьмого (оно же — восьмое) неба», то так мы называли сначала роман о магах XX века, впоследствии получивший условное название «Маги», а в конце концов — «Понедельник начинается в субботу».

Вообще— то, надо признать, что со «Стажером»

этим мы не слишком долго запрягали, но еще быстрее ехали: 1 -2 мая в Ленинграде «составили более или менее окончательный план „Стажера“ — весьма развернутый и с эмбрионами эпизодов». А уже 23.07 АН пишет: «…„Стажера“ в „Мол. Гв.“ сдал, пока, конечно, никаких известий нет». Роман был написан единым духом и за один присест в мае — июне 1961-го. Это было время, когда нам ничего не стоило писать по десять-двенадцать страниц черновика в день и так — на протяжении месяца, каждодневно, без уик-эндов и перерывов. Хорошее было время!

Впрочем, работа с романом (или повестью? никогда не понимал этих градаций) на самом деле продолжалась еще долго, до самого конца 1961-го. Осенью 61-го произошла смена названия. Насколько я помню, дело было в том, что многочисленные рецензенты (как штатные, так и доброхоты) дружно упрекали нас за то, что роман получился у нас про что угодно, но никак не про мальчика-стажера. Коренное же изменение названия было невозможно по причинам, уже привычным: заявка, редакционный план, издательский план — везде стоит уже черным по белому «Стажер», менять нельзя, ни-ни, ни в коем случае, и думать не могите!… «Букву, однако же,

одну только букву изменить можно?» «Н-ну… разве что одну… пожалуй…» В результате появились «СтажерЫ» — роман (или, все-таки, повесть?) о Стажерах Будущего — Быкове, Жилине, Юрковском и иже с ними.

ПРОЛОГ

Подкатил громадный красно-белый автобус. Отлетающих пригласили садиться.

— Что ж, ступайте, — сказал Дауге.

Быков проворчал:

— Успеем. Пока они все усядутся…

Он исподлобья смотрел, как пассажиры один за другим неторопливо поднимаются в автобус. Пассажиров было человек сто.

— Это минут на пятнадцать, не меньше, — солидно заметил Гриша.

Быков строго посмотрел на него.

— Застегни рубашку, — сказал он.

— Пап, жарко, — сказал Гриша.

— Застегни рубашку, — повторил Быков. — Не ходи расхлюстанный.

— Не бери пример с меня, — сказал Юрковский. — Мне можно, а тебе еще нельзя.

Дауге взглянул на него и отвел глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского — на его уверенное рыхловатое лицо с брюзгливо отвисшей нижней губой, на тяжелый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика. Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже птиц — над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми сиренами.

Быков— младший под внимательным взглядом Быкова-старшего застегивал воротник. Юрковский томно сказал:

— В стратоплане спрошу бутылочку ессентуков и выкушаю…

Быков— старший с подозрением спросил:

— Печенка?

— Почему обязательно печенка? — сказал Юрковский. — Мне просто жарко. И пора бы тебе знать, что ессентуки от приступов не помогает.

— Ты по крайней мере взял свои пилюли? — спросил Быков.

— Что ты к нему пристал? — сказал Дауге.

Все посмотрели на него. Дауге опустил глаза и сказал сквозь зубы:

— Так ты не забудь, Владимир. Пакет Арнаутову нужно передать сразу же, как только вы прибудете на Сырт.

— Если Арнаутов на Марсе, — сказал Юрковский.

— Да, конечно. Я только прошу тебя не забыть.

— Я ему напомню, — пообещал Быков.

Они замолчали. Очередь у автобуса уменьшилась.

— Знаете что, идите вы, пожалуйста, — сказал Дауге.

— Да, пора идти, — вздохнул Быков. Он подошел к Дауге и обнял его. — Не печалься, Иоганныч, — сказал он тихо. — До свидания. Не печалься.

Он крепко сжал Дауге длинными костистыми руками. Дауге слабо оттолкнул его.

— Спокойной плазмы, — проговорил он.

Он пожал руку Юрковскому. Юрковский часто заморгал, он хотел что-то сказать, но только облизнул губы. Он нагнулся, поднял с травы свой великолепный портфель, повертел его в руках и снова положил на траву. Дауге не глядел на него. Юрковский снова поднял портфель.

— Ах, да не кисни ты, Григорий, — страдающим

голосом сказал он.

— Постараюсь, — сухо ответил Дауге.

В стороне Быков негромко наставлял сына.

— Пока я в рейсе, будь поближе к маме. Никаких там подводных забав.

— Ладно, пап.

— Никаких рекордов.

— Хорошо, пап. Ты не беспокойся.

— Меньше думай о девицах, больше думай о маме.

— Да ладно, пап.

Дауге сказал тихо:

— Я пойду.

Он повернулся и побрел к зданию аэровокзала. Юрковский смотрел ему вслед. Дауге был маленький, сгорбленный, очень старый.

— До свидания, дядя Володя, — сказал Гриша.

— До свидания, малыш, — сказал Юрковский. Он все смотрел вслед Дауге. — Ты его навещай, что ли… Просто так, зайди, выпей чайку — и все. Он ведь тебя любит, я знаю…

Гриша кивнул. Юрковский подставил ему щеку, похлопал по плечу и вслед за Быковым пошел к автобусу. Он тяжело поднялся по ступенькам, сел в кресло рядом с Быковым и сказал:

— Хорошо было бы, если бы рейс отменили.

Быков с изумлением воззрился на него.

— Какой рейс? Наш?

— Да, наш. Дауге было бы легче. Или чтобы нас всех забраковали медики.

Быков засопел, но промолчал. Когда автобус тронулся, Юрковский сказал:

— Он даже не захотел меня обнять. И правильно сделал. Незачем нам лететь без него. Нехорошо. Нечестно.

— Перестань, — сказал Быков.

Дауге поднялся по гранитным ступеням аэровокзала и оглянулся. Красное пятнышко автобуса ползло уже где-то возле самого горизонта. Там в розоватом мареве виднелись конические силуэты лайнеров вертикального взлета. Гриша спросил:

— Куда вас отвезти, дядя Гриша? В институт?

— Можно и в институт, — ответил Дауге.

Никуда мне не хочется, подумал он. Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как… Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Все давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще все очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых

удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь, и та не своя. Поэтому бракуют, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе, говорят, Григорий Иоганнович, довольно есть, что дают, и спать, где положат. Пора тебе, говорят, Григорий Иоганнович, молодых поучить. А чего их учить? Дауге покосился на Гришу. Вон он какой здоровенный и зубастый. Смелости его учить? Или здоровью? А больше ведь, по сути дела, ничего и не нужно. Вот и остаешься один. Да сотня статей, которые устарели. Да несколько книг, которые быстро стареют. Да слава, которая стареет еще быстрее.

Он повернулся и вошел в гулкий прохладный вестибюль. Гриша Быков шагал рядом. Рубаха у него была расстегнута. Вестибюль был полон негромких разговоров и шуршания газет. На большом, в полстены, вогнутом экране демонстрировался какой-то фильм; несколько человек, утонув в креслах, смотрели на экран, придерживая возле уха блестящие коробочки фонодемонстраторов. Толстый иностранец восточного типа топтался возле буфета-автомата.

У входа в бар Дауге вдруг остановился.

— Зайдем выпьем, тезка, — сказал он.

Гриша посмотрел на него с удивлением и жа-

лостью.

— Зачем, дядя Гриша? — просительно сказал он. — Зачем? Не надо.

— Ты полагаешь, не надо? — задумчиво спросил Дауге.

— Конечно, не надо. Ни к чему это, честное слово.

Дауге, склонив голову набок, прищурившись, взглянул на него.

— Уж не воображаешь ли ты, — ядовито произнес он, — что я раскис оттого, что меня вывели в тираж? Что я, жить не могу без этих самых таинственных бездн и пространств? Извини, голубчик! Плевать я хотел на эти бездны! А вот что я один остался… Понимаешь? Один! В первый раз в жизни один!

Гриша неловко оглянулся. Толстый иностранец смотрел на них. Дауге говорил тихо, но Грише казалось, что его слышит весь зал.

— Почему я остался один? За что? Почему именно меня… именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже…

— Дядя Миша тоже идет в последний рейс, — робко напомнил Гриша.

— Да, — согласился Дауге. — Миша наш соста-

рился… Ну, пойдем выпьем.

Они вошли в бар. В баре было пусто, только за столиком у окна сидела какая-то красивая женщина. Она сидела над пустым бокалом, положив подбородок на сплетенные пальцы, и смотрела в окно на бетонное поле аэродрома.

Дауге остановился и тяжело оперся на ближайший столик. Он не видел ее лет двадцать, но сразу узнал. В горле у него стало сухо и горько.

— Что с вами, дядя Гриша? — встревоженно спросил Быков-младший.

Дауге выпрямился.

— Это моя жена, — сказал он спокойно. — Пойдем.

«Какая еще жена?» — подумал Гриша с испугом.

— Может быть, мне пойти подождать в машине? — спросил он.

— Чепуха, чепуха, — сказал Дауге. — Пойдем.

Они подошли к столику.

— Здравствуй, Маша, — произнес Дауге.

Женщина подняла голову. Глаза ее расширились. Она медленно откинулась на спинку стула.

— Ты… не улетел? — сказала она.

— Нет.

— Ты полетишь позже?

— Нет. Я остаюсь.

Она продолжала глядеть на него широко раскрытыми глазами. Ресницы у нее были сильно накрашены. Под глазами сеть морщинок. И много морщинок на шее.

— Что значит — остаешься? — недоверчиво спросила она.

Он взялся за спинку стула.

— Можно нам посидеть с тобой? — спросил он. — Это Гриша Быков. Сын Быкова.

Тогда она улыбнулась Грише той самой привычно-обещающей ослепительной улыбкой, которую так ненавидел Дауге.

— Очень рада, — сказала она. — Садитесь, мальчики.

Гриша и Дауге сели.

— Меня зовут Мария Сергеевна, — сказала она, разглядывая Гришу. — Я сестра Владимира Сергеевича Юрковского.

Гриша опустил глаза и слегка поклонился.

— Я знаю вашего отца, — продолжала она. Она перестала улыбаться. — Я многим ему обязана, Григорий… Алексеевич.

Гриша молчал. Ему было неловко. Он ничего не понимал. Дауге сказал напряженным голосом:

— Что ты будешь пить, Маша?

— Джеймо, — ответила она, ослепительно улыбаясь.

— Это очень крепко? — спросил Дауге. — Впрочем, все равно. Гриша, принеси, пожалуйста, два джеймо.

Он смотрел на нее, на гладкие загорелые руки, на открытые гладкие загорелые плечи, на легкое светлое платье с чуть-чуть слишком глубоким вырезом. Она изумительно сохранилась для своих лет, и даже косы остались совершенно те же, тяжелые, толстые косы, каких давно уже никто не носит, бронзовые, без единого седого волоса, уложенные вокруг головы. Он усмехнулся, медленно расстегнул плотный теплый плащ и стащил плотный теплый шлем с наушниками. У нее дрогнуло лицо, когда она увидела его голый череп с редкой серебристой щетиной возле ушей. Он снова усмехнулся.

— Вот мы и встретились, — сказал он. — А ты почему здесь? Ты ждешь кого-нибудь?

— Нет, — проговорила она. — Я никого не жду.

Она посмотрела в окно, и он вдруг понял.

— Ты провожала, — тихо сказал он.

Она кивнула.

— Кого? Неужели нас?

— Да.

У него остановилось сердце.

— Меня? — спросил он. Подошел Гриша и поставил на столик два потных ледяных бокала.

— Нет, — ответила она.

— Володьку? — сказал он с горечью.

— Да.

Гриша тихонько ушел.

— Какой милый мальчик, — сказала она. — Сколько ему лет?

— Восемнадцать.

— Неужели восемнадцать? Вот забавно! Ты знаешь, он совсем не похож на Быкова. Даже не рыжий.

— Да, время идет, — сказал Дауге. — Вот я уже и не летаю.

— Почему? — равнодушно спросила она.

— Здоровье.

Она быстро взглянула на него.

— Да, ты неважно выглядишь. Скажи... — она помолчала. — А Быков тоже скоро перестанет летать?

— Что? — спросил он с удивлением.

— Я не люблю, когда Володя уходит в рейс без Быкова, — сказала она, глядя в окно. Она опять помолчала. — Я очень боюсь за него. Ты ведь знаешь его.

— А причем здесь Быков? — спросил Дауге неприязненно.

— С Быковым безопасно, — сказала она просто. — Ну, а как твои дела, Григорий? Как-то странно, ты — и вдруг не летаешь.

— Буду работать в институте, — сказал Дауге.

— Работать… — она покачала головой. — Работать… Посмотри, на что ты похож.

Дауге криво усмехнулся.

— Зато ты совсем не изменилась. Замужем?

— С какой стати? — возразила она.

— Я вот тоже так холостяком и остался.

— Не удивительно.

— Почему?

— Ты не годишься в мужья.

Дауге неловко засмеялся.

— Не нужно нападать на меня, — сказал он. — Я просто хотел поговорить.

— Раньше ты умел говорить интересно.

— А что, тебе уже скучно? Мы говорим всего пять минут.

— Нет, почему же? — вежливо сказала она. — Я с удовольствием слушаю тебя.

Они замолчали. Дауге мешал соломинкой в бокале.

— А Володю я провожаю всегда, — сказала

она. — У меня есть друзья в управлении, и я всегда знаю, когда вы улетаете. И откуда. И я всегда его провожаю. — Она вынула соломинку из своего бокала, смяла ее и бросила в пепельницу. — Он единственный близкий мне человек. — Она подняла бокал и отпила несколько глотков. — Сумасшедший мир. Дурацкое время, — сказала она устало. — Люди совершенно разучились жить. Работа, работа, работа… Весь смысл жизни в работе. Все время чего-то ищут. Все время что-то строят. Зачем? Я понимаю, это нужно было раньше, когда всего не хватало. Когда была эта экономическая борьба. Когда еще нужно было доказывать, что мы можем не хуже, а лучше, чем они. Доказали. А борьба осталась. Какая-то глухая, неявная. Я не понимаю ее. Может быть, ты понимаешь, Григорий?

— Понимаю, — сказал Дауге.

— Ты всегда понимал. Ты всегда понимал мир, в котором ты живешь. И ты, и Володька, и этот скучный Быков. Иногда я думаю, что вы все просто ограниченные люди. Вы просто неспособны задать вопрос — «зачем?» — Она снова отпила из бокала. — Ты знаешь, недавно я познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать го-

раздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно! Я говорила с его учениками. Мне показалось, что они презирают меня. За что? За то, что я хочу прожить свою единственную жизнь так, как мне хочется?

Дауге хорошо представил себе этот разговор Марии Юрковской с пятнадцатилетними пареньками и девчонками из районной школы. Где уж тебе понять, подумал он. Где тебе понять, как неделями, месяцами с отчаянием бьешься в глухую стену, исписываешь горы бумаги, исхаживаешь десятки километров по кабинету или по пустыне, и кажется, что решения нет и что ты безмозглый слепой червяк, и ты уже не веришь, что так было неоднократно, а потом наступает этот чудесный миг, когда открываешь, наконец, калитку в стене, и еще одна глухая стена позади, и ты снова бог, и вселенная снова у тебя на ладони. Впрочем, это даже не нужно понимать. Это нужно чувствовать. Он сказал:

— Они тоже хотят прожить жизнь так, как им хочется. Но вам хочется разного.

Она резко возразила:

— А что, если права я?

— Нет, — сказал Дауге. — Правы они. Они не задают вопроса «зачем?».

— А может быть, они просто не могут широко мыслить?

Дауге усмехнулся. Что ты знаешь о широте мысли, подумал он.

— Ты пьешь холодную воду в жаркий день, — сказал он терпеливо. — И ты не спрашиваешь — «зачем?». Ты просто пьешь, и тебе хорошо…

Она прервала его:

— Да, мне хорошо. Вот и дайте мне пить мою холодную воду, а они пусть пьют свою!

— Пусть, — спокойно согласился Дауге. Он с удивлением и радостью чувствовал, как уходит куда-то противная гнетущая тоска. — Мы ведь не об этом говорим. Тебя интересует, кто прав. Так вот. Человек — это уже не животное. Природа дала ему разум. Разум этот неизбежно должен развиваться. А ты гасишь в себе разум. Искусственно гасишь. Ты всю жизнь посвятила этому. И есть еще много людей на планете, которые гасят свой разум. Они называются мещанами.

— Спасибо.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал Дауге. — Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас. Широта взглядов… Какая у вас может быть широта взглядов?

Она допила свой бокал.

— Ты очень красиво говоришь сегодня, — заметила она, недобро усмехаясь, — все так мило объясняешь. Тогда будь добр, объясни мне, пожалуйста, еще одну вещь. Всю жизнь ты работал. Всю жизнь ты развивал свой разум, перешагивал через простые мирские удовольствия.

— Я никогда не перешагивал через мирские удовольствия, — сказал Дауге. — Я даже был изрядным шалопаем.

— Не будем спорить, — сказала она. — С моей точки зрения, ты перешагивал. А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее *теперь?*

— Конечно, я, — сказал Дауге.

Она откровенно оглядела его и засмеялась.

— Нет, — сказала она. — Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастны. Бездарная кукушка — так меня, кажется, называет Володя? — или трудолюбивый муравей — конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял. В чем же разница?

— Спроси у Гриши Быкова, — спокойно сказал Дауге.

— О, *эти*! — Она пренебрежительно махнула рукой. — Я знаю, что скажут они. Нет, меня инте-

ресует, что скажешь ты! И не сейчас, когда солнце и люди вокруг, а ночью, когда бессонница, и твои осточертевшие талмуды, и ненужные камни с ненужных планет, и молчащий телефон, и ничего, ничего впереди.

— Да, это бывает, — сказал Дауге. — Это бывает со всеми.

Он вдруг представил себе все это — и молчащий телефон и ничего впереди, — но только не талмуды и камни, а флаконы с косметикой, мертвый блеск золотых украшений и беспощадное зеркало. Я свинья, с раскаянием подумал он. Самоуверенная и равнодушная свинья. Ведь она просит о помощи!

— Ты разрешишь мне прийти к тебе сегодня? — сказал он.

— Нет. — Она поднялась. — У меня сегодня гости.

Дауге отодвинул нетронутый бокал и тоже поднялся. Она взяла его под руку, и они вышли в вестибюль. Дауге изо всех сил старался не хромать.

— Куда ты сейчас? — спросил он.

Она остановилась перед зеркалом и поправила волосы, которые совершенно не нужно было поправлять.

— Куда? — спросила она. — Куда-нибудь. Ведь мне еще не пятьдесят и мой мир принадлежит пока мне.

Они спустились по белой лестнице на залитую солнцем площадь.

— Я мог бы тебя подвезти, — сказал Дауге.

— Спасибо, у меня своя машина.

Он неторопливо натянул шлем, проверил, не дует ли в уши, и застегнул плащ.

— Прощай, старичок, — сказала она.

— Прощай, — сказал он, ласково улыбаясь. — Извини, если я говорил жестоко… Ты мне очень помогла сегодня.

Она непонимающе взглянула на него, пожала плечами, улыбнулась и пошла к своей машине. Дауге смотрел, как она идет, покачивая бедрами, удивительно стройная, гордая и жалкая. У нее была великолепная походка, и она была все-таки еще хороша, изумительно хороша. Ее провожали глазами. Дауге подумал с тоскливой злобой: «Вот. Вот и вся ее жизнь. Затянуть телеса в дорогое и красивое и привлекать взоры. И много их, и живучи же они.»

Когда он подошел к машине, Гриша Быков сидел, упершись коленями в рулевую дугу, и читал толстую книгу. Приемник в машине был вклю-

чен на полную мощность: Гриша очень любил сильный звук.

Дауге залез в машину, выключил приемник и некоторое время сидел молча. Гриша отложил книгу и завел мотор. Дауге сказал, глядя перед собой:

— Жизнь дает человеку три радости, тезка. Друга, любовь и работу. Каждая из этих радостей отдельно уже стоит многого. Но как редко они собираются вместе!

— Без любви, конечно, обойтись можно, — вдумчиво сказал Гриша.

Дауге мельком взглянул на него.

— Да, можно, — согласился он. — Но это значит, что одной радостью будет меньше, а их всего три.

Гриша промолчал. Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.

— В институт, — сказал Дауге, — и постарайся успеть к часу. Не опоздаем?

— Нет, я быстро.

Машина выехала на шоссе.

— Дядя Гриша, вам не дует? — спросил Гриша Быков.

Дауге повел носом и сказал:

— Да, брат. Давай-ка поднимем стекла.

1. МИРЗА-ЧАРЛЕ. РУССКИЙ МАЛЬЧИК

Дежурная по пассажирским перевозкам очень сочувствовала Юре Бородину. Она ничем не могла помочь. Регулярного пассажирского сообщения с системой Сатурна не существовало. Не существовало еще даже регулярного грузового сообщения. Грузовики-автоматы отправлялись туда два-три раза в год, а пилотируемые корабли и того реже. Дежурная дважды посылала запрос электронному диспетчеру, перелистала какой-то толстый справочник, несколько раз звонила кому-то, но все было напрасно. Наверное, у Юры был очень несчастный вид потому что напосле-

док она сказала с жалостью:

— Не надо так огорчаться, голубчик. Очень уж далекая планета. И зачем вам надо так далеко?

— Я от ребят отстал, — расстроенно сказал Юра. — Спасибо вам большое. Я пойду. Может быть, еще где-нибудь…

Он повернулся и пошел к выходу, опустив голову, глядя на стертый пластмассовый пол под ногами.

— Постойте, голубчик, — окликнула его дежурная. Юра сейчас же повернулся и пошел обратно. — Понимаете, голубчик, — сказала дежурная нерешительно, — случаются еще иногда специальные рейсы.

— Правда? — с надеждой сказал Юра.

— Да. Но сведения о них в наше управление не поступают.

— А меня могут взять в специальный рейс? — спросил Юра.

— Не знаю, голубчик. Я даже не знаю, где об этом можно узнать. Возможно, у начальника ракетодрома? — Она вопросительно посмотрела на Юру.

— К начальнику, наверное, не пробиться, — уныло сказал Юра.

— А вы попробуйте.

— Спасибо, — сказал Юра. — До свидания. Я попробую.

Он вышел из управления перевозок и огляделся. Справа, над зелеными куполами деревьев поднималось в жаркое белесое небо здание гостиницы. Слева нестерпимо блестел на солнце исполинский стеклянный купол. Этот купол Юра увидел еще с аэродрома. С аэродрома только и видно было, что этот купол и золотой шпиль гостиницы. Юра, конечно, спросил, что это такое, и ему коротко ответили: «СЭУК». Что такое «СЭУК», Юра не знал.

Прямо перед зданием управления проходила широкая дорога, посыпанная крупным красным песком. На песке виднелись следы множества ног и рубчатые отпечатки протекторов. По обеим сторонам дороги тянулись бетонированные арыки, вдоль арыков густо росли акации. Шагах в двадцати от входа в управление, в тени акаций стоял маленький квадратный белый атомокар. Над блестящим ветровым стеклом неподвижно торчали большие голубые каски с белыми буквами «International Police. Mirza-Charle»[1].

Минуты две Юра стоял в полной нереши-

---

[1] Примечания: 1

«Международная полиция. Мирза-Чарле»

тельности. Сначала на дороге никого не было. Потом откуда-то справа появился, широко шагая, рослый, докрасна загорелый человек в белом костюме. Поравнявшись с Юрой, он остановился, стащил с головы огромный белый берет и обмахнул лицо. Юра с любопытством посмотрел на него.

— Ш-жарко! — сказал человек в белом костюме. — А как ты? — Он говорил с сильным акцентом.

— Очень жарко, — сказал Юра.

Человек в белом костюме нахлобучил берет на выгоревшую шевелюру и извлек из кармана плоскую стеклянную флягу.

— Ви-пьем? — сказал он, раздвигая рот до ушей.

Юра помотал головой.

— Не пью, — сказал он.

— Я тош-же не пью, — объявил человек в белом костюме и сунул флягу обратно в карман. — Но я всегда имею виски на случай, если кто пьет.

Юра засмеялся. Человек ему нравился.

— Ш-жарко, — еще раз сказал человек в белом костюме. — Это наша беда. Меш-ждународни ракетодром в Гренландии — и я там мерзну. Меш-ждународни ракетодром в Мирза-Чарле — я

мокрый, потный. А?

— Ужасно жарко, — сказал Юра.

— А куда летим? — осведомился человек в белом костюме.

— Мне нужно на Сатурн.

— О-о! — сказал человек в белом костюме. — Оч-шень молодой и уже на Сатурн! Знач-шит, нам встреч-шаться и встреч-шаться!

Он похлопал Юру по плечу и вдруг заметил полицейскую машину.

— Меш-ждународни полиция, — сказал он торжественно. — Они долш-жны иметь все почшести.

Он важно кивнул Юре и пошел дальше. Поравнявшись с полицейским атомокаром, он подтянулся и приложил указательный палец к виску. Голубые каски над ветровым стеклом одновременно и медленно качнулись и снова застыли неподвижно.

Юра вздохнул и неторопливо пошел к гостинице. Нужно было искать где-то начальника ракетодрома. На дороге было пусто, и спросить было не у кого. Можно было, конечно, спросить у полицейских, но Юре не хотелось обращаться к ним. Ему не нравилось, что они сидят так неподвижно. Юра мимолетно пожалел, что не спросил

о начальнике у человека в белом костюме, а потом вдруг подумал, что ласковая дежурная наверняка должна знать все о Мирза-Чарле. Он даже остановился на секунду, но потом пошел дальше. В конце концов неудобно отнимать у людей так много времени. Ничего, узнаю где-нибудь, подумал он и пошел быстрее.

Он шел по самому краю арыка, стараясь не выходить на солнце, мимо ярко раскрашенных автоматов с газированной водой и соками, мимо пустых скамеек и шезлонгов, мимо маленьких белых домиков, спрятанных в тени акаций, мимо обширных бетонированных площадок, уставленных пустыми атомокарами. Над одной из этих площадок почему-то не было тента, и от блестящих отполированных крыш машин поднимался дрожащий горячий воздух. Было очень жалко смотреть на эти машины, может быть уже не первый час стоявшие под беспощадным солнцем. Мимо гигантских рекламных щитов, на трех языках обещающих геркулесовское здоровье всем, кто пьет витаминизированное козье молоко «Голден Хорих», мимо каких-то очень странных потрепанных людей, спавших прямо в траве, подложив под головы узелки, рюкзаки и чемоданчики, мимо застывших у обочины

машин-дворников, мимо загорелых ребятишек, плескавшихся в арыке. Несколько раз его обгоняли пустые автобусы. Он прошел под плакатом, протянутым над дорогой: «Мирза-Чарле приветствует дисциплинированного водителя». Надпись была сделана по-английски. Он миновал голубую будку регулировщика, свернул направо и вышел на проспект Дружбы — главную улицу Мирза-Чарле.

Проспект был тоже пуст. Магазины, кинотеатры, бары, кафе были закрыты. Сьеста, подумал Юра. На проспекте было невыносимо жарко. Юра остановился у автомата и выпил стакан горячего апельсинового сока. Подняв брови, он подошел к следующему автомату и выпил стакан горячей газированной воды. Да, подумал он. Сьеста. Хорошо бы забраться в холодильник.

Солнце жгло проспект — белое, словно затянутое туманом. Теней не было. В конце проспекта, в горячей дымке розовела и синела громада гостиницы. Юра двинулся в путь, ощущая сквозь туфли раскаленный тротуар. Сначала он шел быстро, но быстро идти было нельзя — перехватывало дыхание, и пот катился по лицу, оставляя щекотные дорожки.

Длинная узкая машина с растопыренными

надкрыльями подкатила к тротуару. Водитель в огромных черных очках открыл дверцу.

— Слушай, друг, где здесь гостиница?

— А вон прямо, в конце проспекта, — сказал Юра.

Водитель посмотрел, кивнул и спросил:

— А ты не туда?

— Туда, — со вздохом ответил Юра.

— Садись, — сказал водитель.

Юра с радостью полез в машину.

— Сразу видно, что ты приезжий, вроде меня, — сказал водитель. Он вел машину очень медленно. — Все местные сидят в тени. Меня предупреждали, что надо приезжать к вечеру, но такой уж я человек — неохота было ждать. И зря, видно, торопился. Сонное царство.

В машине было много прохладного чистого воздуха.

— А по-моему, — сказал Юра, — очень любопытный городок. Я никогда раньше не был в международных городах. Здесь все так забавно перепуталось. Кара-кумы и международная полиция. Видели — такие, в голубых касках?

— Видел, — хмуро сказал водитель. — Там их сейчас на шоссе. — Он мотнул головой, — человек тридцать. Грузовики столкнулись.

— А как так — столкнулись? — сказал Юра. — Какие грузовики? Автоматы?

— Да нет, зачем же автоматы, — проворчал водитель. — Эти… Варяжские гости. Дорвались… Мерзавцы пьяные.

Он остановил машину перед гостиницей и сказал:

— Приехали. Мне в первый переулок направо.

Юра вылез.

— Большое спасибо, — сказал он.

— Не за что, — сказал водитель. — До свидания.

Юра поднялся в холл и подошел к администратору. Администратор говорила по телефону, и Юра, присев в кресло, стал рассматривать картины на стенах. Здесь тоже все очень забавно перемешалось. Рядом с традиционными шишкинскими медведями красовалось большое полотно, покрытое флюоресцирующими красками и ничего особенного не изображавшее. Некоторое время Юра с тихой радостью сравнивал эти картины. Это было очень забавно.

— Слушаю, вас, мсье, — сказала администратор, складывая руки на столе.

Юра засмеялся.

— Я, видите ли, не мсье, — сказал он. — Я про-

стой советский товарищ.

Администратор тоже засмеялась.

— Откровенно говоря, я так и думала. Но я не хотела рисковать. У нас тут попадаются иностранцы, которые обижаются, когда их называешь товарищами.

— Вот чудаки, — сказал Юра.

— Да уж, — сказала администратор. — Так чем я могу быть вам полезна, товарищ?

— Понимаете, — сказал Юра, — мне страшно нужно попасть к начальнику ракетодрома. Не можете ли вы посоветовать мне что-нибудь?

— А что тут советовать? — удивилась администратор. Она сняла трубку и набрала номер. — Валя? — спросила она. — Ах, Зоя? Слушай, Зоечка, это Круглова говорит. Когда твой сегодня принимает? Ага?... Понимаю... Нет, просто один молодой человек... Да... Ну хорошо, спасибо, извини, пожалуйста.

Экран видеофона во время разговора оставался слепым, и Юра счел это за плохое предзнаменование. «Плохо дело» — подумал он.

— Так вот, дело обстоит следующим образом, — сказала администратор. — Начальник сильно занят, и попасть к нему можно будет только после шести. Я напишу вам адрес и телефон... — она

торопливо писала на гостиничном бланке. — Вот. Часов в шесть позвоните туда или прямо зайдите. Это здесь рядом.

Юра встал, взял листок и поблагодарил.

— А где вы остановились? — спросила администратор.

— Понимаете, — сказал Юра, — я еще пока нигде не остановился. Я и не хочу останавливаться. Мне нужно улететь сегодня.

— А, — сказала администратор, — ну, счастливого пути. Спокойной плазмы, как говорят наши межпланетчики.

Юра еще раз поблагодарил и пошел на улицу.

В тенистом переулке неподалеку от гостиницы он нашел кафе, в котором сьеста уже кончилась или еще не началась. Под широким цветастым тентом прямо на траве были расставлены столики и пахло жареной свининой. Над тентом висела вывеска: «Your old Micky Mouse»[2] с изображением знаменитого диснеевского мышонка. Юра несмело прошел под тент. Конечно, такие кафе бывают только в международном городе. За длинной металлической стойкой на фоне бутылок с пестрыми этикетками восседал лысый румяный

---

[2] Примечания: 2
«Ваш старый Микки Маус»

бармен в белой куртке с засученными рукавами. Его большие волосатые кулаки лениво лежали среди серебряных колпаков, покрывающих блюда с бесплатными закусками. Слева от бармена возвышалась непонятная серебряная машина, от которой поднимались струйки пахучего пара. Справа под стеклянной крышкой красовались всевозможные сандвичи на картонных тарелочках. Над головой бармена были прибиты два плаката. Один, на английском языке, извещал, что «Первая выпивка даром, вторая — двадцать четыре цента, остальные — по восемнадцать центов каждая». Другой плакат, на русском языке, гласил: «Ваш старый Микки Маус борется за звание кафе отличного обслуживания».

В кафе было всего двое посетителей. Один из них спал за столиком в углу, уронив на руки нечесаную голову. Рядом с ним на траве валялся сморщенный засаленный рюкзак.

Второй посетитель, здоровенный мужчина в клетчатой рубахе, неторопливо и со вкусом ел рагу и через два ряда столиков беседовал с барменом. Беседа велась по-русски. Когда Юра вошел, бармен говорил:

— Я не касаюсь фотонных ракет и атомных реакторов. Я хочу говорить о кафе и барах. В этом-то

я кое-что понимаю. Возьмите здесь, в Мирза-Чарле, ваши советские кафе и наши западные кафе. Я знаю оборот каждого заведения в этом городе. Кто ходит в ваши советские кафе? И, главное, зачем? В ваши советские кафе ходят женщины кушать мороженое и танцевать по вечерам с непьющими пилотами…

Тут бармен увидел Юру и остановился.

— Вот мальчик, — сказал он. — Это русский мальчик. Он пришел в «Микки Маус» днем. Значит он приезжий. Он хочет кушать.

Мужчина в клетчатой рубашке с любопытством поглядел на Юру.

— Здравствуйте, — сказал Юра бармену. — Я действительно хочу есть. Как это у вас делается?

Бармен гулко захохотал.

— У нас это делается точно так же, как и у вас, — сказал он. — Быстро, вкусно, и вежливо. Что бы вы хотели скушать, мальчик?

Человек в клетчатой рубахе сказал:

— Сделайте ему окрошку со льдом и свиную отбивную, Джойс. А вы, товарищ, подсаживайтесь ко мне. Во-первых, здесь почему-то сквознячок, а во-вторых, так нам будет удобнее вести идеологическую борьбу со старым Джойсом.

Бармен опять захохотал и скрылся под стойкой.

Юра, смущенно улыбаясь, сел рядом с клетчатой рубашкой.

— Я веду с «Микки Маусом» идеологическую борьбу, — объяснил человек в клетчатой рубашке. — Вот уже пять лет я пытаюсь доказать ему, что в солнечной системе есть еще кое-что, кроме питейных заведений.

Бармен появился из-за стойки, неся на подносе глубокую картонную тарелку с окрошкой и хлеб.

— Пить я вам даже не предлагаю, — сказал он и ловко поставил поднос на стол. — Я сразу понял, что вы — русский мальчик. У вас у всех какое-то особенное выражение лица. Не могу сказать, Иван, чтобы оно мне не нравилось, но при виде вас почему-то пропадает жажда. И хочется соревноваться за какое-нибудь звание даже в ущерб заведению.

— В свободном предпринимателе заговорила совесть, — сказал Иван. — Еще год назад мне удалось убедить его в том, что сбывать спиртное ни в чем не повинным людям безнравственно.

— Особенно если это делается бесплатно, — сказал бармен и захохотал. Очевидно, он намекал на первую даровую выпивку.

Юра слушал, с удовольствием поедая ледяную, необыкновенно вкусную окрошку. По краю та-

релки шла английская надпись, которую Юра перевел так: «Съешь до дна, на дне сюрприз».

— Дело даже не в том, Джойс, что из-за вашей клиентуры приходится содержать в Мирза-Чарле международную полицию, — сказал лениво Иван. — И я оставляю пока в стороне вопрос о том, что именно благодаря преимуществам западных кафе перед советскими человек имеет изумительно легкую возможность потерять свой натуральный человеческий облик. Очень печально глядеть на вас как такового, Джойс. Не на бармена, а на человека. Энергичный мужчина, золотые волосатые руки, далеко не дурак. И чем он занимается? Он торчит за стойкой, как старый торговый автомат, и каждый вечер, слюнявя пальцы, считает грязные бумажки.

— Вы этого не поймете, Иван, — величественно сказал бармен. — Такое понятие, как честь и оборот заведения, для вас чуждо. Кто не знает «Микки Мауса» и Джойса? Во всех углах вселенной знают мой бар! Куда идут наши пилоты, вернувшиеся с какого-нибудь Юпитера? К «Микки Маусу»! Где наши вербованные бродяги проводят свой последний день на Земле? У «Микки Мауса»! Здесь! У этой вот стойки! Куда идут залить горе или спрыснуть радость? Ко мне! А куда ходите

обедать вы, Иван? — Он захохотал. — Вы идете к старому Джойсу! Конечно, вы никогда не заглянете ко мне вечером. Разве что в составе патруля порядка. И я знаю, что в глубине души вы предпочитаете ваши советские кафе. Но почему-то вы все-таки ходите сюда! К «Микки Маусу» и к старому Джойсу, — что-то вам нравится, верно? Вот поэтому я и горжусь своим заведением.

Бармен перевел дух и выставил перед собой толстый указательный палец.

— И еще одно, — сказал он. — Эти самые грязные бумажки, о которых вы говорите. В вашей сумасшедшей стране все знают, что деньги — это грязь. Но у меня в стране всякий знает, что грязь — это, к сожалению, не деньги. Деньги надо добывать! Для этого летают наши пилоты, для этого вербуются наши рабочие. Я старый человек и, наверное, поэтому никак не могу понять, чем измеряется успех и благополучие у вас. Ведь у вас все вверх ногами. А у нас все ясно и понятно. Где сейчас покоритель Ганимеда капитан Эптон? Директор компании «Минералз Лимитэд». Кто сейчас знаменитый штурман Сайрус Кэмпбэлл? Владелец двух крупнейших ресторанов в Нью-Йорке. Конечно, когда-то их знал весь мир, а теперь они в тени, но зато раньше они были слу-

гами и шли туда, куда их пошлют, а сейчас они сами имеют слуг и посылают их, куда захотят. Я тоже не хочу быть слугой. Я тоже хочу быть хозяином.

Иван сказал задумчиво:

— Кое-чего вы уже достигли, Джойс. Вы не хотите быть слугой. Теперь вам осталась самая малость — перестать хотеть быть господином.

Юра доел окрошку и увидел сюрприз. На дне тарелки была надпись: «Это блюдо приготовлено электронной кухонной машиной „Орфей“ фирмы „Кибернетикс Лимитэд“. Юра отодвинул тарелку и заявил:

— А по-моему, ужасно скучно всю жизнь простоять за стойкой.

Бармен поправил на стене табличку с английской надписью: «Ношение огнестрельного оружия в Мирза-Чарле карается смертью» и сказал:

— Что значит — скучно? Что такое скучная работа и что такое веселая работа? Работа есть работа.

— Работа должна быть интересной, — сказал Юра.

Бармен пожал плечами:

— Зачем?

— Ну как же так зачем? — сказал Юра удивленно. — Если работа неинтересная, надо… надо… Да кому это надо, чтобы работа была неинтересная? Какой от тебя прок, если ты работаешь без интереса?

— Так его, старого, — сказал Иван.

Бармен тяжело поднялся и заявил:

— Это нечестно. Ты вербуешь себе союзников, Иван. А я один.

— Вас тоже двое, — сказал Иван. Он ткнул пальцем в сторону спящего.

Бармен посмотрел, покачал головой и, собрав грязные тарелки, ушел за стойку.

— Каков орешек, — сказал Иван вполголоса. — Как он про честь заведения, а? Вот тебе бы с ним поспорить. Нипочем бы вы друг друга не поняли. Я вот все пытаюсь нащупать с ним общий язык. В общем-то ведь славный дядька!

Юра упрямо затряс головой.

— Нет, — сказал он. — Никакой он не славный. Самодовольный он и тупой. И жалко его. Ну, зачем живет человек? Вот накопит денег, вернется к себе домой. Ну и что дальше?

— Джойс! — рявкнул Иван. — Тут к вам есть один вопрос!

— Иду! — откликнулся бармен.

Он появился из-за стойки и поставил перед Юрой тарелку с отбивной и запотевшую бутылочку виноградного сока.

— За счет заведения, — сказал он, указывая на бутылочку, и сел.

Юра сказал:

— Спасибо, зачем же?

— Слушайте, Джойс, — сказал Иван. — Вот русский мальчик спрашивает, что вы будете делать, когда разбогатеете?

Некоторое время Джойс внимательно глядел на Юру.

— Ладно, — сказал он. — Я знаю, какого ответа ждет мальчик. Поэтому спрошу я. Мальчик вырастет и станет взрослым мужчиной. Всю жизнь он будет заниматься своей… как это вы говорите… интересной работой. Но вот он состарится и не сможет больше работать. Чем тогда он будет заниматься, этот мальчик?

Иван откинулся на спинку стула и с удовольствием посмотрел на бармена. На лице его было прямо-таки написано: «Каков орешек, а!» Юра почувствовал, что у него запылали уши. Он опустил вилку и растерянно сказал:

— Я… не знаю, я как-то не думал… — он замолчал. Бармен серьезно и печально смотрел на

него. Медленно ползли ужасные мгновения. Юра сказал с отчаянием: — Я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать… — Брови бармена полезли на лоб, он испуганно оглянулся на Ивана. В полнейшем смятении Юра заявил: — И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека это красиво умереть!

Бармен молча поднялся, потрепал Юру по спине широкой ладонью и удалился за стойку. Иван сказал:

— Ну, брат, спасибо. Удружил. Этак ты мне всю идеологическую работу развалишь.

— Ну почему же? — пробормотал Юра. — Старость… Не работать… Человек должен всю жизнь бороться! Разве не так?

— Все так, — сказал бармен. — Вот я, например, всю жизнь борюсь с налогами.

— Ах, да ведь я не об этом, — сказал Юра, махнул рукой и уткнулся в тарелку.

Иван отпил виноградного сока за счет заведения и неторопливо сказал:

— Между прочим, Джойс. Очень интересная деталь. Хотя мой союзник по молодости лет не сказал ничего умного, но заметьте, он предпочитает лучше умереть, чем жить вашей старостью. Ему просто никогда в голову не приходило, что

он будет делать, когда состарится. А вы, Джойс, об этом думаете всю жизнь. И всю жизнь готовитесь к старости. Так-то, старина Джойс.

Бармен задумчиво поскреб мизинцем лысину.

— Пожалуй, — сказал он.

— Вот в этом и разница, — сказал Иван. — И разница, по-моему, не в вашу пользу.

Бармен подумал, снова поскреб лысину и, не сказав ни слова, скрылся за дверью позади стойки.

— Ну вот, — сказал Иван с удовлетворением. — Сегодня я его уел. Между прочим, откуда ты, прелестное дитя?

— Из Вязьмы, — грустно сказал Юра. Он остро переживал свою житейскую несостоятельность.

— И зачем?

— Мне нужно на Рею. — Он взглянул на Ивана и пояснил: — Рея — это один из спутников Сатурна.

— Ах, вот как, — сказал Иван. — Интересно. И что тебе надо на Рее?

— Там новое строительство, а я — вакуум-сварщик. Нас было одиннадцать человек, и я отстал от группы, потому что… Ну, в общем, по семейным обстоятельствам. Теперь не знаю, как туда добраться. Вот в шесть часов пойду к начальнику

ракетодрома.

— К Майкову?

— Н-нет, — сказал Юра. — То-есть я не знаю, как его зовут. В общем к начальнику ракетодрома.

Иван с интересом его рассматривал.

— Как тебя зовут?

— Юра… Юра Бородин.

— Так вот что, Юрий Бородин, — сказал Иван и сокрушенно покачал головой. — Боюсь, что тебе придется красиво умереть. Дело в том, что начальник ракетодрома товарищ Майков, как мне доподлинно известно, вылетел в Москву… — он посмотрел на часы, — двенадцать минут назад.

Это был страшный удар. Юра сразу сник.

— Как так… — пробормотал он. — Мне же сказали…

— Ну-ну, — сказал Иван. — Не нужно огорчаться. Старость еще не наступила. Всякий начальник, улетая в Москву, оставляет заместителя.

— Правда! — сказал Юра и воспрянул. — Вы меня извините: я должен немедленно пойти и позвонить.

— Иди позвони, — сказал Иван. — Телефон сразу за углом.

Юра вскочил и побежал к телефону.

Когда Юра вернулся, Иван стоял на тропинке

перед входом в кафе.

— Ну что? — спросил он.

— Не везет, — с огорчением сказал Юра. — Начальник действительно улетел, а его заместитель сможет принять меня только завтра вечером.

— Вечером? — переспросил Иван.

— Да, после семи вечера.

Иван задумчиво уставился куда-то на кроны акаций.

— Вечером, — повторил он. — Да, это слишком поздно.

— Придется все-таки ночевать в гостинице, — сказал Юра со вздохом. — Пойду возьму номер.

По тропинке приближался, суетливо перебирая коротенькими ножками, толстенький, шикарно одетый человек в пробковом шлеме. Лицо у него было припухшее, с припухшими глазками. Под левым глазом темнела круто запудренная ссадина. Не доходя десяти шагов до Ивана, человек сорвал с головы шлем и, согнув туловище почти пополам, торопливо проскочил в кафе. Иван вежливо ему поклонился.

— Что это он так? — с изумлением спросил Юра.

— Пойдем, пойдем, — сказал Иван. — Нам по дороге.

— Минуточку, — сказал Юра. — Я только расплачусь.

— Я уже расплатился, — сказал Иван. — Пошли.

— Нет, зачем же, — сказал Юра с достоинством. — Деньги у меня есть… Нам всем выдали…

Иван оглянулся на кафе.

— А этот подхалимчик, — сказал он, — это мой добрый знакомый. Краса и гордость международного порта Мирза-Чарле. — Юра тоже оглянулся. «Краса и гордость Мирза-Чарле» уже взгромоздился на высокий табурет перед стойкой. — Король стинкеров[3]. Подпольный вербовщик. Самый процветающий мерзавец в городе. Два дня назад напился как свинья и приставал к девушке на улице. Тут я его побил немножко. Теперь он со мной очень любезен.

Они не спеша шли по тенистому зеленому переулку. Стало прохладно. С проспекта Дружбы доносился слитный гул моторов.

— А кого он вербует? — спросил Юра.

— Рабочих, — ответил Иван. — Между прочим, кто тебя рекомендовал на Рею?

---

[3] Примечания: 3
Stinker — вонючка (англ)

— Нас рекомендовал наш завод, — сказал Юра. — А что это за рабочие? Неужели наши вербуются?

Иван удивился.

— Ну зачем же наши? Ребята с Запада. Всякие бедняги, которые с детства думают о старости и мечтают быть какими-нибудь хозяевами. Таких там еще много. Слушай-ка, Юра, — сказал он, — а если ты не доберешься до Реи? Что тогда?

— Ну что вы, — сказал Юра. — Я обязательно доберусь до Реи. Это ж будет очень нехорошо перед ребятами, если я не доберусь. Нас было сто пятьдесят добровольцев, а выбрали только одиннадцать. Как же я могу не добраться? Надо добраться.

Некоторое время они шли молча.

— Ну вот они вербуются, — сказал Юра. — А потом куда?

— Потом их сажают на корабли и отправляют на астероиды. Вербовщики получают с каждой головы, посаженной в трюм. Поэтому они под видом всяких торговых агентов околачиваются в Мирза-Чарле. И на других международных ракетодромах.

Они вышли на проспект Дружбы и повернули к гостинице. У большого белого дома Иван оста-

новился.

— Мне сюда, — сказал он. — До свидания, Юра Бородин.

— До свидания, — сказал Юра. — Большое спасибо. И простите, что я наговорил ерунды там, в кафе.

— Ничего, — сказал Иван. — Главное, искренне было сказано.

Они пожали друг другу руки.

— Послушай, Юра, — сказал Иван и замолчал.

— Да? — сказал Юра.

— Насчет Реи, — сказал Иван. Он снова помолчал, глядя в сторону. Юра ждал. — Так вот, насчет Реи. Зайди-ка ты, брат, сегодня часов этак в девять вечера в триста шестой номер гостиницы.

— И что? — спросил Юра.

— Что из этого получится, я не знаю, — сказал Иван. — В этом номере ты увидишь человека, очень свирепого на вид. Попробуй убедить его, что тебе очень нужно на Рею.

— А кто он такой? — спросил Юра.

— До свидания, — сказал Иван. — Не забудь: номер триста шесть, после девяти.

Он повернулся и скрылся в белом здании. У входа в здание висела черная пластмассовая доска с белой надписью:

«Штаб патрулей порядка. Мирза-Чарле».

— Номер триста шесть, — повторил Юра. — После девяти.

2. МИРЗА-ЧАРЛЕ. ГОСТИНИЦА, ТРИСТА ШЕСТОЙ НОМЕР

Юра убивал время. За несколько часов он обошел почти весь город. Он очень любил ходить по незнакомым городам и узнавать, что в них есть. В Мирза-Чарле был СЭУК. Под гигантский прозрачный купол не пускали, но теперь Юра знал, что СЭУК — это Система электронного управления и контроля, электронный мозг ракетодрома. Если пойти на север от СЭУК, то попадешь в обширный парк с кинотеатром под открытым небом, с двумя тирами, с большим стадионом, с аттракционом «Человек в ракете», с музыкальными кабинами,

с качелями и танцплощадками и с большим прозрачным озером, вокруг которого росли араукарии и пирамидальные тополя и в котором Юра с наслаждением искупался. На южной окраине города Юра обнаружил низкое красное здание, сразу за которым начиналась пустыня. Возле здания стояло несколько квадратных атомокаров и расхаживал голубой полицейский с пистолетом. Полицейский объявил Юре, что красное здание — это тюрьма и что русскому юноше ходить здесь не нужно. К западу от СЭУК располагались жилые кварталы. Там было много больших и маленьких, красивых и не очень красивых домов. Улицы были узкие, без покрытия. Жить там было, по-видимому, очень неплохо — прохладно, тенисто и недалеко от центра. Юре очень понравилось здание городской библиотеки, но заходить туда он не стал. На западной окраине города располагались административные здания, а за ними начинался огромный район, занятый складами.

Склады были бесконечно длинные, серые, из гофрированной пластмассы, с гигантскими белыми цифрами, намалеванными на стенах. Здесь Юра обнаружил такое количество грузовиков и грузовых вертолетов, какого не видел никогда в жизни. От непрерывного плотного рева моторов

закладывало уши. Юра не успел сделать и десяти шагов, как позади него отвратительно взвыла сирена, и он отскочил в сторону, к какой-то стене, но стена вдруг раздвинулась, и через широкие, как триумфальная арка, ворота прямо на Юру выползло громадное красно-белое чудовище на колесах в два человеческих роста, и с высоты второго этажа на Юру неслышно заорал водитель в тюбетейке. Чудовищный грузовик медленно развернулся в узком проезде между складами, а за ним из черных недр уже выползал второй, а за вторым — третий. Юра осторожно пробирался вдоль стен, пышущих жаром, оглушенный ревом, урчаньем и тяжелым лязгом невиданных механизмов.

Потом он увидел низкую платформу, на которую грузили знакомые цилиндрические баллоны со смесью для вакуумной сварки. Он подошел поближе и, радостно улыбаясь, встал рядом с человеком, управлявшим погрузкой с помощью переносного пульта на шее. Некоторое время он стоял и смотрел, как стрелы лебедок аккуратно укладывают друг на друга упакованные штабеля баллонов. Потом он деловито сказал:

— Нет, это не пойдет.

— Что не пойдет? — с интересом спросил чело-

век и поглядел на Юру.

— Вот этот баллон не пойдет.

— Почему?

— Вы же видите. У него сбит кран.

Несколько секунд человек колебался.

— Ничего, — сказал он. — Там разберутся.

— Нет уж, — возразил Юра. — Не будем мы там разбираться. Уберите этот штабель.

Человек снял руки с пульта и уставился на Юру. Стрела лебедки замерла, очередной штабель, тихонечко покачиваясь, повис в воздухе.

— Это же пустяк, — сказал человек.

— Это здесь пустяк, — снова возразил Юра.

Человек пожал плечами и снова положил руки на пульт. Юра придирчиво проследил за разгрузкой бракованного баллона, вежливо поблагодарил и пошел дальше. Очень скоро он обнаружил, что заблудился. Территория складов представляла собой целый город, улицы и переулки которого были удивительно похожи один на другой. Несколько раз он попадал в переулки, выходившие прямо в пустыню. В конце таких переулков стояли огромные щиты с надписями: «Назад! Зона опасного излучения!». Быстро темнело, над складами вспыхнули прожектора. Юра пошел вслед за колонной каких-то машин на

широких эластичных гусеницах и неожиданно для себя оказался на шоссе.

Юра знал, что город должен находиться справа, но налево, куда ушла колонна, совсем недалеко мигали разноцветные огоньки, и Юра повернул налево. По обе стороны от шоссе расстилалась пустыня. Здесь не было ни деревьев, ни арыков, только ровный черный горизонт. Солнце давно зашло, но воздух был еще горячий и сухой.

Разноцветные огоньки мигали над шлагбаумом. Сбоку шлагбаума стоял небольшой грибообразный домик. Возле домика на скамеечке под фонарем сидел полицейский, держа на коленях голубую каску. Другой полицейский расхаживал перед шлагбаумом. Увидев Юру, он остановился и пошел навстречу. У Юры екнуло сердце. Полицейский подошел вплотную и протянул руку.

— Пейпарс! — лающим голосом сказал он.

Кажется влип, подумал Юра. Если меня здесь задержат… Да пока будут выяснять… И зачем меня сюда понесло!… Он торопливо полез в карман. Полицейский ждал с протянутой рукой. Второй полицейский надел каску и поднялся.

— Вэйт э минут, — пробормотал Юра. — Сейчас… Сию минуту… Фу-ты, елки-палки, куда она запропастилась…

Полицейский опустил руку.

— Русский? — спросил он.

— Да, — сказал Юра. — Сейчас... Видите ли, у меня только рекомендация от предприятия... Вязьменский завод металлоконструкций... — он, наконец, извлек рекомендацию.

— Не надо, — сказал полицейский неожиданно добродушно.

Подошел второй полицейский и спросил:

— What's the matter? The chap hasn't got his papers?*

*Что случилось? У парня нет документов?

— Нет, — сказал первый полицейский. — Это русский.

— А, — равнодушно сказал второй. Он повернулся и пошел обратно к своей скамейке.

— Я просто хотел посмотреть, что здесь, — сказал Юра.

— Здесь ракетодром, — сказал полицейский охотно. — Вон там, — он показал рукой за шлагбаум. — Но туда нельзя.

— Нет-нет, — торопливо сказал Юра. — Я только посмотреть.

— Посмотреть можно, — сказал полицейский. Он пошел к шлагбауму. Юра двинулся за ним. — Это ракетодром, — повторил полицейский.

Под яркими среднеазиатскими звездами слабо мерцала плоская, словно остекленевшая равнина. Далеко впереди, там, куда уходило шоссе, вспыхивали неяркие зарницы и перебегали лучи прожекторов, выхватывая из темноты гигантские туманные силуэты. Время от времени над равниной прокатывался слабый рокочущий грохот.

«Космические корабли», — с удовольствием подумал Юра. Он, конечно, знал, что Мирза-Чарле, как и все другие ракетодромы на Земле, служит только для возлеземных сообщений, что настоящие планетолеты, фотонные ракеты типа «Хиус», «Джон Браун», «Янцзы» слишком громадны и могучи, чтобы стартовать прямо с Земли, но и эти темные силуэты за горизонтом тоже выглядели достаточно внушительно.

— Ракеты, ракеты, — неторопливо проговорил полицейский. Сколько людей улетает туда, — он поднял к черному небу голубую светящуюся дубинку. — Каждый со своими надеждами. И сколько их возвращается в свинцовых запаянных гробах! Вот здесь, у этого шлагбаума, мы выстраиваем траурный караул. Дух захватывает от их настойчивости. И все-таки, наверное, есть там, — он снова поднял дубинку, — есть там кто-то, кому

очень не нравится эта настойчивость…

Горизонт вдруг озарился ослепительной вспышкой, огненная длинная струя ударила в небо и рассыпалась каскадом искр. Бетон под ногами задрожал. Полицейский поднял к глазам часы.

— Двадцать двенадцать, — сказал он. — Вечерний лунник.

В небе загрохотало. Громовые раскаты слабели, удаляясь, и, наконец, затихли совсем.

— Мне пора, — сказал Юра. — Как тут побыстрее добраться до города?

— Идите пешком, — ответил полицейский. — У поворота на склад поймаете попутную машину.

Когда в половине десятого Юра добрался до гостиницы, вид у него был несколько взъерошенный и ошеломленный. Вечерний Мирза-Чарле был совершенно не похож на Мирза-Чарле днем. По улицам, пересеченным резкими черными тенями, сплошным потоком двигались автомобили. Огни реклам озаряли толпы на тротуарах. Двери всех баров и кафе были распахнуты настежь. Там ревела музыка и было сизо от табачного дыма. Пьяные иностранцы брели по тротуарам, обнявшись по трое, по четверо, горланя незнакомые песни. Через каждые двадцать-тридцать шагов

стояли полицейские с каменными лицами под низко опущенными касками. Сквозь шевелящуюся толпу спокойно и неторопливо проходили тройки крепких молодых ребят с красными повязками на рукавах. Юра видел, как один такой патруль зашел в бар, и там мгновенно воцарилась тишина, и даже музыка перестала играть. У патрулей были скучающие брезгливые лица. Из другого бара, уже недалеко от гостиницы, двое с маленькими усиками вышвырнули на тротуар какого-то несчастного и принялись топтать его ногами. Несчастный громко кричал по-французски: «Патруль! На помощь! Убивают!» Юра, стиснув от омерзения зубы, прицелился уже дать в ухо одному из этих усатеньких, но тут его очень бесцеремонно отстранили, и длинная жилистая рука с красной повязкой ухватила одного из усатеньких за ворот. Другой усатенький пригнулся и нырнул в бар. Патруль небрежно стряхнул добычу в объятия подоспевших полицейских, и те, завернув усатенькому руки за спину, почти бегом поволокли его в ближайший переулок. Юра успел заметить, как один из полицейских, воровато оглянувшись на патрулей, изо всех сил стукнул усатенького по макушке светящейся дубинкой. Жаль, не успел я его, подумал Юра. На минуту

ему даже расхотелось лететь на Рею. Захотелось надеть красную повязку и присоединиться к этим крепким, уверенным молодым ребятам.

— Ну и порядочки тут у вас! — вернувшись в гостиницу, возбужденно сказал Юра администратору. — Какое-то клопиное гнездо!...

— Вы о чем? — испуганно спросила администратор. Юра пришел в себя.

— Да на улице, понимаете, — сказал он, — такое болото!...

— Международный порт, пока приходится терпеть, — сказала администратор с улыбкой. — Ну, как ваши дела?

— Еще не знаю, — сказал Юра. — Скажите, пожалуйста, как пройти в триста шестой номер?

— Поднимитесь в лифте, третий этаж, направо.

— Спасибо, — сказал Юра и направился к лифту.

Он поднялся на третий этаж и сразу нашел дверь номера триста шесть. Перед дверью он остановился и в первый раз подумал, как, что и, главное, кому он скажет. Ему вспомнились слова Ивана о свирепом на вид человеке. Он старательно пригладил волосы и осмотрел себя. Потом он постучал.

— Войдите, — произнес за дверью низкий хрип-

ловатый голос. Юра вошел.

В комнате за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидели два пожилых человека. Юра остолбенел: он узнал их обоих, и это было настолько неожиданно, что на мгновение ему показалось, что он ошибся дверью. Лицом к нему, уперев в него маленькие недобрые глаза, сидел известный Быков, капитан прославленного «Тахмасиба», угрюмый и рыжий — такой, как на стереофото над столом Юриного старшего брата. Лицо другого человека, небрежно развалившегося в легком плетеном кресле, породистое, длинное, с брезгливой складкой около полных губ, было тоже удивительно знакомо. Юра никак не мог вспомнить имени этого человека, но был совершенно уверен, что видел его когда-то и, может быть, даже несколько раз. На столе стояла длинная темная бутылка и один бокал.

— Что вам? — глуховато спросил Быков.

— Это триста шестой номер? — неуверенно спросил Юра.

— Да-а, — бархатно и раскатисто ответил человек с породистым лицом. — Вам кого, юноша?

Да ведь это Юрковский, вспомнил Юра. Планетолог с Венеры. Про них есть кино…

— Я… я не знаю… — проговорил он. — Понима-

ете, мне нужно на Рею… Сегодня один товарищ…

— Фамилия? — сказал Быков.

— Чья? — не понял Юра.

— Ваша фамилия!

— Бородин… Юрий Михайлович Бородин.

— Специальность?

— Вакуум-сварщик.

— Документы.

Второй раз за последние два часа (и вообще в жизни) Юра полез за документами. Быков выжидательно глядел на него. Юрковский лениво потянулся к бутылке и налил себе вина.

— Вот, пожалуйста, — сказал Юра. Он положил рекомендацию на стол и снова отступил на несколько шагов.

Быков достал из нагрудного кармана огромные старомодные очки и, приставив их к глазам, очень внимательно и, как показалось Юре, дважды прочитал документ, после чего передал его Юрковскому.

— Как случилось, что вы отстали от своей группы? — резко спросил он.

— Я… Понимаете, по семейным обстоятельствам…

— Подробнее, юноша, — пророкотал Юрковский. Он читал рекомендацию, держа ее в вытя-

нутой руке и отхлебывая из бокала.

— Понимаете, у меня внезапно заболела мама, — сказал Юра. Приступ аппендицита. Понимаете, я никак не мог уехать. Брат в экспедиции… Отец на полюсе сейчас… Я не мог…

— Ваша мама знает, что вы вызвались добровольцем в космос? — спросил Быков.

— Да, конечно.

— Она согласилась?

— Д-да…

— Невеста есть?

Юра помотал головой. Юрковский аккуратно сложил рекомендацию и положил ее на край стола.

— Скажите, юноша, — спросил он, — а почему вас… э-э… не заменили?

Юра покраснел.

— Я очень просил, — ответил он тихо. — И все думали, что я догоню. Я опоздал всего на сутки…

Воцарилось молчание, и было слышно, как на проспекте Дружбы вразноголосицу орут «варяжские гости». Не то заливавшие горе, не то спрыснувшие радость. Возможно, у старого Джойса.

— У вас есть… э-э… знакомые в Мирза-Чарле? — осторожно спросил Юрковский.

— Нет, — сказал Юра. — Я только сегодня приехал. Я только познакомился в кафе с одним товарищем. Иваном его зовут, и он…

— А куда вы обращались?

— К дежурному по пассажирским перевозкам и к администратору гостиницы.

Быков и Юрковский переглянулись. Юре показалось, что Юрковский чуть-чуть отрицательно покачал головой.

— Ну, это еще не страшно, — проворчал Быков.

Юрковский сказал неожиданно резко:

— Совершенно не понимаю, зачем нам пассажир.

Быков думал.

— Честное слово, я никому не буду мешать, — убедительно сказал Юра. — И я готов на все.

— Готов даже красиво умереть, — проворчал Быков.

Юра прикусил губу. Дрянь дело, думал он. Ох, и плохо же мне. Ох, плохо…

— Мне очень надо на Рею, — сказал он. Он вдруг с полной отчетливостью осознал, что это его последний шанс и что на завтрашний разговор с заместителем начальника рассчитывать не стоит.

— Мм? — сказал Быков и посмотрел на Юр-

ковского. Юрковский пожал плечами и, подняв бокал, стал смотреть сквозь него на лампу. Тогда Быков поднялся из-за стола — Юра даже попятился, такой он оказался громадный и грузный — и, шаркая домашними туфлями, направился в угол, где на спинке стула висела потертая кожаная куртка. Из кармана куртки он извлек плоский блестящий футляр радиофона. Юра, затаив дыхание, смотрел ему в спину.

— Шарль? — глухо осведомился Быков. Он прижимал к уху гибкий шнур с металлическим шариком на конце. — Это Быков. Регистр «Тахмасиба» еще у тебя? Впиши в состав экипажа для спецрейса 17… Да, я беру стажера… Да, начальник экспедиции не возражает. (Юрковский сильно поморщился, но промолчал.) Что? Сейчас, — Быков повернулся к Юре, протянул руку и нетерпеливо пощелкал пальцами. Юра бросился к столу, схватил рекомендацию и вложил в пальцы. — Сейчас… Так… От коллектива Вязьменского завода металлоконструкций… Боже мой, Шарль, это совершенно не твое дело! В конце концов это спецрейс!… Да. Даю: Бородин Юрий Михайлович… Восемнадцать лет. Да, именно восемнадцать. Вакуум-сварщик… Стажер… Зачислен моим приказом от вчерашнего числа.

Прошу тебя, Шарль, немедленно подготовь для него документы. Нет, не он, я сам заеду… Завтра утром. До свидания, Шарль, спасибо.

Быков медленно свернул шнур и сунул радиофон обратно в карман куртки.

— Это незаконно, Алексей, — негромко сказал Юрковский. Быков вернулся к столу и сел.

— Если бы ты знал, Владимир, — сказал он, — без скольких законов я могу обойтись в пространстве. И без скольких законов нам придется обойтись в этом рейсе. Стажер, можете сесть, сказал он Юре. Юра торопливо и очень неудобно сел. Быков взял телефонную трубку. — Жилин, зайди ко мне. — Он повесил трубку. — Возьмите ваши документы, стажер. Подчиняться будете непосредственно мне. Ваши обязанности вам разъяснит борт-инженер Жилин, который сейчас придет.

— Алексей, — величественно сказал Юрковский. — Наш… э-э… кадет еще не знает, с кем имеет дело.

— Нет, я знаю, — сказал Юра. — Я вас сразу узнал.

— О! — удивился Юрковский. — Нас еще можно узнать?

Юра не успел ответить. Дверь распахнулась, и

на пороге появился Иван в той же самой клетчатой рубахе.

— Прибыл, Алексей Петрович, — весело сообщил он.

— Принимай своего крестника, — буркнул Быков. — Это наш стажер. Закрепляю его за тобой. Сделай отметку в журнале. А теперь забирай его к себе и до самого старта не спускай с него глаз.

— Слушаю, — сказал Жилин, снял Юру со стула и вывел в коридор. Юра медленно осознавал происходящее.

— Это вы — Жилин? — спросил он. — Борт-инженер?

Жилин не ответил. Он поставил Юру перед собой, отступил на шаг и спросил страшным голосом:

— Водку пьешь?

— Нет, — испуганно ответил Юра.

— В бога веруешь?

— Нет.

— Истинно межпланетная душа! — удовлетворенно сказал Жилин. — Когда прибудем на «Тахмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.

3. МАРС. АСТРОНОМЫ

Матти, прикрыв глаза от слепящего солнца, смотрел на дюны. Краулера видно не было. Над дюнами стояло большое облако красноватой пыли, слабый ветер медленно относил его в сторону. Было тихо, только на пятиметровой высоте шелестела вертушка анемометра. Затем Матти услыхал выстрелы — «пок, пок, пок, пок», — четыре выстрела подряд.

— Мимо, конечно, — сказал он.

Обсерватория стояла на высоком плоском холме. Летом воздух всегда был очень прозрачен, и с вершины холма хорошо просматривались белые купола и параллелепипеды Теплого Сырта

в пяти километрах к югу и серые развалины Старой Базы на таком же плоском высоком холме в трех километрах к западу. Но сейчас Старую Базу закрывало облако пыли. «Пок, пок, пок», — снова доносилось оттуда.

— Стрелки, — горестно сказал Матти. Он осмотрел наблюдательную площадку. — Вот подлюга, — сказал он.

Широкоугольная камера была повалена. Метеобудка покосилась. Стена павильона телескопа была забрызгана какой-то желтой гадостью. Над дверью павильона зияла свежая дыра от разрывной пули. Лампочка над входом была разбита.

— Стрелки, — повторил Матти.

Он подошел к павильону и ощупал пальцами в меховой перчатке края пробоины. Он подумал о том, что может натворить разрывная пуля в павильоне, и ему стало нехорошо. В павильоне стоял очень хороший телескоп с прекрасно исправленным объективом, регистратор мерцаний, блинк-автоматы — аппаратура редкая, капризная и сложная. Блинк-автоматы боятся даже пыли, их приходится закрывать герметическим чехлом. А что может сделать чехол против разрывной пули?

Матти не пошел в павильон. «Пусть они сами

посмотрят, подумал он. — Сами стреляли, пусть сами и смотрят». Честно говоря, ему было просто страшно заходить туда. Он положил карабин на песок и, поднатужась, поднял камеру. Одна нога треножника была погнута, и камера встала криво.

— Подлюга! — сказал Матти с ненавистью. Он занимался метеоритными съемками, и камера была его единственным инструментом. Он пошел через всю площадку к метеобудке. Пыль на площадке была изрыта, Матти со злостью топтал характерные округлые ямы — следы «летучей пиявки». «Почему она все время лезет на площадку? — думал он. — Ну, ползала бы вокруг дома. Ну, вломилась бы в гараж. Нет, она лезет на площадку. Человечиной здесь пахнет, что ли?»

Дверца метеобудки была погнута и не открывалась. Матти безнадежно махнул рукой и вернулся к камере. Он свинтил камеру, с трудом снял ее и кряхтя положил на разостланный брезент. Потом он взял треногу и понес в дом. Он поставил треногу в мастерской и заглянул в столовую. Наташа сидела у рации.

— Сообщила? — спросил Матти.

— Ты знаешь, у меня просто руки опускаются, — сердито сказала она. — Честное слово, проще

сбегать туда.

— А что? — спросил Матти.

Наташа резко повернула регулятор громкости. Низкий усталый голос загудел в комнате: «Седьмая, седьмая, говорит Сырт. Почему нет сводки? Слышите, седьмая? Давайте сводку!» Седьмая забубнила цифрами.

— Сырт! — сказала Наташа. — Сырт! Говорит первая!

— Первая, не мешайте, — сказал усталый голос. — Имейте терпение.

— Ну вот, пожалуйста, — сказала Наташа и повернула регулятор громкости в обратную сторону.

— А что ты, собственно, хочешь им сообщить? — спросил Матти.

— Про то, что случилось, — ответила Наташа. — Ведь это чепе.

— Ну уж и чепе, — возразил Матти. — Каждую ночь у нас такое чепе.

Наташа задумчиво подперла кулачком щеку.

— А знаешь, Матти, — сказала она, — ведь сегодня первый раз пиявка пришла днем.

Матти всей горстью взялся за физиономию. Это была правда. Прежде пиявки приходили либо поздно ночью, либо перед самым восходом

солнца.

— Да, — сказал он. — Да-а-а. Я это понимаю так: обнаглели.

— Я это тоже так понимаю, — заметила Наташа. — Что там, на площадке?

— Ты лучше сама сходи посмотри, — сказал Матти. — Камеру мою изуродовало. Мне сегодня не наблюдать.

— Ребята там? — спросила Наташа.

Матти замялся.

— Да, в общем там, — сказал Матти и неопределенно махнул рукой.

Он вдруг представил себе, что скажет Наташа, когда увидит пулевую пробоину над дверью павильона.

Наташа снова повернулась к рации, и Матти тихонько прикрыл за собой дверь. Он вышел из дома и увидел краулер. Краулер летел на предельной скорости, лихо прыгая с бархана на бархан. За ним до самых звезд вставала плотная стена пыли, и на этом красно-желтом фоне очень эффектно выделялась могучая фигура Пенькова, стоявшего во весь рост с упертым в бок карабином. Вел краулер, конечно, Сергей. Он направил машину прямо на Матти и намертво затормозил в пяти шагах. Густое облако пыли заволокло на-

блюдательную площадку.

— Кентавры, — сказал Матти, протирая очки. — Лошадиная голова на человеческом туловище.

— А что? — сказал Сергей, соскакивая. За ним неторопливо спустился Пеньков.

— Ушла, — сказал он.

— По-моему, ты в нее попал, — сказал Сергей.

Пеньков важно кивнул.

— По-моему, тоже, — сказал он.

Матти подошел к нему и крепко взял за рукав меховой куртки.

— А ну-ка пойдем, — сказал он.

— Куда? — осведомился Пеньков, сопротивляясь.

— Пойдем, пойдем, стрелок, — сказал Матти. — Я тебе покажу, куда ты попал наверняка.

Они подошли к павильону и остановились перед дверью.

— Ух ты, — сказал Пеньков.

Сергей, не говоря ни слова, кинулся внутрь.

— Наташка видела? — быстро спросил Пеньков.

— Нет еще, — сказал Матти.

Пеньков с задумчивым видом ощупывал края дыры.

— Это так сразу не заделаешь, — сказал он.

— Да, запасного павильона на Сырте нет, — ядовито сказал Матти.

Месяц назад Пеньков, стреляя ночью в пиявок, пробил метеобудку. Тогда он отправился на Сырт и где-то достал там запасную. Пробитую будку он спрятал в гараже.

Сергей крикнул из павильона:

— Кажется, все в порядке!

— А есть там выходное отверстие? — спросил Пеньков.

— Есть…

Раздалось мягкое жужжание, крыша павильона раздвинулась и сдвинулась снова.

— Кажется, обошлось, — объявил Сергей и вылез из павильона.

— А у меня треногу помяло, — сказал Матти. — А метеобудку так покалечило, что придется опять новую доставать.

Пеньков мельком взглянул на будку и снова уставился на зияющую дыру. Сергей стоял рядом с ним и тоже смотрел на дыру.

— Будку я выправлю, — уныло сказал Пеньков. — А вот что с этим делать…

— Наташа идет, — негромко предупредил Матти.

Пеньков сделал движение, как будто собирался

куда-то скрыться, но только втянул голову в плечи. Сергей быстро заговорил:

— Здесь пробоина небольшая, Наташенька, но это ерунда, мы ее сегодня же быстро заделаем, а внутри все цело…

Наташа подошла к ним, взглянула на пробоину.

— Свиньи вы, ребята, — тихо сказала она.

Теперь скрыться куда-нибудь захотелось всем, даже Матти, который был совсем ни в чем не виноват и выбежал на площадку последним, когда уже все кончилось. Наташа вошла в павильон и зажгла свет. В раскрытую дверь было видно, как она снимает футляры с блинк-автоматов. Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Сергей тихонько сказал:

— Пойду загоню машину.

Ему никто не ответил, он полез в краулер и завел мотор. Матти молча вернулся к своей камере и, согнувшись пополам, поволок ее в дом. Перед павильоном осталась только унылая, нелепо громоздкая фигура Пенькова.

Матти втащил камеру в мастерскую, снял кислородную маску, капюшон и долго возился, расстегивая просторную доху. Затем, не снимая унтов, он сел на стол возле камеры. В окно ему

было видно, как необыкновенно медленно, словно на цыпочках, проехал в гараж краулер.

Наташа вышла из павильона и плотно закрыла за собой дверь. Потом она пошла через площадку, останавливаясь перед приборами. Пеньков плелся следом и, судя по всему, длинно и тоскливо вздыхал. Тучи пыли уже осели, маленькое красноватое солнце висело над черными, словно обглоданными, руинами Старой Базы, поросшими колючим марсианским саксаулом. Матти посмотрел на низкое солнце, на быстро темнеющее небо, вспомнил, что он сегодня дежурный, и отправился на кухню.

За ужином Сергей сказал:

— Наташенька наша сегодня серьезная, — и испытующе посмотрел на Наташу.

— Да ну вас, в самом деле, — сказала Наташа. Она ела, ни на кого не глядя, очень сердитая и нахмуренная.

— Сердитая Наташенька наша, — сказал Сергей.

Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Матти скорбно покачал головой.

— Не любит нас сегодня Наташенька, — добавил Сергей нежно.

— Ну правда, ну что это такое, — заговорила

Наташа. Ведь договорились же не стрелять на площадке. Ведь это же не тир все-таки. Там приборы… Вот разбили бы сегодня блинки, куда бы пошли? Где их взять?

Пеньков преданными глазами смотрел на нее.

— Ну что ты, Наташенька, — сказал Сергей. — Как можно попасть в блинк?

— Мы стреляем только по лампочкам, — проворчал Матти.

— Вот продырявили павильон, — сказала Наташа.

— Наташенька! — закричал Сережа. — Мы принесем другой павильон! Пеньков сбегает на Сырт и принесет. Он ведь у нас здоровенный!

— Да ну вас, — сказала Наташа. Она уже больше не сердилась.

Пеньков оживился.

— Когда же в нее стрелять, как не на площадке?… — начал он, но Матти наступил ему под столом на ногу, и он замолчал.

— Ты, Володя, действительно просто ужас какой неуклюжий, — сказала Наташа. — Огромное чудовище ростом со шкаф, и ты целый месяц не можешь в него попасть.

— Я сам удивляюсь, — честно сказал Пеньков и сильно почесал затылок. — Может, прицел сбит?

— Гнутие ствола, — ядовито сказал Матти.

— Все равно, ребята, теперь этим забавам конец, — сказала Наташа. Все посмотрели на нее. — Я говорила с Сыртом. Сегодня пиявки напали на группу Азизбекова, на геологов, на нас и на участок нового строительства. И все среди бела дня.

— И все к западу и к северу от Сырта, — сказал Сергей.

— Да, в самом деле, — сказала Наташа. — А я и не сообразила. Ну, как бы то ни было, решено провести облаву.

— Это здорово, — сказал Пеньков. — Наконец-то.

— Завтра утром будет совещание, вызывают всех начальников групп. Я поеду, а ты останешься за старшего, Сережа. Да, и еще. Наблюдать сегодня не будем, ребята. Начальство распорядилось отменить все ночные работы.

Пеньков перестал есть и грустно посмотрел на Наташу. Матти сказал:

— Мне-то все равно, у меня камера полетела. А вот у Пенькова полетит программа, если он пропустит пару ночей.

— Я знаю, — сказала Наташа. — У всех летит программа.

— А может быть, я как-нибудь потихонечку, — сказал Пеньков, — незаметно.

Наташа замотала головой.

— И слышать не хочу, — сказала она.

— А может… — начал Пеньков, и Матти снова наступил ему на ногу.

Пеньков подумал: «И правда, чего слова тратить. Все равно все будут наблюдать».

— Какой сегодня день? — спросил Сергей. Он имел в виду день декады.

— Восьмой, — сказал Матти. Наташа покраснела и стала глядеть всем в глаза по очереди.

— Что-то Рыбкина давно нет, — сказал Сергей, наливая себе кофе.

— Да, действительно, — глубокомысленно сказал Пеньков.

— И время уже позднее, — добавил Матти. — Уж полночь близится, а Рыбкина все нет…

— О! — сказал Сергей и поднял палец. В тамбуре звякнула дверь шлюза. — Это он! — торжественным шепотом провозгласил Сергей.

— Вот чудаки, вот чудаки, — сказала Наташа и смущенно засмеялась.

— Не трогайте Наташеньку, — потребовал Сережа. — Не смейте над нею смеяться.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, —

сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали. Сергей, Матти и Пеньков одновременно приложили пальцы к губам и значительно посмотрели на Наташу.

— Ну что же вы? — шепотом сказала Наташа. — Отзовитесь же кто-нибудь…

Матти, Сергей и Пеньков одновременно замотали головами.

— Войдите! — с отчаянием сказала Наташа.

Вошел Рыбкин, как всегда аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке с отложным воротником, безукоризненно выбритый. Лицо его, как и у всех Следопытов, производило странное впечатление: дочерна загорелые скулы и лоб, белые пятна вокруг глаз и белая нижняя часть лица там, где кожу прикрывают очки и кислородная маска.

— Можно? — сказал он тихо. Он всегда говорил очень тихо.

— Садитесь, Феликс, — пригласила Наташа.

— Ужинать будешь? — спросил Матти.

— Спасибо, — сказал Рыбкин. — Лучше чашечку кофе.

— Что-то ты сегодня запоздал, — сказал прямодушный Пеньков, наливая ему кофе. Сергей скорчил ужасную мину, а Матти пнул Пенькова

под столом ногой.

Рыбкин спокойно принял кофе.

— Я пришел полчаса назад, — сказал он, — и прошелся вокруг дома. Я вижу, сегодня у вас тоже побывала пиявка.

— Сегодня у нас тут была баталия, — сказала Наташа.

— Да, — сказал Рыбкин. — Я видел пробоину в павильоне.

— Наши карабины страдают гнутием ствола, — объяснил Матти.

Рыбкин засмеялся. У него были маленькие ровные белые зубы.

— А тебе приходилось попадать хоть в одну пиявку? — спросил Сергей.

— Вероятно, нет, — сказал Феликс. — В них очень трудно попасть.

— Это я и сам знаю, — проворчал Пеньков.

Наташа, опустив глаза, крошила хлеб.

— Сегодня у Азизбекова одну убили, — сказал Рыбкин.

— Да ну? — изумился Пеньков. — Кто?

Рыбкин опять засмеялся.

— Да никто, — сказал он. Он мельком поглядел на Наташу. Забавная штука — сорвалась стрела экскаватора и раздавила ее. Наверное, кто-нибудь

попал в трос.

— Вот это выстрел, — сказал Сергей.

— Это мы тоже умеем, — сказал Матти. — На бегу с тридцати шагов прямо в лампочку над дверью.

— Вы знаете, ребята, — сказал Сергей, — у меня такое впечатление, что все карабины на Марсе страдают гнутием ствола.

— Нет, — сказал Феликс. — Потом обнаружили, что в пиявку у Азизбекова попало шесть пуль.

— Вот скоро будет облава, — сказал Пеньков, — мы им тогда покажем, где раки зимуют.

— А я этой облаве вот ни столечко не радуюсь, — сказал Матти. — Спокон веков у нас так: бах-трах-тарарах, перебьют всю живность, а потом начинают устраивать заповедники.

— Что это ты? — сказал Сергей. — Ведь они же мешают.

— Вот нам все мешает, — сказал Матти. — Кислорода мало мешает, кислорода много — мешает, лесу много — мешает, руби лес… Кто мы такие в конце концов, что нам все мешает?

— Салат был, что ли, плохой? — задумчиво сказал Пеньков. — Так ты его сам готовил…

— Не попадайся, не попадайся, Пеньков, — сказал Сергей. Он просто хочет затеять общий

разговор. Чтобы Наташенька высказалась.

Феликс внимательно посмотрел на Сергея. У него были большие светлые глаза, и он очень редко мигал. Матти усмехнулся.

— А может быть, вовсе не они нам мешают, — сказал он, а мы им.

— Ну? — буркнул Пеньков.

— Я предлагаю рабочую гипотезу, — сказал Матти. — Летучие пиявки есть коренные разумные обитатели Марса, хотя они находятся пока на низкой ступени развития. Мы захватили районы, где есть вода, и они намерены нас выжить.

Пеньков ошарашенно смотрел на него.

— Что ж, — сказал он. — Возможно.

— Да ты спорь с ним, спорь, — сказал Сергей. — А то так ему никакого удовольствия.

— Все говорит за мою гипотезу, — продолжал Матти. — Живут они в подземных городах. Нападают всегда справа — потому что у них такое табу. И… э-э… они всегда уносят своих раненых…

— Ну, братец… — разочарованно сказал Пеньков.

— Феликс, — сказал Сергей, — уничтожь это изящное рассуждение.

Феликс сказал:

— Такая гипотеза уже выдвигалась. (Матти

изумленно поднял брови). Давно. До того, как была убита первая пиявка. Сейчас выдвигаются гипотезы поинтересней.

— Ну? — спросил Пеньков.

— До сих пор никто не объяснил, почему пиявки нападают на людей. Не исключена возможность, что это у них очень древняя привычка. Напрашивается мысль, не обитает ли на Марсе все-таки раса двуногих прямостоящих.

— Обитает, — сказал Сергей. — Тридцать лет уже обитает.

Феликс вежливо улыбнулся.

— Можно надеяться, что пиявки наведут нас на эту расу.

Некоторое время все молчали. Матти с завистью смотрел на Феликса. Он всегда завидовал людям, перед которыми стоят такие задачи. Выслеживать летучих пиявок — занятие само по себе увлекательное, а если при этом еще ставится такая задача…

…Матти мысленно перебрал все интересные задачи, которые пришлось решать ему самому за последние пять лет. Интереснее всего было конструирование дискретного искателя-охотника на хемостадерах. Патрульная камера превращалась в огромный любопытный глаз, следящий за по-

явлением и движением «посторонних» световых точек на ночном небе. Сережка бегал по ночным дюнам, время от времени мигая фонариком, а камера бесшумно и жутко разворачивалась вслед за ним, следя за каждым его движением… «Что ж, — подумал Матти, — это тоже было интересно.»

Сергей вдруг сказал с досадой:

— До чего же мы ничего не знаем! (Пеньков перестал тянуть с шумом кофе из чашки и поглядел на него.) И до чего не стремимся узнать! День за днем, декада за декадой бродим по шею в тоскливых мелочах… Копаемся в электронике, ломаем сумматоры, чиним сумматоры, чертим графики, пишем статеечки, отчетики… Противно! — Он взялся за щеки и с силой потер лицо. Прямо за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый, чужой мир. И так хочется плюнуть на все и пойти куда глаза глядят через пустыню искать настоящего дела… Стыдно, ребята. Это же смешно и стыдно сидеть на Марсе и двадцать четыре часа в сутки ничего не видеть, кроме блинк-регистрограмм и пеньковской унылой физиономии…

Пеньков сказал мягко:

— А ты плюнь, Серега. И иди себе. Попросись к строителям. Или вот к Феликсу. — Он повернулся

к Феликсу. — Возьмете его, а?

Феликс пожал плечами.

— Да нет, Пеньков, дружище, не поможет это. — Сергей, поджав губы, помотал светлым чубом. — Надо что-то уметь. А что я умею? Чинить блинки… Считать до двух и интегрировать на малой машине. Краулер умею водить, да и то не профессионально… Что я еще умею?

— Ныть ты умеешь профессионально, — сказал Матти. Ему было неловко за Сережку перед Феликсом.

— Я не ною. Я злюсь. До чего мы самодовольны и самоограничены! И откуда это берется? Почему считается, что найти место для обсерватории важнее, чем пройти планету по меридиану, от полюса до полюса? Почему важнее искать нефть, чем тайны? Что нам — нефти не хватает?

— Что тебе — тайн не хватает? — сказал Матти. — Сел бы и решил ограниченную Т-задачу…

— Да не хочу я ее решать! Скучно ее решать, бедный ты мой Матти! Скучно! Я же здоровый, сильный парень, я гвозди гну пальцами… Почему я должен сидеть над бумажками?

Он замолчал. Молчание было тяжелым, и Матти подумал, что неплохо бы было переменить тему, но он не знал, как это сделать.

Наташа сказала:

— Я с Сережкой вообще-то не согласна, но это верно — мы немножко слишком погрязли в обычных делах. И такая иногда берет досада… Ну, пусть не мы, пусть кто-нибудь все-таки занялся Марсом как новой землей. Все-таки ведь это не остров, даже не континент — терра инкогнита, — это же планета! А мы тридцать лет сидим здесь тихонько и трусливо жмемся к воде и ракетодромам. И мало нас до смешного. Это, правда, досадно. Сидит там кто-нибудь в управлении, какой-нибудь убеленный старик с боевым прошлым и брюзжит: «Рано, рано».

Услыхав слово «рано», Пеньков вздрогнул и посмотрел на часы.

— Ох, мать честная, — пробормотал он, вылезая из-за стола. — Я уже две звезды здесь с вами просидел. — Тут он посмотрел на Наташу, открыл рот и торопливо сел. У него было такое забавное лицо, что все, даже Сергей, засмеялись.

Матти вскочил и подошел к окну.

— А ночь-то какая! — сказал он. — Качество изображения сегодня, наверное, наводит изумление. — Он оглянулся через плечо на Наташу.

Феликс оживился.

— Наташа, — сказал он, — если нужно, я могу

посторожить, пока вы будете работать.

— А как же вы… Вам ведь пора идти… — Наташа покраснела. — Я хочу сказать, что обычно вы в это время уходите…

— Чего нас сторожить? — сказал Матти. — Я и сам могу посторожить. У меня все равно камера полетела.

— Так я пойду одеваться, — сказал Пеньков.

— Ну ладно, — уступила Наташа. — Во изменение моего приказа от семи часов вечера…

Пенькова уже не было. Сергей тоже поднялся и, ни на кого не глядя, вышел. Матти стал собирать со стола.

— Давайте я помогу, — предложил Феликс и аккуратно засучил рукава.

— А что тут помогать, — возразил Матти. — Пять чашек, пять тарелок…

Он взглянул на Феликса и осекся.

— А это зачем? — спросил он с удивлением. На правом и левом запястье у Феликса было по две пары часов. Феликс серьезно сказал:

— Это тоже одна гипотеза. Так вы сами помоете?

— Сам, — сказал Матти. «Странный все-таки парень этот Феликс», — подумал он.

— Тогда я пойду, — сказал Феликс и вышел.

Рация в углу комнаты вдруг зашипела, щелкнула, и густой усталый голос сказал:

— Первая, говорит Сырт. Сырт вызывает первую.

Матти крикнул:

— Наташа! Сырт вызывает.

Он подошел к микрофону и сказал:

— Первая слушает!

— Позовите начальника, — сказал голос из репродуктора.

— Одну минуту.

Вбежала Наташа в расстегнутой дохе и с кислородной маской на груди.

— Начальник слушает, — сказала она.

— Еще раз подтверждаю распоряжение, — сказал голос, ночные работы запрещаются. Теплый Сырт окружен пиявками. Повторяю…

Матти слушал и вытирал тарелки. Вошли Пеньков и Сергей. Матти с интересом следил, как у них вытягиваются лица.

— …Теплый Сырт окружен пиявками. Как поняли меня?

— Поняла вас хорошо, — расстроенно сказала Наташа. Сырт окружен пиявками, ночные работы запрещаются.

— Спокойной ночи, — сказал голос, и репродук-

тор перестал шипеть.

— Спокойной ночи, Пеньков, — сказал Сергей и стал расстегивать доху.

Пеньков ничего не ответил. Он сердито засопел и ушел в свою комнату.

— Так я пойду, — сказал Феликс.

Все обернулись. Он стоял в дверях, маленький, крепкий, с непропорционально большим карабином у ноги.

— Как пойдешь? — сказал Матти.

Феликс показал пальцами, как он пойдет.

— Ты с ума сошел, — сказал Матти.

Феликс удивленно улыбнулся.

— Да что это с тобой?

— Вы слыхали радио? — быстро спросила Наташа.

— Да, слыхал, — сказал Феликс. — Но коменданту Сырта я не подчинен. Я же Следопыт.

Он натянул на лицо маску, опустил очки, махнул рукой в перчатке и вышел. Все остолбенело глядели на дверь.

— Как же это? — растерянно сказала Наташа. — Ведь его съедят…

Сергей вдруг сорвался с места и, застегивая доху, кинулся вслед.

— Куда?! — крикнула Наташа.

— Я подвезу его! — на ходу откликнулся Сергей и захлопнул дверь.

Наташа побежала за ним. Матти схватил ее за руку.

— Куда ты, зачем? — спокойно сказал он. — Сережа правильно решил.

— А кто ему позволил? — запальчиво спросила Наташа. Почему он не слушается?

— Надо же человеку помочь, — рассудительно сказал Матти.

Они почувствовали, как мелко задрожал пол. Сергей вывел краулер. Наташа опустилась на стул, сжала руки.

— Ничего, — сказал Матти. — Через десять-пятнадцать минут он вернется.

— А если они бросятся на Сережу, когда он будет возвращаться?

— Не было еще такого, чтобы пиявка бросилась на машину, сказал Матти. — И вообще Сережка был бы только рад…

Они сидели и ждали. Матти вдруг подумал, что Феликс Рыбкин уже раз десять приходил к ним на обсерваторию по вечерам и уходил вот так же поздно. А ведь пиявки каждую ночь водятся вокруг Сырта. Смелый парень этот Феликс, подумал Матти. Странный парень. Впрочем, не такой

уж и странный. Матти посмотрел на Наташу. Способ ухаживания, может быть, действительно немножко странный: робкая осада…

Матти поглядел в окно. В черной пустоте видны были только острые немигающие звезды. Вошел Пеньков, неся в руках кипу бумаг, сказал, ни на кого не глядя:

— Ну, кто мне поможет графики вычертить?

— Я могу, — сказал Матти.

Пеньков стал с шумом устраиваться за столом. Наташа сидела, выпрямившись, настороженно прислушиваясь. Пеньков разложив бумаги, оживленно заговорил:

— Получается удивительно интересная вещь, ребята! Помните закон Дега?

— Помним, — сказал Матти. — Секанс в степени две трети.

— Нет тебе на Марсе секанса две трети! — ликующе сказал Пеньков. — Наташ, посмотри-ка… Наташа!

— Отстань ты от нее, — сказал Матти.

— А что? — шепотом спросил Пеньков.

Наташа вскочила.

— Едет! — сказала она.

— Кто? — спросил Пеньков.

Пол под ногами снова задрожал, потом стало

тихо, звякнула шлюзовая дверь. Вошел Сергей, сдирая с лица заиндевевшую маску.

— Ух и мороз — ужас! — сказал он весело.

— Где ты был? — изумленно спросил Пеньков.

— Рыбкина на Сырт отвозил, — сказал Сергей.

— Ну и молодец, — сказала Наташа. — Какой ты молодец, Сережка! Теперь я могу спокойно спать.

— Спокойной ночи, Наташенька, — вразноголосицу сказали ребята. Наташа ушла.

— Что ж ты меня не взял? — с обидой сказал Пеньков.

На лице Сергея пропала улыбка. Он подошел к столу, сел и отодвинул бумаги.

— Слушайте, ребята, — сказал он вполголоса. — А ведь я Рыбкина не нашел. До самого Сырта доехал, сигналил, прожекторами светил — нигде нет. Как сквозь землю провалился.

Все молчали. Матти опять подошел к окну. Ему показалось, что где-то в районе Старой Базы медленно движется слабый огонек, словно кто-то идет с фонариком.

4. МАРС. СТАРАЯ БАЗА

В семь часов утра начальники групп и участков системы Теплый Сырт собрались в кабинете директора системы Александра Филипповича Лямина. Всего собралось человек двадцать пять, и все расселись вокруг длинного низкого стола для совещаний. Вентиляторы и озонаторы были пущены на полную мощность. Наташа была единственной женщиной в кабинете. Ее редко приглашали на общие совещания, и многие из собравшихся ее не знали. На нее поглядывали с благожелательным любопытством. Наташа услыхала, как кто-то сказал кому-то сипловатым шепотом: «Знал бы — побрился».

Лямин, не вставая, сказал:

— Первый вопрос, товарищи, вне повестки дня. Все ли позавтракали? А то я могу попросить принести консервы и какао.

— А вкусненького ничего нет, Александр Филиппович? — осведомился полный розовощекий мужчина с забинтованными руками.

В кабинете зашумели.

— Вкусненького ничего нет, — ответил Лямин и сокрушенно покачал головой. — Вот консервированную курицу разве…

Раздались голоса:

— Правильно, Александр Филиппович! Пусть принесут! Не успели поесть!

Лямин кому-то махнул рукой.

— Сейчас принесут, — сказал он и встал. — Все собрались? Он оглядел собравшихся. — Азизбеков… Горин… Барабанов… Накамура… Малумян… Наташа… Ван… Джефферсона не вижу… Ах, да, прости… А где Опанасенко?… От Следопытов есть кто-нибудь?

— Опанасенко в рейде, — сказал тихий голос, и Наташа увидела Рыбкина. Впервые она увидела его небритым.

— В рейде? — сказал Лямин. — Ну ладно, начнем без Опанасенко. Товарищи, как вам известно,

за последние недели летающие пиявки активизировались. С позавчерашнего дня началось уже совершенное безобразие. Пиявки стали нападать днем. К счастью, обошлось без жертв, но ряд начальников групп и участков потребовал решительных мер. Я хочу подчеркнуть, товарищи, что проблема пиявок — старая проблема. Всем нам они надоели. Спорим мы о них ненормально много, иногда даже ссоримся, полевым группам эти твари, видимо, очень мешают, и вообще пора, наконец, принять о них, о пиявках то есть, какое-то окончательное решение. Коротко говоря, у нас определились два мнения по этому вопросу. Первое — немедленная облава и посильное уничтожение пиявок. Второе — продолжение политики пассивной обороны, как паллиатив, вплоть до того времени, когда колония достаточно окрепнет. Товарищи, — он прижал руки к груди, — я вас прошу сейчас высказываться в произвольном порядке. Но, только, пожалуйста, постарайтесь обойтись без личных выпадов. Это нам совершенно ни к чему. Я знаю, все мы устали, раздражены и каждый чем-нибудь недоволен. Но убедительно прошу забыть сейчас все, кроме интересов дела. — Глаза его сузились. — Особенно горячих я буду удалять с совещания независимо

от рангов.

Он сел. Сейчас же поднялся высокий, очень худой человек, с пятнистым от загара лицом, небритый, с воспаленными глазами. Это был заместитель директора по строительству Виктор Кириллович Гайдадымов.

— Я не знаю, — начал он, — сколько времени продлится ваша облава — декаду, месяц, может быть, полгода. Я не знаю, сколько людей вы заберете на облаву — людей, по-видимому, самых лучших, может быть даже всех. Я не знаю, наконец, выйдет ли что-нибудь из вашей облавы. Но вот что я твердо знаю и считаю своим долгом довести до сведения. Во-первых, из-за облавы придется прервать строительство жилых корпусов. А между прочим, через два месяца к нам прибудет пополнение, а жилищный кризис дает себя знать уже сейчас. На Теплом Сырте я не имею возможности выделить комнаты даже женатым. Кстати, не к чести наших иностранных друзей будь сказано, они слишком много волнуются по этому поводу. Но это между прочим. Во-вторых, из-за облавы задержится строительство завода стройматериалов. Что такое завод стройматериалов в наших условиях, вы должны понимать сами. Об оранжереях и теплицах, которые мы

из-за облавы не получим и этим летом, я даже говорить не буду. В-третьих, самое главное. Облава сорвет строительство регенерационного завода. Через месяц начнутся осениие бури, и на этом строительстве придется поставить крест. — Он стиснул зубы, закрыл и снова открыл глаза. — Вы знаете, товарищи, что мы все здесь висим на волоске. Может быть, я раскрываю какие-то секреты администрации, но черт с ними в конце концов: мы все здесь взрослые и опытные люди! Запасы воды под Теплым Сыртом иссякают. Они уже фактически иссякли. Уже сейчас мы возим воду на песчаных танках за двадцать шесть километров. (За столом зашумели и задвигались, кто-то крикнул: «А куда раньше смотрели?!») Если мы не закончим к концу месяца регенерационный завод, то осенью мы сядем на голодный паек, а зимой нам придется перетаскивать Теплый Сырт на двести километров отсюда. Я кончил.

Он сел и залпом выпил стакан остывшего какао. После минутной паузы Лямин сказал:

— Кто следующий?

— Я, — сказал кто-то. Встал маленький бородатый человек в темных очках — начальник ремонтных мастерских Захар Иосифович Пучко. — Я полностью присоединяюсь к Виктору

Кирилловичу, — он снял очки и подслеповато оглядел стол. — Как-то все у нас по-детски получается — облава, пиф-паф-ой-ей-ей… А я спрошу вас: а на чем это вы собираетесь гоняться за пиявками? Может быть, на палочке верхом, а? Вам сейчас Виктор Кириллович очень хорошо объяснил: у нас песчаные танки возят воду. А какие это танки? Это же горе, а не танки. Четверть нашего транспортного парка стоит у меня в мастерских, а ремонтировать их некому. Тот, кто умеет ремонтировать, тот не ломает, а кто умеет ломать, тот не умеет ремонтировать. Обращаются с танками так, будто это авторучка — выбросил и купил новую. Я, Наташа, посмотрел на ваш краулер. Это ж довести машину до такого состояния! Можно подумать, вы на нем ходите сквозь стены…

— Захар, Захар, ближе к делу, — сказал Лямин.

— Я хочу только сказать вот что. Знаю я эти облавы, знаю. Половина машин останется в пустыне, другая половина, может быть, доползет до меня, и мне скажут: чини. А чем я буду чинить — ногами? Рук у меня не хватает. И тогда начнется. Пучко такой, Пучко сякой. Пучко думает, что не мастерские для Теплого Сырта, а Теплый Сырт для мастерских. Я начну просить людей у товарища Азизбекова, и он мне их не даст. Я начну просить

людей у товарища Накамуры — простите, у господина Накамуры, — и он скажет, что у него и так летит программа…

— Ближе к делу, Захар, — нетерпеливо сказал Лямин.

— Ближе к делу начнется, когда у нас не останется ни одной машины. Тогда мы начнем носить продукты и воду на своем горбу за сто километров, и тогда меня спросят: «Пучко, а где ты был, когда делали облаву?»

Пучко надел очки и сел.

— Дрянь дела, — пробормотал кто-то.

Наташа сидела как пришибленная. Ну, какой я начальник, думала она. Ведь я же ничего этого не знала, и даже не могла предположить, и еще ругала, свинья такая, этих стариков за бюрократизм…

— Разрешите мне, — послышался мягкий голос.

— Старший ареолог[4] системы Ливанов, — сказал Лямин.

Лицо Ливанова тоже было покрыто пятнистым загаром, широкое квадратное лицо с черными близко посаженными глазами.

---

[4] Примечания: 4
Специалист по геологии Марса.

— Возражения против облавы, высказанные здесь, — проговорил он, — представляются мне чрезвычайно важными и значительными. (Наташа посмотрела на Гайдадымова. Гайдадымов спал, бессильно уронив голову.) И тем не менее облаву провести необходимо. Вот некоторые статистические данные. За тридцать лет пребывания человека на Марсе летающие пиявки Совершили более полутора тысяч зарегистрированных нападений на людей. Три человека было убито, двенадцать искалечено. Население системы Теплый Сырт составляет тысячу двести человек, из них восемьсот человек постоянно работают в поле и, следовательно, перманентно находятся под угрозой нападения. До четверти ученых вынуждены нести сторожевую службу в ущерб государственным и личным научным планам. Мало того. Помимо морального ущерба, пиявки наносят весьма значительный материальный ущерб. Только за последние несколько недель и только у ареологов они непоправимо разрушили пять уникальных установок и вывели из строя двадцать восемь ценных приборов. Представляется очевидным, что дальше так продолжаться не может. Пиявки ставят под угрозу всю научную работу системы Теплый Сырт.

В мои намерения никоим образом не входит сколько-нибудь умалить значение соображений, высказанных здесь товарищами Гайдадымовым и Пучко. Эти соображения были учтены при составлении плана облавы, который я имею предложить совещанию от имени ареологов и Следопытов.

Все зашевелились и снова замерли. Гайдадымов вздрогнул и открыл глаза. Ливанов продолжал размеренным голосом:

— Наблюдения показали, что апексом[5] распространения пиявок в районе Теплого Сырта является участок так называемой Старой Базы — на карте отметка 211. Операция начинается за час до восхода солнца. Группа из сорока хорошо подготовленных стрелков на четырех песчаных танках с запасом продовольствия на три дня занимает Старую Базу. Две группы загонщиков ориентировочно по двести человек в каждой — на танках и краулерах развертываются в цепи из районов: первая группа — в ста километрах к западу от Сырта, вторая группа — в ста километрах к северу от Сырта. В час ноль-ноль обе группы начинают медленное движение соответствен-

---

[5] Примечания: 5
Апекс — (зд.) центр.

но к северо-востоку и к югу, производя на ходу как можно больше шума и истребляя пиявок, пытающихся прорваться через цепь. Двигаясь медленно и методически, обе группы смыкаются флангами, оттесняя пиявок в район Старой Базы. Таким образом, вся масса пиявок, оказавшаяся в зоне охвата, будет сосредоточена в районе Старой Базы и уничтожена. Такова первая часть плана. Я хотел бы выслушать возможные вопросы и возражения.

— Медленно и методически — это хорошо, — сказал Пучко. Но все-таки сколько потребуется машин?

— И людей, — сказал Гайдадымов. — И дней.

— Пятьдесят машин, четыреста пятьдесят человек и максимум трое суток.

— Как вы думаете истреблять пиявок? — спросил Джефферсон.

— Мы очень мало знаем о пиявках, — сказал Ливанов. — Пока мы можем полагаться только на два средства: отравленные пули и огнеметы.

— А где это взять?

— Боеприпасы отравить несложно, а что касается огнеметов, то мы их изготавливаем из пульпомониторов.

— Уже изготавливаете?

— Да.

— Хороший план, — сказал Лямин. — Как вы думаете, товарищи?

Гайдадымов поднялся.

— Против такого плана я не возражаю, — сказал он. — Только постарайтесь не брать у меня строителей. И разрешите мне сейчас удалиться.

За столом зашумели. «Отличный план, что и говорить!» «А где вы возьмете стрелков?» — «Наберутся! Это строителей не хватает, а стрелков хватит!» — «Ох, и постреляем же!»

— Я еще не кончил, товарищи, — сказал Ливанов. — Есть вторая часть плана. Видимо, территория Старой Базы изрыта трещинами и кавернами, через которые пиявки выходят на поверхность. И там, конечно, полно подземных помещений. Когда кольцо замкнется и мы перебьем пиявок, мы можем либо зацементировать эти каверны, трещины и тоннели, либо продолжить преследование под землей. В обоих случаях нам совершенно необходим план Старой Базы.

— Нет, о преследовании под землей не может быть и речи, — сказал кто-то. — Это слишком опасно.

— А интересно было бы, — пробормотал розовый толстяк с перевязанными руками.

— Товарищи, этот вопрос мы решим после окончания облавы, сказал Ливанов. — Сейчас нам нужен план Старой Базы. Мы обращались в архив, но там плана почему-то не оказалось. Может быть, кто-нибудь из старожилов имеет план?

За столом многие недоуменно переглядывались.

— Я не понимаю, — сказал сердито костлявый пожилой ареодезист. — О каком плане идет речь?

— О плане Старой Базы.

— Старая База была построена пятнадцать лет назад, на моих глазах. Это был бетонированный купол, и не было там никаких каверн и тоннелей. Правда, я улетал на Землю, может быть, без меня построили?

Другой ареодезист сказал:

— Кстати, Старая База находится не на отметке 211, а на отметке 205.

— Почему 205? — сказала Наташа. — На отметке 211! Это к западу от обсерватории.

— При чем здесь обсерватория? — Костлявый ареодезист совсем рассердился. — Старая база находится в одиннадцати километрах к югу от Теплого Сырта…

— Подождите, подождите! — закричал Ливанов. — Имеется в виду Старая База, расположенная на отметке 211, в трех километрах к западу от обсерватории.

— А! — сказал костлявый ареодезист. — Так вы имеете в виду Серые Развалины — остатки первопоселения. Кажется, там пытался обосноваться Нортон.

— Нортон высадился в трехстах километрах к югу отсюда! — закричал кто-то.

Поднялся шум.

— Тише, тише! — сказал Лямин и похлопал ладонью по столу. — Прекратите споры. Нам надо выяснить, кто знает что-нибудь о Старой Базе или о Серых Развалинах, как угодно, одним словом, о высоте с отметкой 211?

Все молчали. Ходить на развалины старых поселений никто не любил, да и некогда было.

— Одним словом, никто не знает, — сказал Лямин. — И плана нет.

— Могу дать справку, — сказал секретарь директора, он же зам. по научной части, он же архивариус. — С этой «Старой Базой» вообще какая-то чепуха получается. На отчетных кроках Нортона эта база не отмечена, потом она появляется на отметке 211, а два года спустя на докладной записке

Вельяминова, просившего разрешение исследовать развалины «Старой Базы», тогдашний начальник экспедиции Юрковский собственноручно начертать соизволил, — секретарь поднял над головой пожелтевший листок бумаги: — «Ничего не понял. Учитесь правильно читать карту. Отметка не 211, а 205. Разрешаю. Юрковский».

Все удивленно засмеялись.

— Разрешите предложение, — тихо сказал Рыбкин. Все посмотрели на него. — Можно сейчас же отправиться на отметку 211 и снять кроки Старой Базы.

— И то правильно, — сказал Лямин. — У кого есть время — поезжайте. Старшим назначается товарищ Ливанов. Совещание возобновим в одиннадцать часов.

От Теплого Сырта до Старой Базы по прямой было около шести километров. Отправились туда на двух песчаных танках. Желающих оказалось много — больше, чем участников совещания, — и Наташа решила ехать на своем краулере. Танки с ревом и скрежетом покатились к окраине Сырта. Чтобы не попасть в пыль, Наташа пустила краулер в обход. Поравнявшись с центральной метеобашней, она вдруг увидела Рыбкина. Маленький Следопыт шел привычным быстрым

шагом, положив руки на свой длинный карабин, висевший на шее. Наташа затормозила.

— Феликс! — крикнула она. — Куда вы?

Он остановился и подошел к краулеру.

— Я решил идти пешком, — сказал он, спокойно глядя на нее снизу вверх. — Мне не хватило места.

— Садитесь, — сказала Наташа. Она неожиданно почувствовала себя с Феликсом свободно, совсем не так, как по вечерам в обсерватории. Феликс легко поднялся на сиденье рядом с нею, снял с шеи карабин и поставил между колен. Краулер тронулся.

— Я очень испугалась вчера вечером, когда вы ушли одни, призналась Наташа. — Сергей вас быстро догнал?

— Сергей? — Он посмотрел на нее. — Да… довольно быстро. Это была удачная мысль.

Они помолчали. В полукилометре слева шли танки, оставляя за собой над пустыней плотную неподвижную стену пыли.

— Интересное было совещание, правда? — сказала Наташа.

— Очень интересное, — сказал Рыбкин. — И что-то странное получается со Старой Базой.

— Я там бывала с ребятами, — сказала Ната-

ша. — Еще когда строили нашу обсерваторию. Ничего особенного. Цементные плиты, все растрескалось, поросло саксаулом. Вы тоже думаете, что пиявки вылезают оттуда?

— Уверен, — сказал Рыбкин. — Там огромное гнездо пиявок, Наташа. Там под холмом огромная каверна. И она, наверное, имеет сообщение с другими пустотами под почвой. Хотя я этих ходов не нашел.

Наташа с ужасом на него посмотрела. Краулер вильнул. Справа из-за барханов открылась обсерватория. На наблюдательной площадке стоял длинный, как жердь, Матти и махал рукой. Феликс вежливо помахал в ответ. Купола и здания Теплого Сырта скрылись за близким горизонтом.

— Неужели вы их не боитесь? — спросила Наташа.

— Боюсь, — сказал Феликс. — Иногда, Наташа, просто до тошноты страшно бывает. Вы бы посмотрели, какие у них пасти. Только они еще более трусливы.

— Знаете что, Феликс, — сказала Наташа, глядя прямо перед собой, — Матти говорит, что вы странный человек. Я тоже думаю, что вы очень странный человек.

Феликс засмеялся.

— Вы мне льстите, — сказал он. — Вам, конечно, кажется странным, что я всегда прихожу к вам на обсерваторию поздним вечером только для того, чтобы выпить кофе. Но я не могу приходить днем. Днем я занят. Да и вечером я почти всегда занят. А когда у меня бывает свободное время, я прихожу к вам.

Наташа почувствовала, что начинает краснеть. Но краулер был уже у подножия плоского холма, того самого, который изображался на ареографических картах искривленным овалом с отметкой 211. На вершине холма, среди неровных серых глыб уже копошились люди.

Наташа поставила краулер подальше от песчаных танков и выключила двигатель. Феликс стоял внизу, серьезно глядя на нее и протянув руку.

— Не надо, спасибо, — пробормотала Наташа, но на руку все-таки оперлась.

Они пошли среди развалин Старой Базы. Странные это были развалины: по ним никак нельзя было понять, каков первоначальный вид или хотя бы план сооружения. Проломленные купола на шестигранных основах, обвалившиеся галереи, штабеля растрескавшихся цементных блоков. Все это густо поросло марсианской колючкой и

потонуло в пыли и песке. Кое-где под серыми сводами зияли темные провалы. Некоторые из них вели куда-то в глубокий, непроглядный мрак.

Над развалинами стоял гомон голосов.

— Еще одна каверна! Тут никакого цемента не хватит!

— Что за идиотская планировка!

— А что вы хотите от Старой Базы?

— Колючек-то, колючек! Как на солончаке…

— Вилли, не лезьте туда!

— Там пусто, никого нет…

— Товарищи, начинайте же съемку в конце концов.

— Доброе утро, Володя! Давно уже начали…

— Смотрите, а здесь следы ботинок!

— Да, кто-то здесь бывает… Вон еще…

— Следопыты, наверное…

Наташа посмотрела на Феликса. Феликс кивнул.

— Это я, — сказал он.

Он вдруг остановился, присел на корточки и стал что-то разглядывать.

— Вот, — сказал он. — Посмотрите, Наташа.

Наташа наклонилась. Из трещины в цементе свисал толстый стебель колючки с крошечным цветком на конце.

— Какая прелесть! — сказала она. — А я и не знала, что колючка цветет. Красиво как — красное с синим…

— Колючка дает цветок очень редко, — медленно сказал Феликс. — Известно, что она цветет раз в пять марсианских лет.

— Нам повезло, — сказала Наташа.

— Каждый раз, когда цветок осыпается, на его место выступает новый побег, а там, где был цветок, остается блестящее колечко. Такое вот, видите?

— Интересно, — сказала Наташа. — Значит, можно подсчитать, сколько колючке лет… Раз… Два… Три… Четыре…

Она остановилась и посмотрела на Феликса.

— Тут восемь ободков, — сказала она неуверенно.

— Да, — сказал Феликс. — Восемь. Цветок — девятый. Этой трещине в цементе восемьдесят земных лет.

— Не понимаю, — сказала Наташа и вдруг поняла. — Значит, это не наша база? — сказала она шепотом.

— Не наша, — сказал Феликс и выпрямился.

— Вы об этом знали! — сказала Наташа.

— Да, мы об этом знаем, — сказал Феликс. — Это

здание строили не люди. Это не цемент. Это не просто холм. И пиявки не зря нападают на двуногих прямостоящих.

Наташа несколько секунд глядела на него, а затем повернулась и закричала во весь голос:

— Товарищи! Сюда! Скорее! Все сюда! Смотрите! Смотрите, что здесь есть! Сюда!

Кабинет директора системы Теплый Сырт был набит до отказа. Директор вытирал лысину платком и ошалело мотал головой. Ареолог Ливанов, утратив сдержанность и корректность, орал, надсаживаясь, стараясь перекрыть шум:

— Это просто уму непостижимо! Теплый Сырт существует шесть лет. За шесть лет не разобрались, что здесь наше и что не наше. Никому и в голову не пришло поинтересоваться Старой Базой!...

— А что там интересоваться! — кричал Азизбеков. — Я двадцать раз проезжал мимо. Развалины как развалины. Разве мало развалин оставили после себя первопоселенцы?

— А я там был года два назад! Смотрю, валяется ржавая гусеница от краулера. Посмотрел и поехал дальше.

— А сейчас она там валяется?

— Да что там говорить? Посередине Базы стоит

с незапамятных времен тригонометрический знак. Тоже, может быть, марсиане ставили?

— Следопыты просто опозорились, срам на них смотреть!

— Ну почему? Это они же и открыли!

Начальник группы Следопытов Опанасенко, прибывший всего несколько минут назад, огромный, широкий, ухмыляющийся, обмахивался сложенной картой и что-то говорил директору. Директор мотал головой.

К столу пробирался, наступая всем на ноги, Пучко. Борода у него была взъерошенная, очки он держал высоко над головой.

— Потому что в системе творится тихий бедлам! — фальцетом закричал он. — Скоро ко мне будут приходить марсиане и просить, чтобы я им починил танк или там краулер, и я им буду чинить! У меня уже были случаи, когда приходят незнакомые люди и просят починить! Потому что я вижу — по городу ходят какие-то неизвестные люди! Я не знаю, откуда они приходят, и я не знаю, куда они уходят! А может быть, они приходят со Старой Базы и уходят на Старую Базу!

Шум в кабинете внезапно затих.

— Может быть, вы хотите пример — пожалуйста! Один такой гражданин сидит здесь с нами с

утра! Я о вас говорю, товарищ!

Пучко ткнул очками в сторону Феликса Рыбкина. Кабинет взорвался хохотом. Опанасенко сказал гулким басом:

— Ну-ну, Захар, это же мой Рыбкин.

Феликс покачал головой, почесал в затылке и искоса поглядел на Наташу.

— Ну и что же, что Рыбкин? — закричал Пучко. — А я откуда знаю, что он Рыбкин? Вот я и говорю, нужно, чтобы всех знали... — он махнул рукой и полез на свое место.

Директор встал и громко постучал карандашом по столу.

— Хватит, хватит, товарищи, — строго сказал он. — Повеселились, и хватит. Открытие, которое сделали Следопыты, представляет огромный интерес, но мы собрались не для этого. Схема Старой Базы у нас теперь есть. Облаву начнем через три дня. Приказ на облаву будет отдан сегодня вечером. Предварительно сообщаю, что начальником группы облавы назначается Опанасенко, а его заместителем — Ливанов. А теперь прошу всех, кроме моих заместителей покинуть кабинет и разойтись по рабочим местам.

В кабинете была только одна дверь в коридор, и кабинет пустел медленно. В дверях вдруг обра-

зовалась пробка.

— Радиограмма директору! — закричал кто-то.

— Передайте по рукам!

Сложенный листок бумаги поплыл над головами. Директор, споривший о чем-то с Опанасенко, взял и развернул его. Наташа увидела, как он побледнел, а потом покраснел.

— Что случилось? — пробасил Опанасенко.

— С ума сойти можно, — сказал директор с отчаянием. Завтра сюда прибывает Юрковский.

— Володя? — сказал Опанасенко. — Это хорошо!

— Кому Володя, — с тихим отчаянием сказал директор, — а кому генеральный директор Международного управления космических сообщений.

Директор еще раз перечитал радиограмму и вздохнул.

5 «ТАХМАСИБ». ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР И ДРУГИЕ

ягкий свисток будильника разбудил Юру ровно в восемь утра по бортовому времени. Юра приподнялся на локте и сердито посмотрел на будильник. Будильник подождал немного и засвистел снова. Юра застонал и сел на койке. Нет, больше я по вечерам читать не буду, подумал он. Почему это вечером никогда не хочется спать, а утром испытываешь такие мучения?

В каюте было прохладно, даже холодно. Юра обхватил руками голые плечи и постучал зубами. Затем он спустил ноги на пол, протиснулся между койкой и стеной и вышел в коридор. В коридоре

было еще холоднее, но зато там стоял Жилин, могучий, мускулистый, в одних трусах. Жилин делал зарядку. Некоторое время Юра, обхватив руками плечи, стоял и смотрел, как Жилин делает зарядку. В каждой руке у Жилина было зажато по десятикилограммовой гантели. Жилин вел бой с тенью. Тени приходилось плохо. От страшных ударов по коридору носился ветерок.

— Доброе утро, Ваня, — сказал Юра.

Жилин мгновенно и бесшумно повернулся и скользящими шагами двинулся на Юру, ритмично раскачиваясь всем телом. Лицо у него было серьезное и сосредоточенное. Юра принял боевую стойку. Тогда Жилин положил гантели на пол и кинулся в бой. Юра кинулся ему навстречу, и через несколько минут ему стало жарко. Жилин хлестко и больно избивал его полураскрытой ладонью. Юра три раза попал ему в лоб, и каждый раз на лице Жилина появлялась улыбка удовольствия. Когда Юра взмок, Жилин сказал: «Брэк!» — и они остановились.

— Доброе утро, стажер, — сказал Жилин. — Как спалось?

— Спа… си… бо, — сказал Юра. — Ни… чего.

— В душ! — скомандовал Жилин.

Душевая была маленькая, на одного человека,

и возле нее уже стоял с брезгливой усмешкой Юрковский в роскошном, красном с золотом халате, с колоссальным мохнатым полотенцем через плечо. Он говорил сквозь дверь:

— Во всяком случае… э-э… я отлично помню, что Краюхин тогда отказался утвердить этот проект… Что?

Из— за двери слабо слышался шум струй, плеск и неразборчивый тонкий тенорок.

— Ничего не слышу, — негодующе сказал Юрковский. Он повысил голос. — Я говорю, что Краюхин отклонил этот проект, и если ты напишешь, что это была историческая ошибка, то ты будешь прав… Что?

Дверь душевой отворилась, и оттуда, еще продолжая вытираться, вышел розовый бодрый Михаил Антонович Крутиков, штурман «Тахмасиба».

— Ты тут что-то говорил, Володенька, — благодушно сказал он. — Только я ничего не слышал. Вода очень шумит.

Юрковский с сожалением на него посмотрел, вошел в душевую и закрыл за собой дверь.

— Мальчики, он не рассердился? — спросил встревоженный Михаил Антонович. — Мне почему-то показалось, что он рассердился.

Жилин пожал плечами, а Юра сказал неуверенно:

— По-моему, ничего.

Михаил Антонович вдруг закричал:

— Ах, ах! Каша разварится! — и быстро побежал по коридору на камбуз.

— Говорят, сегодня прибываем на Марс? — деловито сказал Юра.

— Был такой слух, — сказал Жилин. — Правда, тридцать-тридцать по курсу обнаружен корабль под развевающимся пиратским флагом, но я полагаю, что мы проскочим. — Он вдруг остановился и прислушался. Юра тоже прислушался. В душевой обильно лилась вода. Жилин пошевелил коротким носом. Чую, — сказал он.

Юра тоже принюхался.

— Каша, что ли? — спросил он неуверенно.

— Нет, — сказал Жилин. — Зашалил недублированный фазоциклер. Ужасный шалун, этот недублированный фазоциклер. Чую, что сегодня его придется регулировать.

Юра с сомнением посмотрел на него. Это могло быть шуткой, а могло быть и правдой. Жилин обладал изумительным чутьем на неисправности.

Из душевой вышел Юрковский. Он величественно посмотрел на Жилина и еще более

величественно на Юру.

— Э-э… — сказал он, — кадет и поручик. А кто сегодня дежурный на камбузе?

— Михаил Антонович, — сказал Юра застенчиво.

— Значит, опять овсяная каша, — величественно сказал Юрковский и прошел к себе в каюту.

Юра проводил его восхищенным взглядом. Юрковский поражал его воображение.

— А? — сказал Жилин. — Громовержец! Зевес! А? Ступай мыться.

— Нет, — сказал Юра. — Сначала вы, Ваня.

— Тогда пойдем вместе. Что ты здесь будешь один торчать? Как-нибудь втиснемся.

После душа они оделись и явились в кают-компанию. Все уже сидели за столом, и Михаил Антонович раскладывал по тарелкам овсяную кашу. Увидев Юру, Быков посмотрел на часы и потом снова на Юру. Он делал так каждое утро. Сегодня замечания не последовало.

— Садитесь, — сказал Быков.

Юра сел на свое место — рядом с Жилиным и напротив капитана, — и Михаил Антонович, ласково на него поглядывая, положил ему каши. Юрковский ел кашу с видимым отвращением и читал какой-то толстый переплетенный ма-

шинописный отчет, положив его перед собой на корзинку с хлебом.

— Иван, — сказал Быков, — недублированный фазоциклер теряет настройку. Займись.

— Я, Алексей Петрович, займусь им, — сказал Иван. — Последние рейсы я только им и занимаюсь. Надо либо менять схему, либо ставить дублер.

— Схему надо менять, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Устарело это все — и фазоциклеры, и вертикальная развертка, и телетакторы… Вот я помню, мы ходили к Урану на «Хиусе-8»… в две тысячи первом…

— Не в две тысячи первом, а в девяносто девятом, — сказал Юрковский, не отрываясь от отчета. — Мемуарщик…

— А по-моему… — сказал Михаил Антонович и задумался.

— Не слушай ты его, Михаил, — сказал Быков. — Какое кому дело, когда это было? Главное — кто ходил. На чем ходил. Как ходил.

Юра тихонько поерзал на стуле. Начинался традиционный утренний разговор. Бойцы вспоминали минувшие дни. Михаил Антонович, собираясь в отставку, писал мемуары.

— То есть как это? — сказал Юрковский, подни-

мая глаза от рукописи. — А приоритет?

— Какой еще приоритет? — сказал Быков.

— Мой приоритет.

— Зачем это тебе понадобился приоритет?

— По-моему, очень приятно быть... э-э... первым.

— Да на что тебе быть первым? — удивился Быков.

Юрковский подумал.

— Честно говоря, не знаю, — сказал он. — Мне просто приятно.

— Лично мне это совершенно безразлично, — сказал Быков.

Юрковский, снисходительно улыбаясь, помотал в воздухе указательным пальцем.

— Так ли, Алексей?

— Может быть, и неплохо оказаться первым, — сказал Быков, — но лезть из кожи вон, чтобы быть первым — занятие нескромное. По крайней мере для ученого.

Жилин подмигнул Юре. Юра понял это так: «Мотай на ус».

— Не знаю, не знаю, — сказал Юрковский, демонстративно возвращаясь к отчету. — Во всяком случае, Михаил обязан придерживаться исторической правды. В девяносто девятом го-

ду экспедиционная группа Дауге и Юрковского впервые в истории науки открыла и исследовала бомбозондами так называемое аморфное поле на северном полюсе Урана. Следующее исследование пятна было проведено годом позже.

— Кем? — с очень большим интересом спросил Жилин.

— Не помню, — сказал рассеянно Юрковский. — Кажется, Лекруа. Михаил, нельзя ли… э-э… освободить стол? Мне надо работать.

Наступали священные часы работы Юрковского. Юрковский всегда работал в кают-компании. Он так привык. Михаил Антонович и Жилин ушли в рубку. Юра хотел последовать за ними было очень интересно посмотреть, как настраивают недублированный фазоциклер, — но Юрковский остановил его.

— Э-э… кадет, — сказал он, — не сочтите за труд, принесите мне, пожалуйста, бювар из моей каюты. Он лежит на койке.

Юра сходил за бюваром. Когда он вернулся, Юрковский что-то печатал на портативной электромашинке, небрежно порхая по контактам пальцами левой руки. Быков уже сидел на обычном месте, в большом персональном кресле; рядом с ним на столике возвышалась огромная

пачка газет и журналов. На носу Быкова были большие старомодные очки. Первое время Юра поражался, глядя на Быкова. На корабле работали все. Жилин ежедневно вылизывал ходовую и контрольную системы, Михаил Антонович считал и пересчитывал курс, вводил дополнительные команды на киберуправление, заканчивал большой учебник и еще ухитрялся как-то находить время для мемуаров. Юрковский до глубокой ночи читал какие-то пухлые отчеты, получал и отправлял бесчисленные радиограммы, что-то расшифровывал и зашифровывал на электромашинке. А капитан корабля Алексей Петрович Быков читал газеты и журналы. Раз в сутки он, правда, выстаивал очередную вахту. Но все остальное время он проводил в своей каюте, либо в кают-компании. Юру это шокировало. На третьи сутки он не выдержал и спросил у Жилина, зачем на корабле капитан. «Для ответственности, — сказал Жилин. — Если, скажем, кто-нибудь потеряется». У Юры вытянулось лицо. Жилин засмеялся и сказал: «капитан отвечает за всю организацию рейса. Перед рейсом у него нет ни одной свободной минуты. Ты заметил, что он читает? Это газеты и журналы за последние два месяца». — «А во время рейса?» — спросил

Юра. Они стояли в коридоре и не заметили, как подошел Юрковский. «Во время рейса капитан нужен только тогда, когда случается катастрофа, — сказал он со странной усмешкой. — И тогда он нужен больше, чем кто-нибудь другой».

Юра, ступая на цыпочках, положил рядом с Юрковским бювар. Бювар был роскошный, как и все у Юрковского. В углу бювара была врезана золотая пластина с надписью: «IV всемирный конгресс планетологов. 20.XII.02. Конакри».

— Спасибо, кадет, — сказал Юрковский, откинулся на стуле и задумчиво посмотрел на Юру. — Вы бы сели да побеседовали со мной, стариком, — сказал он негромко. — А то через десять минут принесут радиограммы и опять начнется кавардак на целый день. — Юра сел. Он был безмерно счастлив. — Вот давеча я говорил о приоритете и, кажется, немного погорячился. Действительно, что значит одно имя в океане человеческих усилий, в бурях человеческой мысли, в грандиозных приливах и отливах человеческого разума? Вот подумайте, Юра, сотни людей в разных концах вселенной собрали для нас необходимую информацию, дежурный на Спу-пять, усталый, с красными от бессонницы глазами, принимал и кодировал ее, другие дежурные

программировали трансляционные установки, а затем еще кто-то нажмет на пусковую клавишу, гигантские отражатели заворочаются, разыскивая в пространстве наш корабль, и мощный квант, насыщенный информацией, сорвется с острия антенны и устремится в пустоту вслед за нами…

Юра слушал, глядя ему в рот. Юрковский продолжал:

— Капитан Быков, несомненно, прав. Собственное имя на карте не должно означать слишком много для настоящего человека. Радоваться своим успехам надо скромно, один на один с собой. А с друзьями надо делиться только радостью поиска, радостью погони и смертельной борьбы. Вы знаете, Юра, сколько людей на Земле? Четыре миллиарда! И каждый из них работает. Или гонится. Или ищет. Или дерется насмерть. Иногда я пробую представить себе все эти четыре миллиарда одновременно. Капитан Фрэд Дулитл ведет пассажирский лайнер, и за сто мегаметров до финиша выходит из строя питающий реактор, и у Фрэда Дулитла за пять минут седеет голова, но он надевает большой черный берет, идет в кают-компанию и хохочет там с пассажирами, с теми самыми пассажирами, которые так ничего и не

узнают и через сутки разъедутся с ракетодрома и навсегда забудут даже имя Фрэда Дулитла. Профессор Канаяма отдает всю свою жизнь созданию стереосинтетиков, и в одно жаркое сырое утро его находят мертвым в кресле возле лабораторного стола, и кто из сотен миллионов, которые будут носить изумительно красивые и прочные одежды из стереосинтетиков профессора Канаяма, вспомнит его имя? А Юрий Бородин будет в необычайно трудных условиях возводить жилые купола на маленькой каменистой Рее, и можно поручиться, что ни один из будущих обитателей этих жилых куполов никогда не услышит имени Юрия Бородина. И вы знаете, Юра, это очень справедливо. Ибо и Фрэд Дулитл тоже уже забыл имена своих пассажиров, а ведь они идут на смертельно опасный штурм чужой планеты. И профессор Канаяма никогда в глаза не видел тех, кто носит одежду из его тканей, — а ведь эти люди кормили и одевали его, пока он работал. И ты, Юра, никогда, наверное, не узнаешь о героизме ученых, что поселятся в домах, которые ты выстроишь. Таков мир, в котором мы живем. Очень хороший мир.

Юрковский кончил говорить и посмотрел на Юру с таким выражением, словно ожидал, что

Юра тут же переменится к лучшему. Юра молчал. Это называлось «беседовать со стариком». Оба очень любили такие беседы. Ничего особенно нового для Юры в этих беседах, конечно, не было, но у него всегда оставалось впечатление чего-то огромного и сверкающего. Вероятно, дело было в самом обличии великого планетолога — весь он был какой-то красный с золотом.

В кают— компанию вошел Жилин, положил перед Юрковским катушки радиограмм.

— Утренняя почта, — сказал он.

— Спасибо, Ваня, — расслабленным голосом сказал Юрковский. Он взял наугад катушку, вставил ее в машинку и включил дешифратор. Машинка бешено застучала.

— Ну вот, — тем же расслабленным голосом сказал Юрковский, вытягивая из машинки лист бумаги. — Опять на Церере программу не выполнили.

Жилин крепко взял Юру за рукав и повлек в рубку. Позади раздавался крепнущий голос Юрковского:

— Снять его надо к чертовой бабушке и перевести на Землю, пусть сидит смотрителем музея…

Юра стоял за спиной Жилина и глядел, как настраивают фазоциклер. Ничего не пони-

маю, думал он с унынием. И никогда не пойму. Фазоциклер был деталью комбайна контроля отражателя и служил для измерения плотности потока радиации в рабочем объеме отражателя. Следить за настройкой фазоциклера нужно было по двум экранам. На экранах вспыхивали и медленно гасли голубоватые искры и извилистые линии. Иногда они смешивались в одно сплошное светящееся облако, и тогда Юра думал, что все пропало и настройку нужно начинать сначала, а Жилин со вкусом приговаривал: «Превосходно. А теперь еще на полградуса». Все действительно начиналось сначала.

На возвышении в двух шагах позади Юры сидел за пультом счетной машины Михаил Антонович и писал мемуары. Пот градом катился по его лицу. Юра уже знал, что писать мемуары Михаила Антоновича заставил архивный отдел международного управления космических сообщений. Михаил Антонович трудолюбиво царапал пером, возводил очи горе, что-то считал на пальцах и время от времени грустным голосом принимался петь веселые песни. Михаил Антонович был добряк, каких мало. В первый же день он подарил Юре плитку шоколада и попросил прочитать написанную часть мемуаров. Критику прямодуш-

ной молодости он воспринял крайне болезненно, но с тех пор стал считать Юру непререкаемым авторитетом в области мемуарной литературы.

— Вот послушай, Юрик, — вскричал он. — И ты, Ванюша, послушай.

— Слушаем, Михаил Антонович, — с готовностью сказал Юра.

Михаил Антонович откашлялся и стал читать:

— «С капитаном Степаном Афанасьевичем Варшавским я встретился впервые на солнечных и лазурных берегах Таити. Яркие звезды мерцали над бескрайним Великим, или Тихим, океаном. Он подошел ко мне и попросил закурить, сославшись на то, что забыл свою трубку в отеле. К сожалению, я не курил, но это не помешало нам разговориться и узнать друг о друге. Степан Афанасьевич произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это оказался милейший, превосходнейший человек. Он был очень добр, умен, с широчайшим кругозором. Я поражался обширности его познаний. Ласковость, с которой он относился к людям, казалась мне иногда необыкновенной…»

— Ничего, — сказал Жилин, когда Михаил Антонович замолк и застенчиво на них посмотрел.

— Я здесь только попытался дать портрет этого

превосходного человека, — сказал Михаил Антонович.

— Да, ничего, — повторил Жилин, внимательно наблюдая за экранами. — Как это у вас сказано: «Над солнечными и лазурными берегами мерцали яркие звезды». Очень свежо.

— Где? Где? — засуетился Михаил Антонович. — Ну, это просто описка, Ваня. Ну, не нужно так шутить.

Юра напряженно думал, к чему бы это прицепиться. Ему очень хотелось поддержать свое реноме.

— Вот я и раньше читал вашу рукопись, Михаил Антонович, — сказал он наконец. — Сейчас я не буду касаться литературной стороны дела. Но почему они у вас все такие милейшие и превосходнейшие? Нет, они действительно, наверное, хорошие люди, но у вас их совершенно нельзя отличить друг от друга.

— Что верно, то верно, — сказал Жилин. — Уж кого-кого, а капитана Варшавского я отличу от кого угодно. Как это он выражается? «Динозавры, прохвосты, тунеядцы несчастные».

— Нет, извини, Ванюша, — с достоинством сказал Михаил Антонович, — мне он ничего подобного не говорил. Вежливейший и культур-

нейший человек.

— Скажите, Михаил Антонович, — сказал Жилин, — а что будет написано про меня?

Михаил Антонович растерялся. Жилин отвернулся от приборов и с интересом на него смотрел.

— Я, Ванюша, не собирался… — Михаил Антонович вдруг оживился. — А ведь это мысль, мальчики! Правда, я напишу главу. Это будет заключительная глава. Я ее так и назову: «Мой последний рейс». Нет, «мой» — это как-то нескромно. Просто: «Последний рейс». И там я напишу, как мы сейчас все летим вместе, и Алеша, и Володя, и вы, мальчики. Да, это хорошая идея — «Последний рейс».

И Михаил Антонович снова обратился к мемуарам.

Успешно завершив очередную настройку недублированного фазоциклера, Жилин пригласил Юру спуститься в машинные недра корабля — к основанию фотореактора. У основания фотореактора оказалось холодно и неуютно. Жилин неторопливо принялся за свой каждодневный «чек-ап»*. Юра медленно шел за ним, засунув руки глубоко в карманы, стараясь не касаться покрытых инеем поверхностей.

*Check — u p — проверка, контроль (*англ.*)

— Здорово это все-таки, — сказал он с завистью.

— Что именно? — спросил Жилин.

Он со звоном откидывал и снова захлопывал какие-то крышки, отодвигал полупрозрачные заслонки, за которыми кабалистически мерцала путаница печатных схем, включал маленькие экраны, на которых тотчас возникали яркие точки импульсов, прыгающие по координатной сетке, запускал крепкие ловкие пальцы во что-то невообразимо сложное, многоцветное, вспыхивающее, и делал он все это небрежно, легко, не задумываясь и до того ладно и вкусно, что Юре захотелось сейчас же сменить специальность и вот так же непринужденно повелевать поражающим воображение гигантским организмом фотонного чуда.

— У меня слюнки текут, — сказал Юра.

Жилин засмеялся.

— Правда, — сказал Юра. — Не знаю, для вас это все, конечно, привычно и буднично, может быть, даже надоело, но это все равно здорово. Я люблю, когда большой и сложный механизм — и рядом один человек… Повелитель. Это здорово, когда человек — повелитель.

Жилин чем-то щелкнул, и на шершавой стене радугой загорелись сразу шесть экранов.

— Человек уже давно такой повелитель, — сказал он, внимательно разглядывая экраны.

— Вы, наверное, гордитесь, что вы такой…

Жилин выключил экраны.

— Пожалуй, — сказал он. — Радуюсь, горжусь и прочее. — Он двинулся дальше вдоль заиндевевших пультов. — Я, Юрочка, уже десять лет хожу в повелителях, — сказал он с какой-то странной интонацией.

— И вам… — Юра хотел сказать «надоело», но промолчал.

Жилин задумчиво отвинчивал тяжелую крышку.

— Главное! — сказал он вдруг. — Во всякой жизни, как и во всяком деле, главное — это определить главное. — Он посмотрел на Юру. — Не будем сегодня говорить об этом, а?

Юра молча кивнул. «Ой-ей-ей, — подумал он. — Неужели Ивану надоело? Это, наверное, ужасно плохо, когда десять лет занимаешься любимым делом и вдруг оказывается, что ты это дело разлюбил. Вот тошно, наверное! Но что-то непохоже, чтоб Ивану было тошно…»

Он огляделся и сказал, чтобы переменить те-

му:

— Здесь должны водиться привидения…

— Чш-ш-ш! — сказал Жилин с испугом и тоже огляделся по сторонам. — Их здесь полным-полно. Вот тут, — он указал в темный проход между двумя панелями, — я нашел… только не говори никому… детский чепчик!

Юра засмеялся.

— Тебе следует знать, — продолжал Жилин, — что наш «Тахмасиб» — весьма старый корабль. Он побывал на многих планетах, и на каждой планете на него грузились местные привидения. Целыми дивизиями. Они таскаются по кораблю, стонут, ноют, набиваются в приборы, нарушают работу фазоциклера… Им, видишь ли, очень досаждают призраки бактерий, убитых во время дезинфекций… И никак от них не избавиться.

— Их надо святой водой.

— Пробовал, — Жилин махнул рукой, открыл большой люк и погрузился в него верхней частью туловища. — Все пробовал, гулко сказал он из люка. — И простой святой водой, и дейтериевой, и тритиевой. Никакого впечатления. Но я придумал, как избавиться. — Он вылез из люка, захлопнул крышку и посмотрел на Юру серьезными глазами. — Надо проскочить на

«Тахмасибе» сквозь солнце. Ты понимаешь? Не было еще случая, чтобы привидение выдержало температуру термоядерной реакции. Кроме шуток, ты серьезно не слыхал о моем проекте сквозьсолнечного корабля?

Юра помотал головой. Ему никогда не удавалось определить тот момент, когда Жилин переставал шутить и начинал говорить серьезно.

— Пойдем, — сказал Жилин, взяв его под руку. — Пойдем наверх, я расскажу тебе подробно.

Наверху, однако, Юру поймал Быков.

— Стажер Бородин, — сказал он, — ступайте за мной.

Юра горестно вздохнул и поглядел на Жилина. Жилин едва заметно развел руками. Быков привел Юру в кают-компанию и усадил за стол напротив Юрковского. Предстояло самое неприятное: два часа принудительных занятий физикой металлов. Быков рассудил, что время перелета стажер должен использовать рационально, и с первого же дня усадил Юру за теоретические вопросы сварочного дела. Честно говоря, это было не так уж неинтересно, но Юру угнетала мысль, что его, опытного рабочего, заставляют заниматься, как школяра. Сопротивляться он не

смел, но занимался с большой прохладцей.

Гораздо интереснее было смотреть и слушать, как работает Юрковский.

Быков вернулся в свое кресло, несколько минут смотрел, как Юра нехотя листает страницы книги, а затем развернул очередную газету. Юрковский вдруг перестал шуметь электромашинкой и повернулся к Быкову.

— Ты слыхал что-нибудь о статистике безобразий?

— Каких безобразий? — спросил Быков из-за газеты.

— Я имею в виду безобразия… э-э… в космосе. Число неблаговидных поступков и противозаконных действий быстро растет с удалением от Земли, достигает максимума в поясе астероидов и снова спадает к границам… э-э… солнечной системы.

— Нет ничего удивительного, — проворчал Быков, не опуская газеты. — Вы же сами разрешили всяким лишенцам вроде «Спэйс Перл» копаться в астероидах, так чего же вы теперь хотите?

— Мы разрешили? — Юрковский рассердился. — Не мы, а эти лондонские дурачки. И теперь сами не знают, что делать…

— Ты генеральный инспектор, тебе и карты в

руки, — сказал Быков.

Юрковский некоторое время молча смотрел в бумаги.

— Душу выну из мер-рзавцев! — сказал вдруг он и снова зашумел машинкой.

Юра уже знал, что такое спецрейс 17. Кое-где в огромной сети космических поселений, охватившей всю солнечную систему, происходило неладное, и Международное управление космических сообщений решило покончить с этим раз и, по возможности, навсегда. Юрковский был генеральным инспектором МУКСа и имел, по-видимому, неограниченные полномочия. Он обладал правом понижать в должности, давать выговоры, разносить, снимать, смещать, назначать, даже, кажется, применять силу и, судя по всему, был намерен делать все это. Более того, Юрковский намеревался падать на виновных как снег на голову, и поэтому спецрейс 17 был совершенно секретным. Из обрывков разговоров и из того, что Юрковский зачитывал вслух, следовало, что фотонный планетолет «Тахмасиб» после кратковременной остановки у Марса пройдет через пояс астероидов, задержится в системе Сатурна, затем оверсаном выйдет к Юпитеру и опять-таки через пояс астероидов вернется на

Землю. Над какими именно небесными телами нависла грозная тень генерального инспектора, Юра так и не понял. Жилин только сказал Юре, что «Тахмасиб» высадит Юру на Япете, а оттуда планетолеты местного сообщения перебросят его, Юру, на Рею.

Юрковский опять перестал шуметь машинкой.

— Меня очень беспокоят научники у Сатурна, — озабоченно сказал он.

— Умгу, — донеслось из-за газеты.

— Представь себе, они до сих пор не могут раскачаться… э-э… и взяться, наконец, за программу.

— Умгу.

Юрковский сказал сердито:

— Не воображай, пожалуйста, что я беспокоюсь за эту программу оттого, что она моя…

— А я и не воображаю.

— Я думаю, мне придется их подтолкнуть, — заявил Юрковский.

— Ну что ж, в час добрый, — сказал Быков и перевернул газетную страницу.

Юра почувствовал, что весь разговор этот — и странная нервозность Юрковского и нарочитое равнодушие Быкова — имеет какой-то второй смысл. Похоже было, что необозримые полномочия генерального инспектора имели все-таки

где-то границы. И что Быков и Юрковский об этих границах великолепно знали.

Юрковский сказал:

— Однако не пора ли пообедать? Кадет, не могли бы вы вакуумно сварить обед?

Быков сказал из-за газеты:

— Не мешай работать.

— Но я хочу есть! — сказал Юрковский.

— Потерпишь, — сказал Быков.

6. МАРС. ОБЛАВА

В четыре часа утра Феликс Рыбкин сказал: «Пора», и все стали собираться. На дворе было минус восемьдесят три градуса. Юра натянул на ноги две пары пуховых носков, одолженных ему Наташей, тяжелые меховые штаны, которые ему дал Матти, нацепил поверх штанов аккумуляторный пояс и влез в унты. Следопыты Феликса, невыспавшиеся и мрачноватые, торопливо пили горячий кофе. Наташа бегала на кухню и обратно, носила бутерброды, горячий кофе и термосы. Кто-то попросил бульону — Наташа побежала на кухню и принесла бульон. Рыбкин и Жилин сидели на корточках в углу комнаты над рас-

крытым плоским ящиком, из которого торчали блестящие хвосты ракетных гранат. Ракетные ружья привез на Теплый Сырт Юрковский. Матти в последний раз проверял электрообогреватель куртки, предназначенной для Юры.

Следопыты напились кофе и молча потянулись к выходу, привычными движениями натягивая на лицо кислородные маски. Феликс с Жилиным взяли ящик с гранатами и тоже пошли к выходу.

— Юра, ты готов? — спросил Жилин.

— Сейчас, сейчас, — ответил Юра.

Матти помог ему облачиться в куртку и сам подключил электрообогреватели к аккумуляторам.

— А теперь беги на улицу, — сказал он. — А то вспотеешь.

Юра сунул руки в рукавицы и побежал за Жилиным.

На дворе было совсем темно. Юра пересек наблюдательную площадку и спустился к танку. Здесь в темноте негромко переговаривались, слышалось позвякивание металла о металл. Юра налетел на кого-то. Из темноты посоветовали надеть очки. Юра посоветовал не торчать на дороге.

— Вот чудак, — сказали из темноты. — Надень тепловые очки.

Юра вспомнил про инфракрасные очки и надвинул их на глаза. Намного лучше от этого не стало, но теперь Юра смутно различал силуэты людей и широкую корму танка, нагретую атомным реактором. На танк грузили ящики с боеприпасами. Сначала Юра встал на подачу, но потом рассудил, что места в танке может не хватить и тогда его наверняка оставят в обсерватории. Он тихонько отошел к танку и вскарабкался на корму. Там двое в надвинутых на самый нос капюшонах принимали ящики.

— Кого это несет? — добродушно спросил один.

— Это я, — отозвался Юра.

— А, столичная штучка? — сказал другой. — Ступай в кузов, задвигай ящики под сиденья.

«Столичной штучкой» Юру назвали местные сварщики, которым он накануне помогал оборудовать танки турелями для ракетных ружей и демонстрировал новейшие методы сварки в разреженных атмосферах.

В кузове были все те же восемьдесят три градуса ниже нуля, поэтому тепловые очки не помогали. Юра с энтузиазмом таскал ящики по гремящему дну кузова и на ощупь запихивал их под сиденья, натыкаясь на какие-то острые твердые углы, торчащие отовсюду. Потом таскать стало нечего.

Через высокие борта полезли молчаливые Следопыты и стали рассаживаться, гремя карабинами. Юре несколько раз чувствительно наступали на ноги, и кто-то надвинул ему капюшон на глаза. В передней части кузова послышался отвратительный скрип — по-видимому, Феликс пробовал турель. Потом кто-то сказал:

— Едут.

Юра осторожно высунул из-за борта голову. Он увидел серую стену обсерватории и блики прожекторов, скользящие по наблюдательной площадке. Это подходили остальные три танка центральной группы. Голос Феликса негромко сказал:

— Малинин!

— Я, — откликнулся Следопыт, сидевший рядом с Юрой.

— Петровский!

— Здесь.

— Хомерики!

Закончив перекличку (фамилии Юры и Жилина названы почему-то не были), Феликс сказал:

— Поехали.

Песчаный танк «Мимикродон» заворчал двигателем, лязгнул и, грузно кренясь, с ходу полез куда-то в гору. Юра посмотрел вверх. Звезд видно

не было — их заволокло пылью. Смотреть стало абсолютно не на что. Танк немилосердно трясло. Юра поминутно слетал с жесткого сиденья, натыкаясь все на те же острые твердые углы. В конце концов Следопыт, сидевший рядом, спросил:

— Ну, что ты все время прыгаешь?

— Откуда я знаю? — сердито сказал Юра.

Он ухватился за какой-то стержень, торчавший из борта, и ему стало легче. Время от времени в клубах пыли, нависших над танком, вспыхивал свет прожекторов, и тогда на светлом фоне Юра видел черное кольцо турели и длинный ствол ракетного ружья, задранный к небу. Следопыты переговаривались.

— Я вчера ходил на эти развалины.

— Ну и как?

— Разочаровался, честно говоря.

— Да, архитектура только на первый взгляд кажется странной, а потом начинаешь чувствовать, что ты это где-то уже видел.

— Купола, параллелепипеды…

— Вот именно. Совершенно как Теплый Сырт.

— Потому никому и в голову не приходило, что это не наше.

— Еще бы… После чудес Фобоса и Деймоса…

— А мне вот как раз это сходство и странно.

— Материал анализировали?

Юре было неудобно, жестко и как-то одиноко. Никто не обращал на него внимания. Люди казались чужими, равнодушными. Лицо обжигал свирепый холод. В днище под ногами со страшной силой били фонтаны песка из-под гусениц. Где-то рядом находился Жилин, но его не было ни слышно, ни видно. Юра даже почувствовал какую-то обиду на него. Хотелось, чтобы скорее взошло солнце, чтобы стало светло и тепло. И чтобы перестало так трясти.

Быков отпустил Юру на Марс с большой неохотой и под личную ответственность Жилина. Сам он с Михаилом Антоновичем остался на корабле и крутился сейчас вместе с Фобосом на расстоянии девяти тысяч километров от Марса. Где был сейчас Юрковский, Юра не знал. Наверное, он тоже участвовал в облаве.

Хоть бы карабин дали, уныло думал Юра. Я же им все-таки турели варил.

Все вокруг были с карабинами и, наверное, поэтому чувствовали себя так свободно и спокойно.

Все— таки человек по своей природе неблагодарен и равнодушен, с горечью подумал Юра. И чем старше, тем больше. Вот если бы здесь были

наши ребята, все было бы наоборот. У меня был бы карабин, я знал бы, куда мы едем и зачем. И я знал бы, что делать.

Танк вдруг остановился. От света прожекторов, метавшегося по тучам пыли, стало совсем светло. В кузове все замолчали, и Юра услышал незнакомый голос:

— Рыбкин, выходите на западный склон. Кузьмин — на восточный. Джефферсон, останьтесь на южном.

Танк снова двинулся. Свет прожектора упал в кузов, и Юра увидел Феликса, стоявшего у турели с радиофоном в руке.

— Становись своим бортом к западу, — сказал Рыбкин водителю.

Танк сильно накренился, и Юра расставил локти, чтобы не сползти на дно.

— Так, хорошо, — сказал Феликс. — Подай еще немного вперед. Там ровнее.

Танк снова остановился. Рыбкин сказал в радиофон:

— Рыбкин на месте, товарищ Ливанов.

— Хорошо, — сказал Ливанов.

Все Следопыты стояли, заглядывая через борта. Юра тоже посмотрел. Ничего не было видно, кроме плотных туч пыли, медленно оседающей в

лучах прожекторов.

— Кузьмин на месте. Только тут рядом какая-то башня.

— Спуститесь ниже.

— Слушаюсь.

— Внимание! — сказал Ливанов. На этот раз он говорил в мегафон, и его голос громом покатился над пустыней. — Облава начнется через несколько минут. До восхода солнца остался час. Загонщики будут здесь через полчаса. Через полчаса включить ревуны. Можно стрелять. Всё.

Следопыты зашевелились. Снова послышался отвратительный скрежет турели. Борта танка ощетинились карабинами. Пыль оседала, и силуэты людей постепенно таяли, сливаясь с ночной темнотой. Снова стали видны звезды.

— Юра! — негромко позвал Жилин.

— Что? — сердито сказал Юра.

— Ты где?

— Здесь.

— Иди-ка сюда, — строго сказал Жилин.

— Куда? — спросил Юра и полез на голос.

— Сюда, к турели.

В кузове оказалось огромное количество ящиков. И откуда они здесь взялись? — подумал Юра. Мощная рука Жилина ухватила его за плечо и

подтащила под турель.

— Сиди здесь, — строго сказал Жилин. — Будешь помогать Феликсу.

— А как? — спросил Юра. Он был еще обижен, но уже отходил.

Феликс Рыбкин тихо сказал:

— Вот здесь ящики с гранатами, — он посветил фонариком. Вынимайте гранаты по одной, снимайте колпачок с хвостовой части и подавайте мне.

Следопыты переговаривались:

— Ничего не вижу.

— Очень холодно сегодня, все остыло.

— Да, осень скоро. Погоды стоят холодные…

— Вот я, например, вижу на фоне звезд какой-то купол наверху и целюсь в него.

— Зачем?

— Это единственное, что я вижу.

— А спать можно?

Феликс над головой Юры тихо сказал:

— Ребята, за восточной стороной слежу я. Не стреляйте пока, я хочу опробовать ружье.

Юра сейчас же взял гранату и снял колпачок. На несколько минут наступила мертвая тишина.

— А славная девушка Наташа, правда? — сказал кто-то шепотом.

Феликс сделал движение. Турель скрипнула.

— Зря она так коротко стрижется, — отозвались с западного борта.

— Много ты понимаешь…

— Она на мою жену похожа. Только волосы короче и светлее.

— И чего это Сережка зевает! Такой лихой парень, не похоже на него.

— Какой Сережка?

— Сережка Белый, астроном.

— Женат, наверное.

— Нет.

— Они ее все очень любят. Просто по-товарищески. Она ведь на редкость славный человек. И умница. Я ее еще по Земле немножко знаю.

— То-то ты ее за бульоном гонял.

— А что такого?

— Да нехорошо просто. Она всю ночь работала, потом завтрак нам готовила. А тебе вдруг приспичило бульона…

— Тс-с-с!

В мгновенно наступившей тишине Феликс тихо сказал:

— Юра, хотите посмотреть на пиявку? Смотрите!

Юра немедленно высунулся. Сначала он увидел

только черные изломанные силуэты развалин. Потом что-то бесшумно задвигалось там. Длинная гибкая тень поднялась над башнями и медленно закачалась, закрывая и открывая яркие звезды. Снова скрипнула турель, и тень застыла. Юра затаил дыхание. Сейчас, подумал он. Сейчас. Тень изогнулась, словно складываясь, и в ту же секунду ракетное ружье выпалило.

Раздался длинный шипящий звук, брызнули искры, огненная дорожка протянулась к вершине холма, что-то гулко лопнуло, ослепительно вспыхнуло, и снова наступила тишина. С вершины холма посыпались камешки.

— Кто стрелял? — проревел мегафон.

— Рыбкин, — сказал Феликс.

— Попал?

— Да.

— Ну, в добрый час, — проревел мегафон.

— Гранату, — тихо сказал Феликс. Юра поспешно сунул ему в руку гранату.

— Это здорово, — с завистью сказал кто-то из Следопытов. — Прямо напополам.

— Да, это не карабин.

— Феликс, а почему нам всем таких не дали?

Феликс ответил:

— Юрковский привез всего двадцать пять

штук.

— Жаль. Доброе оружие.

С восточного борта вдруг начали палить. Юра азартно вертел головой, но ничего не видел. Зашипела и лопнула над развалинами ракета, пущенная с какого-то другого танка. Феликс выстрелил еще раз.

— Гранату, — сказал он громко.

Пальба с небольшими перерывами продолжалась минут двадцать. Юра ничего не видел. Он подавал гранату за гранатой и вспотел. Стреляли с обоих бортов. Феликс со страшным скрежетом поворачивал ружье на турели. Затем включили ревуны. Тоскливый грубый вой понесся над пустыней. У Юры заныли зубы и зачесались пятки. Стрелять перестали, но разговаривать было совершенно невозможно.

Быстро светало. Юра теперь видел Следопытов. Почти все они сидели, прижавшись спиной к бортам, нахохлившись, плотно надвинув капюшоны. На дне стояли раскрытые пластмассовые ящики с торчащими из них клочьями цветного целлофана, в изобилии валялись расстрелянные гильзы, пустые обоймы. Перед Юрой на ящике сидел Жилин, держа карабин между колен. На открытых щеках его слабо серебрилась изморозь.

Юра встал и посмотрел на Старую Базу. Серые изъеденные стены, колючий кустарник, камни. Юра был разочарован. Он ожидал увидеть дымящиеся груды трупов. Только присмотревшись, он заметил желтоватое щетинистое тело, застрявшее в расщелине среди колючек, да на одном из куполов что-то мокро и противно блестело.

Юра повернулся и посмотрел в пустыню. Пустыня была серая под темно-фиолетовым небом, покрытая серой рябью барханов, мертвая и скучная. Но высоко над ровным горизонтом Юра увидел яркую желтую полосу, клочковатую, рваную, протянувшуюся через всю западную часть неба. Полоса быстро ширилась, росла, наливалась светом.

— Загонщики идут! — заорал кто-то еле слышно в реве сирен.

Юра догадался, что желтая яркая полоса над горизонтом это туча пыли, поднятая облавой. Солнце поднималось навстречу загонщикам, на пустыню легли красные пятна света, и вдруг осветилось огромное желтое облако, заволакивающее горизонт.

— Загонщики, загонщики! — завопил Юра.

Весь горизонт — прямо, справа, слева — покрылся черными точками. Точки появлялись, и

исчезали, и снова появлялись на гребнях далеких барханов. Уже сейчас было видно, что танки и краулеры идут на максимальной скорости и каждый волочит за собой длинный клубящийся шлейф. Вдоль всего горизонта сверкали яркие быстрые вспышки, и непонятно было — то ли это вспышки выстрелов, то ли разрывы гранат, а может быть, просто сверкание солнца на ветровых стеклах.

Юру пнули в бок, и он сел, споткнувшись, на ящики. Феликс Рыбкин лихо разворачивал на турели свой длинный гранатомет. Несколько Следопытов кинулись к левому борту. Загонщики стремительно приближались. Теперь до них было километров пять-семь, не больше. Горизонт заволокло совершенно, и было видно, что перед загонщиками катится по пустыне дымная полоса вспышек. Мегафон проревел, перекрывая вой сирен:

— Весь огонь на пустыню! Весь огонь на пустыню!

С танка начали стрелять. Юра видел, как широченные плечи Жилина вздрагивают от выстрелов, и видел белые вспышки над бортом, и никак не мог понять, куда стреляют и по кому стреляют. Феликс хлопнул его по капюшону.

Юра быстро подал гранату и сорвал колпачок со следующей. Тупо и упрямо выли сирены, грохотали выстрелы, и все были очень заняты, и не у кого было спросить, что происходит. Потом Юра увидел, как с одного из приближающихся танков сорвалась длинная красная струя огня, похожая на плевок, и утонула в дымной полосе перед цепью загонщиков. Тогда он понял. Все стреляли по этой дымной полосе: там были пиявки. И полоса приближалась.

Из— за холма, кормой вперед, медленно выкатился танк Кузьмина. Танк еще не остановился, когда кузов его распахнулся и оттуда выдвинулась огромная черная труба. Труба стала задираться к небу, и когда она застыла под углом в сорок пять градусов, Следопыты Кузьмина горохом посыпались через борта и полезли под гусеницы. Из кузова повалил густой черный дым, труба с протяжным хрипом выбросила огромный язык пламени, после чего танк заволокло тучами пыли. На минуту стрельба прекратилась. На гребне бархана, метрах в трехстах, ни к селу ни к городу вспучился лохматый гриб дыма и пыли.

Феликс опять шлепнул Юру по капюшону. Юра подал ему сразу одну за другой две гранаты и оглянулся на танк Кузьмина. В пыли было видно,

как Следопыты с натугой выволакивают трубу из кузова. Юре даже показалось, что сквозь рев и треск выстрелов он слышит невнятные проклятья.

Дымная полоса, в которой вспыхивали огоньки разрывов, надвигалась все ближе. И, наконец, Юра увидел. Пиявки были похожи на исполинских серо-желтых головастиков. Гибкие, необычайно подвижные, несмотря на свои размеры и, вероятно, немалый вес, они стремительно выскакивали из тучи пыли, проносились в воздухе несколько десятков метров и снова исчезали в пыли. А за ними, почти по пятам, неслись, подскакивая на барханах, широкие квадратные танки и маленькие краулеры, сверкающие огоньками выстрелов. Юра нагнулся за гранатами, а когда он выпрямился, пиявки были уже совсем близко, огоньки выстрелов исчезли, танки замедлили ход, на крыши кабин выскакивали люди и размахивали руками, и вдруг откуда-то слева, огибая машину Кузьмина, на сумасшедшей скорости вылетел песчаный танк и пошел, пошел, пошел вдоль пыльной стены, через самую гущу пиявок. Кузов его был пуст. Вслед за ним из пыли выскочил второй такой же пустой танк, за ним третий, и больше уже ничего нельзя было разобрать в

желтой, непроглядно густой пыли.

— Прекратите огонь! — заревел мегафон.

— Дави! Дави! — отозвался мегафон у загонщиков.

Пыль закрыла все. Наступили сумерки.

— Берегись! — крикнул Феликс и пригнулся.

Длинное темное тело пронеслось над танком. Феликс выпрямился и круто развернул ракетное ружье в сторону Старой Базы. Внезапно сирены замолкли, и сразу стал слышен грохот десятков двигателей, лязг гусениц и крики. Феликс больше не стрелял. Он потихонечку передвигал ружье то вправо, то влево, и пронзительный скрип казался Юре райской музыкой после сирен. Из пыли появилось несколько человек с карабинами. Они подбежали к танку и поспешно вскарабкались через борта.

— Что случилось? — спросил Жилин.

— Краулер перевернулся, — быстро ответил кто-то.

Другой, нервно рассмеявшись, сказал:

— Медленное и методическое движение.

— Каша, — сказал третий. — Не умеем мы воевать.

Грохот моторов надвинулся, мимо медленно и неуверенно проползли два танка. У последнего

за гусеницей тащилось что-то бесформенное, облепленное пылью.

Удивленный голос вдруг сказал:

— Ребята, а сирены-то не воют!

Все засмеялись и заговорили.

— Ну и пылища.

— Словно осенняя буря началась.

— Что будем делать, Феликс? Эй, командир!

— Будем ждать, — негромко сказал Феликс. — Пыль скоро сядет.

— Неужели мы от них избавились?

— Эй, загонщики, много вы там настреляли?

— На ужин хватит, — сказал кто-то из загонщиков.

— Они, подлые, все ушли в каверны.

— Здесь только одна прошла. Они сирен боятся.

Пыль медленно оседала. Стал виден неяркий кружок солнца, проглянуло фиолетовое небо. Затем Юра увидел мертвую пиявку — вероятно, ту самую, которая перепрыгнула через кузов. Она валялась на склоне холма, прямая, как палка, длинная, покрытая рыжей жесткой щетиной. От хвоста к голове она расширялась, словно воронка, и Юра разглядывал ее пасть, чувствуя, как по спине ползет холодок. Пасть была совершенно

круглая, в полметра диаметром, усаженная большими плоскими треугольными зубами. Смотреть на нее было тошно. Юра огляделся и увидел, что пыль почти осела и вокруг полным-полно танков и краулеров. Люди прыгали через борта и медленно шли вверх по склону к развалинам Старой Базы. Моторы затихли. Над холмом стоял шум голосов, да слабо потрескивал неизвестно как подожженный кустарник.

— Пошли, — сказал Феликс.

Он снял с турели ружье и полез через борт. Юра двинулся было за ним, но Жилин поймал его за рукав.

— Тихо, тихо, — сказал он. — Ты пойдешь со мной, голубчик.

Они вылезли из танка и стали подниматься вслед за Феликсом. Феликс направлялся к большой группе людей, толпившихся метрах в пяти ниже развалин. Люди обступили каверну — глубокую черную пещеру, круто уходившую под развалины. Перед входом, уперев руки в бока, стоял человек с карабином на шее.

— И много туда… э-э… проникло? — спрашивал он.

— Две пиявки наверняка, — отвечали из толпы. — А может быть, и больше.

— Юрковский! — сказал Жилин.

— Как же вы их… э-э… не задержали? — спросил Юрковский укоризненно.

— А они… э-э-э… не захотели задержаться, — объяснили в толпе.

Юрковский сказал пренебрежительно:

— Надо было… э-э… задержать! — он снял карабин. — Пойду посмотрю, — сказал он.

Никто не успел и слова сказать, как он пригнулся и с неожиданной ловкостью нырнул в темноту. Вслед за ним тенью скользнул Феликс. Юра больше не раздумывал. Он сказал: «Позвольте-ка, товарищ», — и отобрал карабин у соседа. Ошарашенный сосед не сопротивлялся.

— Ты куда? — удивился Жилин, оглядываясь с порога пещеры. Юра решительно шагнул к каверне. — Нет-нет, — скороговоркой сказал Жилин, — тебе туда нельзя. — Юра, нагнув голову, пошел на него. — Нельзя, я сказал! — рявкнул Жилин и толкнул его в грудь. Юра с размаху сел, подняв много пыли. В толпе захохотали. Мимо бежали Следопыты, один за другим скрывались в пещере.

Юра вскочил, он был в ярости.

— Пустите! — крикнул он. Он кинулся вперед и налетел на Жилина, как на стену. Жилин сказал

просительно:

— Юрик, прости, но тебе туда и правда не надо.

Юра молча рвался.

— Ну, что ты ломишься? Ты же видишь, я тоже остался.

В пещере гулко забухали выстрелы.

— Вот видишь, прекрасно обошлись без нас с тобой.

Юра стиснул зубы и отошел. Он молча сунул карабин опомнившемуся загонщику и понуро остановился в толпе. Ему казалось, что все на него смотрят. Срам-то, срам какой, думал он. Только что уши не надрали. Ну, пусть бы один на один — в конце концов Жилин это Жилин. Но не при всех же… Он вспомнил, как десять лет назад забрался в комнату к старшему брату и раскрасил цветными карандашами чертежи… Он хотел, как лучше. И как старший брат вывел его за ухо на улицу, и какой это был срам!

— Не обижайся, Юрка, — сказал Жилин. — Я нечаянно. Совершенно забыл, что здесь тяжесть меньше.

Юра упрямо молчал.

— Да ты не беспокойся, — ласково сказал Жилин, поправляя его капюшон. — Ничего с ним не случится. Там ведь Феликс возле него, Следопы-

ты… А я тоже сгоряча решил, что пропадет старик, и кинулся, но потом, спасибо тебе, опомнился…

Жилин говорил еще что-то, но Юра больше не слышал ни слова. Уж лучше бы мне надрали уши, в отчаянии думал он. Лучше бы публично побили по лицу. Мальчишка, сопляк, эгоист неприличный! Правильно Иван сделал, что треснул меня. Не так еще меня надо было треснуть. Юра даже зашипел сквозь зубы, так ему было стыдно. Иван вот заботился и обо мне и о Юрковском, и он нисколько не сомневается, что и я тоже заботился о Юрковском и о нем… А я?… То, что Юрковский прыгнул в пещеру, я воспринял только как разрешение на геройские подвиги. Ни на секунду не подумал о том, что Юрковскому угрожает опасность. Жаждал, дурак, сразиться с пиявками и стяжать славу… Хорошо еще, что Иван не знает.

— Па-аберегись! — завопили сзади.

Юра машинально отошел в сторону. Сквозь толпу к пещере вскарабкался краулер, тащивший за собой прицеп с огромным серебристым баком. От бака тянулся металлический шланг со странным длинным наконечником. Наконечник держал под мышкой человек на переднем сиденье.

— Здесь? — деловито осведомился человек и, не дожидаясь ответа, направил наконечник в сторо-

ну пещеры. — Подведи еще поближе, — сказал он водителю. — А ну, ребята, посторонитесь, — сказал он в толпу. — Дальше, дальше, еще дальше. Да отойдите же, вам говорят! — крикнул он Юре.

Он прицелился наконечником шланга в черный провал пещеры, но на пороге пещеры появился один из Следопытов.

— Это еще что? — спросил он.

Человек со шлангом сел.

— Елки-палки, — сказал он. — Что вы там делаете?

— Да это же огнемет, ребята! — догадался кто-то в толпе.

Огнеметчик озадаченно почесал где-то под капюшоном.

— Нельзя же так, — сказал он. — Надо же предупреждать.

Под землей вдруг стали стрелять так ожесточенно, что Юре показалось, что из пещеры полетели клочья.

— Зачем вы это затеяли? — спросил огнеметчик.

— Это Юрковский, — ответили из толпы.

— Какой Юрковский? — спросил огнеметчик. — Сын, что ли?

— Нет, пэр.

Из пещеры один за другим вышли еще трое Следопытов. Один из них, увидев огнемет, сказал:

— Вот хорошо. Сейчас все выйдут, и дадим.

Из пещеры выходили люди. Последними выбрались Феликс и Юрковский. Юрковский говорил запыхавшимся голосом:

— Значит, вот эта вот башня над нами должна быть чем-то вроде… э-э… водокачки. Очень… э-э… возможно! Вы молодец, Феликс. — Он увидел огнемет и остановился. — А-а, огнемет! Ну что ж… э-э… можно. Можете работать. — Он благосклонно покивал огнеметчику.

Огнеметчик оживился, соскочил с сиденья и подошел к порогу пещеры, волоча за собой шланг. Толпа подалась назад. Один Юрковский остался возле огнеметчика, уперев руки в бока.

— Громовержец, а? — сказал Жилин над ухом Юры.

Огнеметчик прицелился. Юрковский вдруг взял его за руку.

— Постойте. А собственно… э-э… зачем это нужно? Живые пиявки давно… э-э… мертвы, а мертвые… э-э… понадобятся биологам. Не так ли?

— Зевес, — сказал Жилин. Юра только повел плечом. Ему было стыдно.

Пеньков залпом допил чашку, отдулся и задумчиво сказал:

— Выпить, что ли, еще чашку кофе?

— Давай я налью, — сказал Матти.

— А я хочу, чтобы Наташа, — сказал Пеньков.

Наташа налила ему кофе. За окном была черная, кристально ясная ночь, какие часто бывают в конце лета, накануне осенних бурь. В углу столовой беспорядочной кучей громоздились меховые куртки, аккумуляторные пояса, унты, карабины. Уютно пощелкивали электрические часы над дверью в мастерскую. Матти сказал:

— Все-таки я не понимаю, уничтожили мы пиявок или нет?

Сережа оторвался от книжки.

— Коммюнике главного штаба, — сказал он. — На поле боя осталось шестнадцать пиявок, один танк и три краулера. По непроверенным данным, еще один танк застрял на солончаках в самом начале облавы, и извлечь его оттуда пока не удалось.

— Это я знаю, — объявил Матти. — Меня интересует, могу я теперь ночью сходить в Теплый Сырт?

— Можешь, — сказал Пеньков, отдуваясь. — Но нужно взять карабин, — добавил он, подумав.

— Понятно, — сказал Матти необычайно язвительно.

— А зачем тебе, собственно, ночью на Теплый Сырт? — спросил Сергей.

Матти посмотрел на него.

— А вот зачем, — сказал он вкрадчиво. — Например, приходит время товарищу Белому Сергею Александровичу выходить на наблюдения. Три часа ночи, а товарища Белого, вы сами понимаете, на обсерватории нет. Тогда я иду в Теплый Сырт на Центральную метеостанцию, поднимаюсь на второй этаж…

— Лаборатория Восемь, — вставил Пеньков.

— Я все понял, — сказал Сергей.

— А почему я ничего не знаю? — спросила Наташа обиженно. — Почему мне никогда ничего не говорят?

— Что-то Рыбкина давно нет, — задумчиво сказал Сергей.

— Да, действительно, — сказал Пеньков глубокомысленно.

— Уж полночь близится, — заявил Матти, — а Рыбкина все нет.

Наташа вздохнула.

— До чего вы мне все надоели, — сказала она.

В тамбуре звякнула дверь шлюза.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, — сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали.

— Войдите, — сказала Наташа и сердито посмотрела на ребят.

Вошел Рыбкин, аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке, безукоризненно выбритый.

— Можно? — спросил он тихо.

— Заходи, Феликс, — сказал Матти и налил кофе в заранее приготовленную чашку.

— Я немного запоздал сегодня, — сказал Феликс. — Было совещание у директора.

Все выжидательно посмотрели на него.

— Больше всего говорили о регенерационном заводе. Юрковский приказал на два месяца прекратить все научные работы. Все научники мобилизуются в мастерские и на строительство.

— Все? — спросил Сергей.

— Все. Даже Следопыты. Завтра будет приказ.

— Полетела моя программа, — уныло сказал Пеньков. — И почему эта наша администрация никак не может наладить работу?

Наташа сказала с сердцем:

— Молчи, Володя! Ведь ты же ничего не знаешь!...

— Да, — сказал Сергей задумчиво. — Я слыхал, что с водой у нас неважно. А что еще было на совещании?

— Юрковский произнес большую речь. Он сказал, что мы заблудились в повседневщине. Что мы слишком любим жить по расписанию, обожаем насиженные места и за тридцать лет успели создать… как это он сказал… «скучные и сложные традиции». Что у нас сгладились извилины, ведающие любознательностью, чем только и можно объяснить анекдот со Старой Базой. В общем говорил примерно то же, что и ты, Сергей, помнишь, на прошлой декаде? О том, что кругом тайны, а мы копаемся… Очень была горячая речь — по-моему, экспромтом. Потом он похвалил нас за облаву, сказал, что приехал нас подталкивать, и очень рад, что мы сами на эту облаву решились… А потом выступил Пучко и потребовал голову Ливанова. Кричал, что покажет ему «медленно и методично»…

— А что такое? — спросил Пеньков.

— Очень сильно покалечили танки. А через два месяца нашу группу переводят на Старую Базу, так что будем соседями…

— А Юрковский уезжает? — спросил Матти.

— Да, сегодня ночью.

— Интересно, — задумчиво сказал Пеньков, — зачем он возит с собой этого сварщика?

— Турели варить, — сказал Матти. — Говорят, он собирается провести еще несколько облав — на астероидах.

— С Юрковским у меня был инцидент, — сказал Сергей. — Еще в институте. Сдавал я ему как-то курс теоретической планетологии, и он меня выгнал очень оригинальным способом. «Дайте, — говорит, — товарищ Белый, вашу зачетку и откройте, пожалуйста, дверь». Я с большим удивлением иду и открываю дверь. Тут он кидает мою зачетку в коридор и говорит: «Идите и возвращайтесь через месяц».

— Ну? — сказал Пеньков.

— Ну, я и пошел.

— А что это он так грубо? — спросил Пеньков с неудовольствием.

— А я молодой был тогда, — сказал Сергей. — Наглый…

— Ты и сейчас хорош, — заметила Наташа.

— Так перебили мы все-таки пиявок или нет? — спросил Матти.

Все посмотрели на Феликса.

— Трудно сказать, — сказал Феликс. — Убито шестнадцать штук, а мы никак не ожидали, что

их будет больше десяти. Практически, наверное, перебили.

— А ты пришел с карабином? — спросил Матти.

Феликс кивнул.

— Понятно, — сказал Матти.

— А правда, что Юрковского чуть из огнемета не сожгли? — спросила Наташа.

— И меня вместе с ним, — сказал Феликс. — Мы спустились в каверну, а огнеметчики не знали, что мы там. С этой каверны мы начнем работу через два месяца. Там, по-моему, сохранились остатки водопровода. Водопровод очень странный — не круглые трубы, а овальные.

— Ты еще надеешься найти двуногих прямостоящих? — спросил Сергей.

Феликс помотал головой.

— Нет, здесь мы их не найдем, конечно.

— Где здесь?

— Возле воды.

— Не понимаю, — сказал Пеньков. — Наоборот! Если их нет здесь, здесь, у воды, значит их вообще нет.

— Нет-нет-нет, — сказала Наташа. — Я, кажется, понимаю. У нас на Земле марсиане стали бы искать людей в пустыне. Это же естественно.

Подальше от ядовитой зелени, подальше от областей, закрытых тучами. Искали бы где-нибудь в Гоби. Так, Феликс? Я хочу сказать, что я тоже так думаю.

— Значит, мы должны искать марсиан в пустынях? — сказал Пеньков. — Хорошенькое дело! А зачем же им тогда водопроводы?

— Может быть, это не водопроводы, — сказал Феликс, — а водоотводы. Вроде наших дренажных канав.

— Ну, это ты, по-моему, слишком, — сказал Сергей. — Скорее уж они живут в подземных пустотах. Впрочем, я сам не знаю, почему это, собственно, скорее, но все равно — то, что ты говоришь, это слишком уж смело… Ненормально смело.

— А иначе нельзя, — сказал Феликс тихо.

— Мать честная! — сказал Пеньков и вылез из-за стола. — Мне ведь пора!

Он пошел через комнату к груде меховой одежды.

— И мне пора, — сказала Наташа.

— И мне, — сказал Сергей.

Матти принялся убирать со стола. Феликс аккуратно подвернул рукава и стал ему помогать.

— Так зачем у тебя так много часов? — спросил

Матти, косясь на Феликсовы запястья.

— Забыл снять, — пробормотал Феликс. — Теперь это, наверное, ни к чему.

Он ловко мыл тарелки.

— А когда они были к чему?

— Я проверял одну гипотезу, — тихо сказал Феликс. — Почему пиявки нападают всегда справа. Был только один случай, когда пиявка напала слева — на Крейцера, который был левша и носил часы на правой руке.

Матти с изумлением воззрился на Феликса.

— Ты думаешь, пиявки боялись тиканья?

— Вот это я и хотел выяснить. На меня лично пиявки не нападали ни разу, а ведь я ходил по очень опасным местам.

— Странный ты человек, Феликс, — сказал Матти и снова принялся за тарелки.

В столовую вошла Наташа и весело спросила:

— Феликс, вы идете? Пошли вместе.

— Иду, — сказал Феликс и направился в переднюю, на ходу опуская засученные рукава.

7.
«ТАХМАСИБ».
ПОЛЬЗА ИНСТРУКЦИЙ

Жилин читал, сидя за столом. Глаза его быстро скользили по страницам, время от времени влажно поблескивая в голубоватом свете настольной лампы. Некоторое время Юра следил за Жилиным и вдруг поймал себя на том, что любуется им. У Ивана было тяжеловатое коричневое лицо, четкое, как гравюра. Такое по-настоящему мужественное лицо настоящего человека.

Хороший человек Ваня Жилин. Можно прийти к нему в любое время и сидеть и болтать, что в голову взбредет, и никогда ты ему не мешаешь.

И он всегда тебе рад. Есть такие люди на свете, и это здорово. Женька Сегал, например. С ним можно идти на любое дело, на любой риск, и точно известно, что не придется его подгонять, он сам кого хочешь подгонит. Юра представил себе Женьку на Рее, как он вместе с ребятами варит щелевые конструкции в черной пустоте. Белый огонь окситана пляшет на силикетовом забрале, и он орет песни на весь эфир, придерживая локтями цилиндр смесителя, который у него всегда висит на груди, а не на спине, как требует инструкция. Так ему удобно, и ни за что его не переубедить, пока кто-нибудь с цилиндром на спине не обгонит его на инерционном шве, на продольном стыке или хотя бы на простой косоугольной распорке без троса. Вот тогда он посмотрит и, возможно, перебросит цилиндр за спину, да и то не обязательно. А на инструкцию он плевал. «Инструкция — это для тех, кто еще не умеет». Но вот слуха у него нет. Поет он просто безобразно. И это даже хорошо, потому что куда годится человек, к которому и придраться нельзя? У порядочного человека всегда должна быть этакая дырка в способностях, лучше даже несколько, и тогда он будет по-настоящему приятен. Тогда ты точно знаешь, что он не перл

какой-нибудь. Вот Женька — стоит ему запеть, и сразу видно, что он не перл, а славный парень.

— Ваня, — сказал Юра, — у вас есть слух?

— Что ты, братец, — сказал Жилин, не отрываясь от книжки. — За кого ты меня принимаешь?

— Я так и думал, — сказал Юра с удовлетворением. — А что это у вас за книжка?

Жилин поднял голову, некоторое время смотрел на Юру, затем медленно произнес:

— «Правила санитарной дисциплины для лейб-гусар Ея Императорского Величества».

Юра фыркнул. Было, однако, ясно, что Иван не хочет говорить, что это за книга. Что ж, в этом нет ничего такого…

— Я сегодня одолел, наконец, «Физику металлов», — сказал Юра. — Ну и скучища. Разве можно так писать книги? Алексей Петрович меня слегка проэкзаменовал, — последнее слово Юра выговорил с особым отвращением, — и все время придирался. Почему он ко мне все время придирается, вы не знаете, Ваня?

Жилин закрыл книжку и спрятал в стол.

— Это тебе кажется, — сказал он. — Капитан Быков никогда не придирается. Он только требует то, что следует требовать. Он очень справедливый человек, наш капитан.

Несколько минут Юра размышлял, удобно ли и честно будет сказать то, что ему хочется сказать. В глаза Быкову сказать такое, пожалуй, не рискнешь. За глаза говорить нехорошо. А сказать очень хочется…

— Ваня, а каких людей вы больше всего не любите?

Жилин немедленно ответил:

— Людей, которые не задают вопросов. Есть такие — уверенные…

Он прищурил глаз, посмотрел на Юру, схватил карандаш и быстро нарисовал его портрет. Стажер Бородин, очень похожий, вот с этаким носом, сидел, перекосив физиономию, за чтением толстенной книги «Физика металлов».

— А я так не люблю скучных, — заявил Юра, разглядывая рисунок. — Можно, я его возьму? Спасибо… Я вот, Ваня, очень не люблю скучных. У них такая скучная, тошная жизнь. На работе пишут бумажки или считают на машинах, которые не они придумали, а сами придумать что-нибудь даже не пытаются. Им и в голову не приходит что-нибудь придумать. Они все делают «как люди». Вот примутся рассуждать: эти ботинки красивые и прочные, а эти нет, и не умеют у нас в Вязьме красивую мебель делать, придется из Москвы

выписать, а вот об этой книге говорят, что ее надо прочесть, и пойдемте завтра по грибы, по слухам хорошие в этом году грибы… Елки-палки, меня по эти грибы ничем на свете не загонишь!

Жилин задумчиво слушал, тщательно разрисовывая на бумаге огромный интеграл от нуля до бесконечности.

— Всегда у них уйма свободного времени, — продолжал Юра, — и никогда они не знают, куда это время девать. Катаются на машинах большой глупой компанией, и тошно смотреть, как они это по-идиотски делают. Сначала по грибы, потом идут в кафе и едят так — просто от безделья, потом начинают гонять по шоссе, только по самым лучшим и благоустроенным, где, значит, безопасно, и ремонтные автоматы под рукой, и мотели, и все что хочешь. Потом собираются на какой-нибудь даче и там опять ничего не делают, даже не беседуют. Скажем, перебирают эти свои паршивые грибы и спорят, где подберезовик, а где подосиновик. А уж начнут спорить о чем-нибудь дельном, тут уж беги-спасайся. Почему, видите ли, их до сих пор не пускают в космос. А спроси, зачем им это, — ничего толком ответить не могут, бормочут что-то про свои права. Ужасно они любят говорить про свои права. Но самое противное

у них — это то, что у них всегда масса времени, и они это время убивают. Я тут на «Тахмасибе» не знаю, куда деваться от безделья, мне работать не терпится, а они были бы здесь как рыба в воде…

Юра потерял нить и замолчал. Жилин все разрисовывал свой интеграл, лицо у него стало почему-то печальное. Потом он сказал:

— А причем здесь капитан Быков?

Юра вспомнил, с чего он начал.

— Алексей Петрович, — нерешительно пробормотал он, — он… какой-то скучноватый…

Жилин кивнул.

— Я так и думал, — сказал он. — Но ты ошибаешься, дружище, если мешаешь все в одну кучу — и Быкова и любителей безопасных шоссе…

— Я совсем не это имел в виду…

— Я понимаю тебя. Так вот. Быков любит свое дело — раз. Не мыслит себя в каком-либо другом качестве — два. И потом ведь Алексей Петрович работает даже тогда, когда читает журналы или дремлет в своем кресле. Ты никогда не задумывался над этим?

— Н-нет…

— Зря. Знаешь, в чем работа Быкова? Быть всегда готовым. Это очень сложная работа. Тяжелая, изматывающая. Нужно быть Быковым, чтобы

выдерживать все это. Чтобы привыкнуть к постоянному напряжению, к состоянию непрерывной готовности. Не понимаешь?

— Не знаю… Если это действительно так…

— Но это действительно так! Он солдат космоса. Ему можно только позавидовать, Юрочка, потому что он нашел главное в себе и в мире. Он нужен, необходим и труднозаменим. Понимаешь?

Юра нерешительно кивнул. Перед ним встала осточертевшая картина — прославленный капитан в шлепанцах и полосатых носках в позе бюргера в своем любимом кресле.

— Я знаю, тебя покорил Владимир Сергеевич. Что ж, это понятно. С одной стороны Юрковский, который считает, что жизнь — это довольно скучная возня с довольно скучными делами и нужно пользоваться всяким случаем, чтобы разрядиться в великолепной вспышке. С другой стороны, Быков, который полагает истинную жизнь в непрерывном напряжении, не признает никаких случаев, потому что он готов к любому случаю, и никакой случай не будет для него неожиданностью… Но есть еще и третья сторона. Представь себе, Юра, — Жилин положил ладони на стол и откинулся в кресле, — огромное здание человеческой культуры: все, что человек создал

сам, вырвал у природы, переосмыслил и сделал заново так, как природе было бы не под силу. Величественное такое здание! Строят его люди, которые отлично знают свое дело и очень любят свое дело. Например, Юрковский, Быков… Таких людей меньше пока, чем других. А другие — это те, на ком стоит это здание. Так называемые маленькие люди. Просто честные люди, которые, может быть, и не знают, что они любят, а что нет. Не знают, не имели случая узнать, что они могут, а что нет. Просто честно работают там, где поставила их жизнь. И вот они-то в основном и держат на своих плечах дворец мысли и духа. С девяти до пятнадцати держат, а потом едут по грибы… — Жилин помолчал. — Конечно, хочется, чтобы каждый и держал и строил. Очень, брат, хочется. И так обязательно будет когда-нибудь. Но на это нужно время. И силы. Такое положение вещей тоже ведь надо создать.

Юра думал. Что-то было в словах Ивана. Что-то непривычное. Это надо было еще осмыслить.

Жилин заложил руки за голову.

— Я вспоминаю одну историю, — проговорил он. Он глядел прямо на лампу, зрачки у него стали как точки. — У меня был товарищ, звали его Толя. Мы вместе в школе учились. Он был всегда такой

незаметный, все, бывало, копался в мелочах. Мастерил какие-то тетрадочки, клеил коробочки. Очень любил переплетать старые зачитанные книжки. Добряк был большой, до того добряк, что обидных шуток не понимал. Воспринимал их как-то странно и, на наш тогдашний развеселый взгляд, как-то даже дико. Запустишь ему, бывало, в кровать тритона, а он его вытащит, положит на ладонь и долго рассматривает. Вы вокруг гогочем, потому что смешно, а он его разглядывает, а потом скажет негромко: «Вот бедняга» — и отнесет его в пруд. Потом он вырос и стал где-то статистиком. Всем известно, работа эта тихая и незаметная, и все мы считали, что так ему и надо и ни на что другое наш Толя не годится. Работал он честно, без всякого увлечения, но добросовестно. Мы летали к Юпитеру, поднимали вечную мерзлоту, строили новые заводы, а он все сидел в своем учреждении и считал на машинах, которые не сам придумал. Образцовый маленький человек. Хоть обложи его ватой и помести в музей под колпак с соответствующей надписью: «Типичный самодовлеющий человечек конца двадцатого века». Потом он умер. Запустил пустяковое заболевание, потому что боялся операции, и умер. Это случается с маленькими людьми, хотя

об этом никогда не пишут в газетах.

Жилин замолчал, словно прислушиваясь. Юра ждал.

— Это было в Карелии, на берегу лесного озера. Его кровать стояла на застекленной веранде, и я сидел рядом и видел сразу и его небритое темное лицо… мертвое лицо… и огромную синюю тучу над лесом на той стороне озера. Врач сказал: «Умер». И тотчас же ударил гром невиданной силы, и разразилась такая гроза, какие на редкость даже на южных морях. Ветер ломал деревья и кидал их на мокрые розовые скалы, так что они разлетались в щепки, но даже их треска не было слышно в реве ветра. Озеро стеной шло на берег, и в эту стену били не по-северному яркие молнии. С домов срывало крыши. Повсюду остановились часы — никто не знает почему. Животные умирали с разорванными легкими. Это была неистовая, зверская буря, словно весь неживой мир встал на дыбы. А он лежал тихий, обыкновенный, и, как всегда, это его не касалось. — Жилин снова прислушался. — Я, Юрик, человек не трусливый, спокойный, но тогда мне было страшно. Я вдруг подумал: «Так вот ты какой был, наш маленький скучный Толик. Ты тихо и незаметно, сам не подозревая ни о чем, держал на плечах равновесие

Мира. Умер и равновесие рухнуло, и Мир встал дыбом». Если бы мне тогда прокричали на ухо, что Земля сорвалась с орбиты и ринулась на Солнце, я бы только кивнул головой. И еще я тогда подумал… — Жилин помолчал. — Я подумал: почему он был таким скучным и таким маленьким? Ведь он был очень скучным человеком, Юра. Очень. Если бы эта буря случилась у него на глазах, он наверняка бы закричал: «Ах! Тапочки! Тапочки мои сохнут на крыльце!» И побежал бы спасать тапочки. Но почему, как он стал таким?

Жилин замолчал и строго посмотрел на Юру.

— Но он же сам был виноват… — робко сказал Юра.

— Неправда. Никто никогда не бывает виноват только сам. Такими, какими мы становимся, нас делают люди. Вот в чем дело. А мы… Как часто мы не платим этот должок… Почти никогда. А ведь нет ничего важнее этого. Это главное. Сейчас это главное. Раньше главным было дать человеку свободу стать тем, чем ему хочется быть. А теперь главное — показать человеку, каким надо стать для того, чтобы быть по-человечески счастливым. Вот это сейчас главное, — Жилин посмотрел на Юру и вдруг спросил: — Правда?

— Наверное, — сказал Юра. Все это было пра-

вильно, но как-то чуждо ему. Как-то не трогало. Безнадежным казалось это дело. Или скучным…

Жилин сидел, настороженно прислушиваясь. Глаза у него совсем остановились.

— Что случилось? — спросил Юра.

— Тихо! — Жилин поднялся. — Странно, — сказал он. Он все прислушивался. Юра вдруг ощутил, как пол тихонько дрогнул под ногами, и в ту же секунду пронзительно завыла сирена. Он вскочил и кинулся к двери. Жилин поймал его за плечо.

— Спокойно, — сказал он. — Свое место по расписанию помнишь?

— Да! — сказал Юра и задохнулся.

— Обязанности тоже? — Жилин отпустил его. — Марш!

Юра кинулся в коридор.

Он бежал по кольцевому коридору в вакуум-отсек, где было его место по аварийному расписанию, бежал быстро, но все же сдерживался, чтобы не пуститься во всю прыть. Стажеру надлежит быть «спокойну, выдержану и всегда готову», однако когда по кораблю несется тоскливый угрожающий вой, когда корабль судорожно вздрагивает, словно раненый, у которого копаются в ране неумелыми пальцами, когда плохо понимаешь, что ты должен делать, и совсем не

понимаешь, что происходит… В конце коридора вспыхнули красные лампы. Юра не выдержал и кинулся со всех ног.

Навалившись, он откатил тяжелую дверь и влетел в серую комнату, где вдоль стен темнели стеклянные шторы боксов с вакуум-скафандрами. Надо было поднять все шторы, проверить комплектность скафандров, давление в баллонах, энергопитание, перевести крепление каждого скафандра в аварийное положение и сделать что-то еще… Потом надо было надеть свой скафандр и с откинутым колпаком ждать дальнейших распоряжений.

Юра проделал все это довольно быстро и, как ему показалось, толково, хотя сильно дрожали пальцы и он ощущал напряжение во всем теле, сильное и неприятное, похожее на затянувшуюся судорогу. Сирена замолчала, наступила зловещая тишина. Юра покончил с последним скафандром и огляделся. В боксах под поднятыми шторами горел сильный голубой свет, блестели огромные с раскинутыми рукавами скафандры, похожие на уродливые безголовые статуи. Юра вытащил свой скафандр и влез в него. Костюм был великоват, в нем было жестко и неудобно, совсем не так, как в костюме сварщика, удобном, гибком, уютном. А

в этом сразу стало жарко. Юра включил потоуловитель, потом, тяжело переставляя толстые ноги, лязгая металлом о металл, подошел к двери.

Корабль все вздрагивал, было тихо, вдоль коридора горели под потолком красные аварийные сигналы. Юра прислонился спиной к одному косяку двери и уперся в противоположный. Он перегородил дверь, и теперь войти в отсек можно было, только сбив его с ног. (Было странно читать это место в инструкции, где предписывалось охранять вакуум-отсек во время тревоги. От кого охранять? Зачем?) Войти в отсек во время тревоги имел право только тот человек — член экипажа или пассажир, — о котором капитан лично распоряжался: «Пропустить». Для этого в косяке вмонтирован радиофон, постоянно работающий на волне капитанского радиофона. Юра посмотрел на радиофон и вспомнил, что он еще не сделал. Он торопливо ткнул коленчатым пальцем в кнопку вызова.

— Слушаю, — сказал голос Быкова. Голос был, как всегда, скрипучий и равнодушный.

— Стажер Бородин занял пост по расписанию, — сообщил Юра.

— Хорошо, — сказал Быков и сейчас же отключился.

Юра сердито посмотрел на радиофон и произнес скрипучим голосом: «Хорошо». «Дерево», — подумал он и скорчил рожу, высунув язык. Корабль тряхнуло, и он чуть не прикусил язык. Он стыдливо огляделся, а затем ему в голову пришла мысль: что, если всезнающий и всепредусматривающий Быков нарочно тряхнул корабль, чтобы прищемить язык обнаглевшему стажеру. Можно было легко представить себе, как Быков делает это. «Наверное, жизнь у него была нелегкая, — подумал Юра. — Наверное, жизнь терла его и перемалывала, пока не содрала с него шелуху всяких эмоций, которые в общем-то не нужны, но без которых человек уже не человек, а дерево. Жилин как-то сказал, что с годами человек меняется только в одном — становится терпимее. К Быкову это, вероятно, не относится…»

Корабль снова дрогнул, и Юра уперся попрочнее. Непонятно было, что происходит. На метеоритную атаку не похоже, на какое-нибудь там столкновение — тем более. Миша Ушаков сказал, что опасность в космосе — словно удар шпаги, от нее либо умирают сразу же, либо вообще не умирают… Это заявил Мишка Ушаков, который в космосе был только на практике по строительной сварке и который даже о космосе

судит в терминах мушкетерских романов.

У Юры свело икру, и он переменил ногу. Вдоль коридора светились красные огни. Юра все пытался вспомнить, что это ему напоминает, и никак не мог, но было какое-то неприятное воспоминание, это он знал твердо. Хоть бы пришел кто, подумал он. Спросить бы, что случилось, чего надо ждать… Он посмотрел на кнопку вызова. Взять и обратиться прямо в Быкову: «Товарищ капитан, прошу объяснить задачу…» Потом Юра вдруг представил себе, сколько стажеров стояло здесь, потных от волнения, уперев ногу в косяк; страшно переживали, пытались понять, что происходит, и все прикидывали: «Успею надвинуть колпак или не успею?» Это были славные ребята, с которыми можно отлично сыграть в бок-ап-штаг или почесать язык насчет смысла жизни. Теперь они все уже опытные и умудренные, теперь они все в рубках, и их корабли носятся в пространстве… и тоже иногда трясутся и вздрагивают… От этих мыслей ни с того ни с сего представилось вдруг залитое потом и кровью лицо Быкова, которое с чисто человеческим понятным отчаянием следит остановившимися глазами за чем-то, что учесть не удалось и что приближается теперь совершенно неотвратимо…

В глазах у Юры все поплыло, он потерял равновесие и очутился на полу. Под низким потолком залязгало, загремело. Юра, торопливо царапая башмаками по металлическому полу, перевернулся на живот, поднялся и бросился в двери. Он стал в прежнюю позу и изо всех сил растопырился между косяками.

Теперь «Тахмасиб» вибрировал непрерывно, словно ему тоже было страшно. Юра весь напрягся, стараясь унять дрожь. Хоть бы пришел кто-нибудь, хоть бы понять, что к чему, хоть бы Быков приказал что-нибудь… Мама будет горевать ужасно — как ей скажут? Кто найдется такой, чтобы это сказать? Она ведь умереть может, она ведь недавно оперировалась, у нее сердце ну никуда не годится, ей нельзя этого говорить… Юра закусил губу и крепко сжал зубы. Стало больно, но дрожь не проходила. Ну что это, в самом деле… Нет, надо немедленно сходить и посмотреть. Сунуть голову в рубку, небрежно бросить: «Ну, долго еще?» — и уйти… А вдруг их всех поубивало? Юра с ужасом посмотрел в коридор, ожидая, что вот-вот из-за поворота выползет Жилин, посмотрит потухшими глазами и уронит голову на закоченевшие руки…

Юра опустил ногу, оттолкнулся от косяка и сде-

лал несколько неуверенных шагов по коридору. По трясущемуся полу, мимо красных огней, к лифту, навстречу тому, кто ползет… Он остановился и вернулся в двери. «Поспокойнее, — сказал он и откашлялся, чтобы не хрипело в горле. — Воображение любит пошутить, но шутит оно зло и нечестно. Не свой друг — воображение». Он снова прочно растопырился в дверях. Так вот оно каково, подумал он вдруг. Так вот оно каково — ждать и всегда быть готовым в шлепанцах и полосатых носочках, с прошлогодней газеткой, чтобы никто не заметил и не подумал… Ничего не знать наверняка и быть всегда готовым…

Вибрация усиливалась, и спадала, и снова усиливалась. Юра представил себе «Тахмасиб», километровое сооружение из титановых сплавов, похожее на гигантский бокал. Сейчас вдоль всего тела корабля, от грузового трюма до кромки отражателя, волной проходят судороги вибрации. То усиливаются, то спадают… Тут не надо быть сверхчутким, чтобы разобраться, что к чему. Если бы так завибрировал, скажем, окситановый датчик, все было бы ясно — надо отрегулировать компрессор или хотя бы сменить гаситель… Юра отчетливо ощутил, как корабль заваливается на бок — это стало заметно по давлению на ступню.

«Тахмасиб» разворачивался сначала плавно, а потом начались рывки. От каждого рывка тряслась голова и все, что в голове… Что же это, думал Юра, упираясь изо всех сил в косяки. Что же у них там, а?… И тут в страшной глухой тишине раздались шаги. Неторопливые, уверенные, незнакомые шаги, а может быть, Юра просто не узнавал их. Он смотрел вдоль коридора, а шаги все приближались, и вот из-за поворота появился Жилин в рабочем комбинезоне, с плоским ящиком тестера на груди. Лицо у него было серьезное и как будто недовольное, на глаза падал светлый чуб. Жилин подошел вплотную и, похлопав Юру по коленке, сказал негромко:

— Ну-ка…

Он хотел войти в вакуум-отсек. Юра открыл и закрыл рот, но ногу не убрал. Это был Жилин, милый, славный, долгожданный Жилин, но Юра ногу не убрал, а вместо этого спросил:

— Что там у вас?

Он хотел произнести это небрежно, но на последнем слоге глотнул, и впечатление было испорчено.

— Да что у нас может быть… — неохотно сказал Жилин. — Пропусти-ка меня, — сказал он. — Мне там нужно взять кое-что…

В голове у Юры была каша, и в этой каше из собственных Юриных принципов и понятий в целости оставалась только инструкция.

— Подождите, Ваня, — пробормотал он и нажал кнопку вызова.

Капитан не отвечал.

— Юрка, — сказал Жилин, — да что с тобой, братец? Пропусти же меня, я оставил в скафандре…

— Не могу, — сказал Юра и облизнул губы. — Как я могу?… Вот сейчас капитан отзовется…

Жилин внимательно смотрел на него.

— А если не отзовется?

— Почему же не отзовется? — Юра уставился на Жилина круглыми глазами и вдруг схватил его за рукав. — Что случилось?

— Да ничего не случилось, — Жилин вдруг заулыбался. — Так не пропустишь?

Юра отчаянно замотал головой.

— Ведь нельзя же, Ваня… Ты же должен понять! — он даже перешел на «ты» от избытка чувств, ему очень хотелось расплакаться и в то же время было отчего-то хорошо и спокойно, и он знал, что ни за что не пропустит Жилина. — Ведь ты сам был стажером.

— Да-а… — неопределенно протянул Жилин, разглядывая его. — Соблюдаем букву и дух ин-

струкции?

— Не знаю… — пробормотал Юра. Ему было стыдно и вместе с тем он знал, что ногу он не опустит. «Если тебе действительно надо войти, то не стой так, — мысленно взывал он к Жилину. — Бей меня в челюсть и бери, что тебе тут нужно…»

— Капитан Быков слушает, — раздалось из радиофона.

Юра все еще не в силах был собраться с мыслями.

— Алексей Петрович, — сказал Жилин в радиофон, — я хочу пройти в вакуум-отсек, а стажер меня не пускает.

— Зачем тебе понадобился вакуум-отсек? — осведомился Быков.

— Я оставил там «сириус» в прошлый раз… В скафандре забыл.

— Так, — сказал Быков. — Стажер Бородин, пропустите бортинженера Жилина.

Быков выключился. Юра с огромным облегчением убрал ногу. Он только сейчас заметил, что корабль больше не вибрирует. Жилин ласково посмотрел на него и похлопал по плечу.

— Ваня, вы только не сердитесь… — пробормотал Юра.

— Наоборот! — сказал Жилин. — На тебя ис-

ключительно интересно было смотреть.

— У меня такая каша в голове…

— Вот-вот… — Жилин остановился перед своим скафандром. — На этот случай и сочиняются инструкции. Хорошее дело, правда?

— Не знаю. Я теперь что-то перестал понимать, что в чему. Что хоть случилось?

Жилин снова потускнел.

— Что у нас могло случиться? — сказал он сквозь зубы. Искусственное питание. Таблетки вместо котлетки. Учебная тревога, стажер Бородин, только и всего. Рутинная, не реже одного-двух раз в течение рейса. В целях проверки знания инструкции. Великая вещь — инструкция! — Он вытащил из скафандра белый цилиндрик толщиной в палец и со злостью грохнул шторой. — Бежать мне пора отсюда, Юра. Бежать со всех ног, пока не надоело.

Юра глубоко вздохнул и посмотрел в коридор. Красные огни больше не горели. Пол больше не вибрировал. Юра увидел, как из каюты вышел Юрковский, посмотрел на Юру, величественно кивнул и неспешно скрылся за поворотом.

Жилин проворчал:

— Рыба ищет, где глубже, а человек — где хуже. Понял, Юрка? Здесь все хорошо. Тревоги учеб-

ные, аварии понарошку. А вот кое-где — похуже. Гораздо хуже. Туда и надо идти, а не ждать, пока тебя поведут… Ты меня слушаешь, стажер? По инструкции ты меня должен слушать.

— Подождите, Ваня, — сказал Юра, сморщившись. — Я еще, кажется, не очухался…

8.
ЭЙНОМИЯ.
СМЕРТЬ-ПЛАНЕТЧИКИ

Стажер Бородин, — сказал Быков, складывая газету, — пора спать, стажер.

Юра встал, закрыл книжку и, немного поколебавшись, сунул ее в шкаф. Не буду сегодня читать, подумал он. Надо, наконец, выспаться.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответил Быков и развернул очередную газету.

Юрковский, не отрываясь от бумаг, небрежно сделал ручкой. Когда Юра вышел, Юрковский

спросил:

— Как ты думаешь, Алексей, что он еще любит?

— Кто?

— Наш кадет. Я знаю, что он любит и умеет вакуумно варить. Я видел на Марсе. А вот что он еще любит?

— Девушек, — сказал Быков.

— Не девушек, а девушку. У него есть фотография девушки.

— Я не знал.

— Можно было догадаться. В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут с собой фотографии и потом не знают, что с ними делать. В книгах говорится, что на эти фотографии нужно смотреть украдкой и чтобы при этом глаза были полны слез или уж, во всяком случае, затуманивались. Только на это никогда не хватает времени. Или еще чего-нибудь, более важного. Но вернемся к нашему стажеру.

Быков отложил газету, снял очки и посмотрел на Юрковского.

— Ты уже кончил дела на сегодня? — спросил он.

— Нет, — сказал Юрковский с раздражением. — Не кончил и не желаю о них говорить. От

этой идиотской канцелярщины у меня распухла голова. Я желаю рассеяться. Можешь ты ответить на мой вопрос?

— На этот вопрос лучше всего тебе ответит Иван, — сказал Быков. — Он с ним все время возится.

— Но поскольку Ивана здесь нет, я спрашиваю тебя. Кажется, совершенно ясно.

— Не волнуйся так, Володя, печенка заболит. Наш стажер еще просто мальчик. Умелые руки, а любить он ничего особенно не любит, потому что ничего не знает. Алексея Толстого он любит. И Уэллса. А Голсуорси ему скучен, и «Дорога дорог» ему скучна. Еще он любит Жилина и не любит одного бармена в Мирза-Чарле. Мальчишка он еще. Почка.

— В его возрасте, — сказал Юрковский, — я очень любил сочинять стихи. Я мечтал стать писателем. А потом я где-то прочитал, что писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят… Да. К чему я это все?

— Не знаю, — сказал Быков. — По-моему, ты просто отлыниваешь от работы.

— Нет-нет, позволь… Да! Меня интересует внутренний мир нашего стажера.

— Стажер есть стажер, — сказал Быков.

— Стажер стажеру рознь, — возразил Юрковский. — Ты тоже стажер, и я стажер. Мы все стажеры на службе у будущего. Старые стажеры и молодые стажеры. Мы стажируемся всю жизнь, каждый по-своему. А когда мы умираем, потомки оценивают нашу работу и выдают диплом на вечное существование.

— Или не выдают, — задумчиво сказал Быков, глядя в потолок. — Как правило, к сожалению, не выдают.

— Ну что же, это наша вина, а не наша беда. Между прочим, знаешь, кому всегда достается диплом?

— Да?

— Тем, кто воспитывает смену. Таким, как Краюхин.

— Пожалуй, — сказал Быков. — И вот что интересно: эти люди, не в пример многим иным, нимало не заботятся о дипломах.

— И напрасно. Меня вот всегда интересовал вопрос: становимся ли мы лучше от поколения к поколению? Поэтому я и заговорил о кадете. Старики всегда говорят: «Ну и молодежь нынче пошла. Вот мы были!»

— Это говорят очень глупые старики, Влади-

мир. Краюхин так не говорил.

— Краюхин просто не любил теории. Он брал молодых, кидал их в печку и смотрел, что получится. Если не сгорали, он признавал в них равных.

— А если сгорали?

— Как правило, мы не сгорали.

— Ну вот, ты и ответил на свой вопрос, — сказал Быков и снова взялся за газету. — Стажер Бородин сейчас на пути в печку, в печке он, пожалуй, не сгорит, через десять лет ты с ним встретишься, он назовет тебя старой песочницей, и ты, как честный человек, с ним согласишься.

— Позволь, — возразил Юрковский, — но ведь на нас тоже лежит какая-то ответственность. Мальчика нужно чему-то учить!

— Жизнь научит, — коротко сказал Быков из-за газеты.

В кают— компанию вошел Михаил Антонович в пижаме, в шлепанцах на босу ногу, с большим термосом в руке.

— Добрый вечер, мальчики, — сказал он. — Что-то мне захотелось чайку.

— Чаек — это неплохо, — оживился Быков.

— Чаек так чаек, — сказал Юрковский и стал собирать свои бумаги.

Капитан и штурман накрыли на стол, Михаил Антонович разлил варенье в розетки, а Быков налил всем чаю.

— А где Юрик? — спросил Михаил Антонович.

— Спит, — ответил Быков.

— А Ванюша?

— На вахте, — терпеливо ответил Быков.

— Ну и хорошо, — сказал Михаил Антонович. Он отхлебнул чаю, зажмурился и добавил: — Никогда, мальчики, не соглашайтесь писать мемуары. Такое нудное занятие, такое нудное!

— А ты побольше выдумывай, — посоветовал Быков.

— Как это?

— А как в романах. «Юная марсианка закрыла глаза и потянулась ко мне полуоткрытыми устами. Я страстно и длинно обнял ее».

— «Всю», — добавил Юрковский.

Михаил Антонович зарделся.

— Ишь, закраснелся, старый хрыч, — сказал Юрковский. — Было дело, Миша?

Быков захохотал и поперхнулся чаем.

— Фу! — сказал Михаил Антонович. — Фу на вас! — Он подумал и заявил вдруг: — А знаете что, мальчики? Плюну-ка я на эти мемуары. Ну что мне сделают?

— Ты нам вот что объясни, — сказал Быков. — Как повлиять на Юру?

Михаил Антонович испугался.

— А что случилось? Он нашалил что-нибудь?

— Пока нет. Но вот Владимир считает, что на него нужно влиять.

— Мы, по-моему, и так на него влияем. От Ванюши он не отходит, а тебя, Володенька, просто боготворит. Раз двадцать уже рассказывал, как ты за пиявками в пещеру полез.

Быков поднял голову.

— За какими это пиявками? — спросил он.

Михаил Антонович виновато заерзал.

— А, это легенды, — сказал Юрковский, не моргнув глазом. — Это было еще… э-э… давно. Так вот вопрос: как нам влиять на Юру? Мальчику представился единственный в своем роде шанс посмотреть мир лучших людей. С нашей стороны было бы просто… э-э…

— Видишь ли, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Ведь Юра очень славный мальчик. Его очень хорошо воспитали в школе. В нем уже заложен… Как бы это сказать… Фундамент хорошего человека. Ведь пойми, Володенька, Юра уже никогда не спутает хорошее с плохим…

— Настоящего человека, — веско сказал Юрков-

ский, — отличает широкий кругозор.

— Правильно, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Вот и Юрик…

— Настоящего человека формируют только настоящие люди, работники, и только настоящая жизнь, полнокровная и нелегкая.

— Но ведь и наш Юрик…

— Мы должны воспользоваться случаем и показать Юрию настоящих людей в настоящей, нелегкой жизни.

— Правильно, Володенька, и я уверен, что Юрик…

— Извини, Михаил, я еще не кончил. Вот завтра мы пройдем до смешного близко от Эйномии. Вы знаете, что такое Эйномия?

— А как же? — сказал Михаил Антонович. — Астероид, большая полуось — две и шестьдесят четыре астрономических единицы, эксцентриситет…

— Я не об этом, — нетерпеливо сказал Юрковский. — Известно ли вам, что на Эйномии уже три года функционирует единственная в мире физическая станция по исследованию гравитации?

— А как же, — сказал Михаил Антонович. — Ведь там же…

— Люди работают в исключительно сложных

условиях, — продолжал Юрковский с воодушевлением. Быков пристально смотрел на него. — Двадцать пять человек, крепкие, как алмазы, умные, смелые, я бы сказал даже — отчаянно смелые! Цвет человечества! Вот прекрасный случай познакомить мальчишку с настоящей жизнью!

Быков молчал. Михаил Антонович сказал озабоченно:

— Очень славная мысль, Володенька, но это…

— И как раз сейчас они собираются проводить интереснейший эксперимент. Они изучают распространение гравитационных волн. Вы знаете, что такое смерть-планета? Скалистый обломок, который в нужный момент целиком превращается в излучение! Чрезвычайно поучительное зрелище!

Быков молчал. Молчал и Михаил Антонович.

— Увидеть настоящих людей в процессе настоящей работы разве это не прекрасно?

Быков молчал.

— Я думаю, это будет очень полезно нашему стажеру, — сказал Юрковский и добавил тоном ниже: — Даже я не отказался бы посмотреть. Меня давно интересуют условия работы смерть-планетчиков.

Быков, наконец, заговорил.

— Что ж, — сказал он. — Действительно, небезынтересно.

— Уверяю тебя, Алексей! — воскликнул Юрковский. — Я думаю, мы зайдем туда, не так ли?

— М-да, — неопределенно пробормотал Быков.

— Ну, вот и прекрасно, — сказал Юрковский. — Он посмотрел на Быкова и спросил: — Тебя что-то смущает, Алексей?

— Меня смущает вот что, — сказал Быков. — В моем маршруте есть Марс. В маршруте есть Бамберга с этими паршивыми копями. Есть несколько спутников Сатурна. Есть система Юпитера. И еще кое-что. Одного там нет. Эйномии там нет.

— Н-ну, как тебе сказать… — опустив глаза и барабаня пальцами по столу, сказал Юрковский. — Будем считать, что это недосмотр управления, Алеша.

— Придется тебе, Владимир, посетить Эйномию в следующий раз.

— Позволь, позволь, Алеша… Э-э… Все-таки я генеральный инспектор, я могу отдать приказ, сказать… э-э… во изменение маршрута…

— Вот сразу бы и отдал. А то морочит мне голову воспитательными задачами.

— Н-ну, воспитательные задачи, конечно, то-

же… да.

— Штурман, — сказал Быков, — генеральный инспектор приказывает изменить курс. Рассчитайте курс на Эйномию.

— Слушаюсь, — сказал Михаил Антонович и озабоченно посмотрел на Юрковского. — Ты знаешь, Володенька, горючего у нас маловато. Эйномия — это крючок… Ведь два раза тормозить придется. И один раз разгоняться. Тебе бы неделю назад об этом сказать.

Юрковский гордо выпрямился.

— Э-э… вот что, Михаил. Есть тут автозаправщики поблизости?

— Есть, как не быть, — сказал Михаил Антонович.

— Будет горючее, — сказал Юрковский.

— Будет горючее — будет и Эйномия, — сказал Быков, встал и пошел к своему креслу. — Ну, мы с Мишей стол накрывали, а ты, генеральный инспектор, прибери.

— Вольтерьянцы, — сказал Юрковский и стал прибирать со стола. Он был очень доволен своей маленькой победой. Быков мог бы и не подчиниться. У капитана корабля, который вез генерального инспектора, тоже были большие полномочия.

Физическая обсерватория «Эйномия» двигалась вокруг солнца приблизительно в той точке, где когда-то находился астероид Эйномия. Гигантская скала диаметром в двести километров была за последние несколько лет почти полностью истреблена в процессе экспериментов. От астероида остался только жиденький рой сравнительно небольших обломков да семисоткилометровое облако космической пыли, огромный серебристый шар, уже слегка растянутый приливной силой. Сама физическая обсерватория мало отличалась от тяжелых искусственных спутников Земли: это была система торов, цилиндров и шаров, связанных блестящими тросами, вращающихся вокруг общей оси. В лаборатории работали двадцать семь физиков и астрофизиков, «крепкие, как алмаз, умные, смелые» и зачастую «отчаянно смелые». Самому младшему из них было двадцать пять лет, самому старшему — тридцать четыре.

Экипаж «Эйномии» занимался исследованием космических лучей, экспериментальными проверками единых теорий поля, вакуумом, сверхнизкими температурами, экспериментальной космогонией. Все небольшие астероиды в радиусе двадцати мегаметров от «Эйномии» бы-

ли объявлены смерть-планетами: они либо были уже уничтожены, либо подлежали уничтожению. В основном этим занимались космогонисты и релятивисты[6]. Истребление маленьких планеток производилось по-разному. Их обращали в рой щебня, или в тучу пыли, или в облако газа, или во вспышку света. Их разрушали в естественных условиях и в мощном магнитном поле, мгновенно и постепенно, растягивая процесс на декады и месяцы. Это был единственный в солнечной системе космогонический полигон, и если возлеземные обсерватории обнаруживали теперь вспыхнувшую новую звезду со странными линиями в спектре, то прежде всего вставал вопрос: где находилась в этот момент «Эйномия» и не в районе ли «Эйномии» вспыхнула новая звезда? Международное управление космических сообщений объявило зону «Эйномии» запретной для всех рейсовых планетолетов.

«Тахмасиб» затормозил у «Эйномии» за два часа до начала очередного эксперимента. Релятивисты собирались превратить в излучение каменный обломок величиной с Эверест и с массой, определенной с точностью до нескольких

---

[6] Примечания: 6
Физики, разрабатывающие теорию относительности.

граммов. Очередная смерть-планета двигалась на периферии полигона. Туда уже были посланы десять космоскафов с наблюдателями и приборами, и на обсерватории остались всего два человека — начальник и дежурный диспетчер.

Дежурный диспетчер встретил Юрковского и Юру у кессона. Это был долговязый, очень бледный, веснушчатый человек. Глаза у него были бледно-голубые и равнодушные.

— Э… здравствуйте, — сказал Юрковский. — Я Юрковский, генеральный инспектор МУКСа.

По всей видимости, голубоглазому человеку было не впервой встречать генеральных инспекторов. Он спокойно, не торопясь оглядел Юрковского и сказал:

— Что ж, заходите.

Голубоглазый спокойно повернулся спиной к Юрковскому и, клацая магнитными подковами, пошел по коридору.

— Постойте! — вскричал Юрковский. — А где здесь… э-э… начальник?

Голубоглазый, не оборачиваясь, сказал:

— Я вас веду.

Юрковский и Юра поспешили за ним. Юрковский вполголоса приговаривал:

— Странные, однако… э-э… порядки. Удиви-

тельные…

Голубоглазый открыл в конце коридора круглый люк и полез в него. Юрковский и Юра услышали:

— Костя, к тебе пришли…

Было слышно, как кто-то кричал звонким веселым голосом:

— Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей! Отойти на сто километров, ведь там опасно! Третий! Третий! Тебе ж русским языком было сказано! Держись в створе со мной! Шестой, не ворчи на начальство! Начальство проявило заботу, а ему уже нудно!…

Юрковский и Юра пролезли в небольшую комнату, плотно уставленную приборами. Перед вогнутым экраном висел сухощавый, очень смуглый парень лет тридцати, в синих брюках со складкой и в белой рубашке с черным галстуком.

— Костя, — позвал голубоглазый и замолчал.

Костя повернул к вошедшим веселое красивое лицо с горбатым носом, несколько секунд рассматривал их, изысканно поздоровался, затем снова отвернулся к экрану. На экране медленно перемещались по линиям координатной сетки несколько ярких разноцветных точек.

— Девятый, зачем ты остановился? Что, у тебя пропал энтузиазм? А ну, прогуляйся еще чуть вперед… Шестой, ты делаешь успехи. Я от тебя уже заболел. Ты что, полетел домой, на Землю?

Юрковский солидно кашлянул. Веселый Костя выдернул из правого уха блестящий шарик и, повернувшись к Юрковскому, спросил:

— Кто вы, гости?

— Я Юрковский, — очень веско сказал Юрковский.

— Какой Юрковский? — весело и нетерпеливо спросил Костя. — Я знал одного, он был Владимир Сергеевич.

— Это я, — сказал Юрковский.

Костя очень обрадовался.

— Вот кстати! — воскликнул он. — Тогда встаньте вон к тому пульту. Будете крутить четвертый верньер — на нем написано по-арабски «четыре», — чтобы вон та звездочка не выходила из вон того кружочка…

— Но позвольте, однако… — сказал Юрковский.

— Только не говорите мне, что вы не поняли! — закричал Костя. — А то я в вас разочаруюсь.

Голубоглазый подплыл к нему и начал что-то шептать. Костя выслушал и заткнул ухо блестя-

щим шариком.

— Пусть ему от этого будет лучше, — сказал он и звонко закричал: — Наблюдатели, слушайте меня, я опять командую! Все сейчас стоят хорошо, как запорожцы на картине у Репина! Только не касайтесь больше управления! Выключаюсь на две минуты! — Он снова выдернул блестящий шарик. — Так вы стали генеральным инспектором, Владимир Сергеевич? — спросил он.

— Да, стал, — сказал Юрковский. — И я…

— А кто этот молодой юноша? Он тоже генеральный инспектор? Эзра, — он повернулся к голубоглазому, — пусть Владимир Сергеевич держит ось, а мальчику ты дай чем-нибудь полезно поиграть. Лучше всего поставь его к своему экрану, и пусть он посмотрит…

— Может быть, мне все-таки дадут здесь сказать два слова? — спросил Юрковский в пространство.

— Конечно, говорите, — сказал Костя. — У вас еще целых девяносто секунд.

— Я хотел… э-э… попасть на один из космоскафов, — сказал Юрковский.

— Ого! — сказал Костя. — Лучше бы вы захотели колесо от троллейбуса. А еще лучше, если бы вы захотели крутить верньер номер четыре. На кос-

москафы нельзя даже мне. Там все занято, как на концерте Блюмберга. А старательно поворачивая верньер, вы увеличиваете точность эксперимента на полтора процента.

Юрковский величественно пожал плечами.

— Н-ну, хорошо, — сказал он. — Я вижу, мне придется... А почему... э-э... у вас это не автоматизировано?

Костя уже вставлял в ухо блестящий шарик. Долговязый Эзра прогудел, как в бочку:

— Оборудование. Дрянь. Устарело.

Он включил большой экран и поманил к себе Юру пальцем. Юра подошел к экрану и оглянулся на Юрковского. Юрковский, скорбно перекосив брови, держался за верньер и глядел на экран, перед которым стоял Юра. Юра тоже стал глядеть на экран. На экране светилось несколько ярких округлых пятен, похожих не то на кляксы, не то на репейник. Эзра ткнул в одно из пятен костлявым пальцем.

— Космоскаф, — сказал он.

Костя опять начал командовать:

— Наблюдатели, вы еще не спите? Что там у вас тянется? Ах, время? Сгори со стыда, Саша, ведь осталось всего три минуты. Корыто? Ах, фотонное корыто? Это к нам прибыл генеральный ин-

спектор. Внимание, я стал серьезным. Осталось тридцать… двадцать девять… двадцать восемь… двадцать семь…

Эзра ткнул пальцем в центр экрана.

— Сюда, — сказал он.

Юра уставился в центр. Там ничего не было.

— …пятнадцать… четырнадцать… Владимир Сергеевич, держите ось… десять… девять…

Юра смотрел во все глаза. Эзра тоже вертел верньер, должно быть, тоже держал какую-то ось.

— …три… два… один… Ноль!

В центре экрана вспыхнула яркая белая точка. Затем экран сделался белым, потом ослепительным и черным. Где-то над потолком пронзительно и коротко проверещали звонки. Вспыхнули и погасли красные огоньки на пульте возле экрана. И снова на экране появились округлые пятна, похожие на репейник.

— Все, — сказал Эзра и выключил экран.

Костя ловко спустился на пол.

— Ось можно больше не держать, — сказал он. — Раздевайтесь, я начинаю прием.

— Что такое? — спросил Юрковский.

Костя достал из-под пульта коробочку с пилюлями.

— Одолжайтесь, — сказал он. — Это, конечно,

не шоколад, но зато полезнее.

Эзра подошел и молча взял две пилюли. Одну он протянул Юре. Юра нерешительно посмотрел на Юрковского.

— Я спрашиваю, что это? — повторил Юрковский.

— Гамма-радиофаг, — объяснил Костя. Он оглянулся на Юру. — Кушайте, кушайте, юноша, — сказал он. — Вы сейчас получили четыре рентгена, и с этим нужно считаться.

— Да, — сказал Юрковский. — Верно.

Он протянул руку к коробочке. Юра положил пилюлю в рот. Пилюля была очень горькая.

— Так чем же мы можем помочь генеральному инспектору? Осведомился Костя, пряча коробочку обратно под пульт.

— Собственно, я хотел… э-э… присутствовать при эксперименте, — сказал Юрковский, — ну, и заодно… э-э… выяснить положение на станции… нужды работников… жалобы наконец… Что? Вот я вижу, лаборатория плохо защищена от излучений… Тесно. Плохая автоматизация, устаревшее оборудование… Что?

Костя сказал со вздохом:

— Да, это правда, правда горькая, как гамма-радиофаг. Но если вы меня спросите, на что я

жалуюсь, я вам вынужден буду ответить, что я ни на что не жалуюсь. Конечно, жалобы есть. Как в этом мире можно без жалоб? Но это не наши жалобы, это жалобы на нас. И согласитесь, что будет смешно, если я вам, генеральному инспектору, стану рассказывать, за что на нас жалуются. Кстати, вы не хотите кушать? Очень хорошо, что вы не хотите. Попробуйте поискать что-нибудь съедобное в нашем погребе… Ближайший продовольственный танкер придет сегодня вечером или завтра днем, и это, поверьте мне, очень грустно, потому что физики привыкли есть каждый день, и никакие ошибки снабжения не могут их от этого отучить. Ну, а если вы серьезно хотите узнать мое мнение о жалобах, то я скажу вам все коротко и ясно, как любимой девушке: эти дипломированные кое-какеры из нашего дорогого МУКСа всегда на что-нибудь жалуются. Если мы работаем быстро, то они жалуются, что мы работаем быстро и быстро изнашиваем драгоценное, оно же уникальное, оборудование, что у нас все горит и что они не успевают. А если мы работаем медленно… Впрочем, что я говорю? Еще не было такого оригинала, который бы жаловался, что мы работаем медленно. Кстати, Владимир Сергеевич, вы же были порядочным планетоло-

гом, мы же все учились по вашим роскошным книжкам и всяким там отчетам! Для чего же вы попали в МУКС да еще занялись генеральной инспекцией?

Юрковский ошеломленно смотрел на Костю. Юра весь сжался, ожидая, что вот-вот разразится гроза. Эзра стоял и совершенно равнодушно моргал желтыми коровьими ресницами.

— Э-э-э… — хмурясь, затянул Юрковский. — Собственно, почему же нет?

— Я вам объясню, почему нет, — сказал Костя, толкая его пальцами в грудь. — Вы же хороший ученый, вы же родитель современной планетологии! Из вас же с детства бил фонтан идей! Что гигантские планеты должны иметь кольца, что планеты могут конденсироваться без центрального светила, что кольцо Сатурна имеет искусственное происхождение, — спросите у Эзры, кто это все придумал? Эзра вам сразу скажет: Юрковский! И вы отдали все эти лакомые куски на растерзание всякой макрели, а сами подались в кое-какеры!

— Ну, что вы! — сказал Юрковский благодушно. — Я всего лишь… э-э… простой ученый…

— Были вы простым ученым! Теперь вы, извините за выражение, простой генеральный

инспектор. Ну, вот скажите мне серьезно: зачем вы приехали сюда? Ни спросить вы ничего толком не можете, ни посоветовать, я уж не говорю, чтобы помочь. Ну, скажем, я в порядке вежливости поведу вас по лабораториям, и мы станем ходить как два лунатика и уступать друг другу дорогу перед люками. И мы будем вежливо молчать, потому что вы не знаете, как спросить, а я не знаю, как ответить. Это ж нужно собрать все двадцать семь человек, чтобы объяснить, что делается на станции, а двадцать семь сюда не влезут даже из уважения к генеральному инспектору, потому что тесно, и один у нас даже живет в лифте…

— Вы напрасно думаете… э-э… что меня это радует, — казенным голосом перебил его Юрковский. — Я имею в виду такую… э-э… перенаселенность станции. Насколько мне известно, станция рассчитана на экипаж из пяти гравиметристов. И если бы вы, как руководитель станции, придерживались существующих положений, утвержденных МУКСом…

— Так ведь, Владимир Сергеевич! — воскликнул веселый Костя. — Товарищ генеральный инспектор! Люди же хотят работать! Гравиметристы хотят работать? Хотят. Релятивисты хотят? Тоже

хотят. Я уже не говорю про космогонистов, которые втиснулись сюда прямо через мой труп. И на Земле еще полтораста человек роют землю от нетерпения… Подумаешь, ночевать в лифте! Что же, ждать, пока МУКС закончит постройку новой станции? Нет, планетолог Юрковский рассудил бы совсем иначе. Он не стал бы выговаривать мне за перенаселенность. И не стал бы требовать, чтобы я ему все объяснял. Тем более что он не Гейзенберг и все равно понял бы не больше половины. Нет, планетолог Юрковский сказал бы: «Костя! Мне нужно, чтобы вы экспериментально обосновали мою новую роскошную идею. Давайте займемся, Костя!» Тогда я уступил бы вам свою койку, а сам бы занял аварийный лифт, и мы бы с вами работали до тех пор, пока бы все не стало ясно, как весеннее утро! А вы приезжаете собирать жалобы. Какие могут быть жалобы у человека, имеющего интересную работу?

Юра вздохнул с облегчением. Гром так и не разразился. Лицо Юрковского становилось все более задумчивым и даже грустным.

— Да, — сказал он. — Вы, пожалуй, правы… э-э… Костя. Мне действительно не следовало приезжать сюда в таком… э-э… качестве. И я вам… э-э… завидую, Костя. С вами я бы поработал с

удовольствием. Но… э-э… есть станции и есть… э-э… станции. Вы себе представить не можете, Костя, сколько безобразий еще у нас в системе. И поэтому планетологу Юрковскому пришлось… э-э… сделаться генеральным инспектором Юрковским.

— Безобразия, — быстро сказал Костя, — это дело космической полиции…

— Не всегда, — сказал Юрковский, — к сожалению, не всегда.

В коридоре что-то лязгнуло и загрохотало. Послышалось беспорядочное клацание магнитных подков. Кто-то завопил:

— Костя-а! Есть упреждение-е! На три миллисекунды!…

— О! — сказал Костя. — Это идут мои работнички, сейчас они потребуют кушать. Эзра, — сказал он, — как им помягче сообщить, что танкер будет только завтра?

— Костя, — сказал Юрковский, — я вам дам ящик консервов.

— Шутите! — обрадовался Костя. — Вы бог. Вдвое подает тот, кто подает вовремя. Считайте, что я вам должен два ящика консервов!

В люк один за другим протиснулись четверо, и в помещении сразу стало негде повернуться. Юру

затиснули в угол и огородили широкими спинами. По настоящему хорошо он мог видеть только худой вихрастый затылок Эзры, чей-то зеркально выбритый череп и еще один мускулистый затылок. Кроме того, Юра видел ноги — они располагались над головами, и гигантские ботинки с блестящими стертыми подковами осторожно шевелились в двух сантиметрах от бритого черепа. В просвете между спинами и затылками Юра видел иногда горбоносый Костин профиль и густо-бородатое лицо четвертого работничка. Юрковского видно не было, вероятно, его тоже затерли. Говорили все сразу.

— Разброс точек очень маленький. Я считал наскоро, но три миллисекунды, по-моему, совершенно бесспорно…

— Но все-таки три, а не шесть!

— Не в этом дело! Важно, что за пределами ошибок!

— Марс бы взорвать, вот это была бы точность.

— Да, брат, тогда можно было бы половину гравископов убрать.

— Ненавистный прибор — гравископ. И кто его такого выдумал!

— Скажи спасибо, что хоть такие есть. Знаешь, как мы это раньше делали?

— Скажите, ему уже не нравятся гравископы!

— А поесть дадут?

— Кстати, о еде. Костя, радиофаг мы весь съели.

— Да-да, хорошо, что ты вспомнил. Костя, выдай нам таблеток.

— Ребята, я, кажется, наврал. Не три миллисекунды, а четыре.

— Болтовня это все. Отдай Эзре, Эзра посчитает как следует.

— Правильно… Эзра, вот возьми, голуба, ты у нас самый хладнокровный, а то у меня руки от жадности трясутся.

— Вспышка была сегодня красоты изумительной. Я чуть не ослеп. Люблю взрывы на аннигиляцию! Чувствуешь себя этаким творцом, человеком будущего…

— Слушай, Костя, что это Пагава говорит, что теперь будут только очаговые взрывы? А как же мы?

— А у тебя есть совесть? Ты что, воображаешь, что это гравитационная обсерватория? А космогонисты тебе так, мальчики?

— Ой, Панас, не ввязывайся в этот спор. Все-таки Костя начальник. А зачем существует начальник? Чтобы все было справедливо.

— Какой же тогда смысл иметь начальником своего человека?

— Ого! Я уже не гожусь в начальники? Это что, бунт? Где мои ботфорты, брабантские манжеты и пистолеты?

— Между прочим, я бы поел.

— Сосчитал, — сказал Эзра.

— Ну?

— Не торопите его, он не может так быстро.

— Три и восемь.

— Эзра! Каждое твое слово золото!

— Ошибка плюс-минус два и два.

— Как сегодня словоохотлив наш Эзра!

Юра не выдержал и прошептал Эзре прямо в ухо:

— Что случилось? Почему все так радуются?

Эзра, слегка повернув голову, пробубнил:

— Получили упреждение. Доказали. Что гравитация распространяется. Быстрее света. Впервые доказали.

— Три и восемь, ребята, — объявил бритоголовый, — это значит, что мы утерли нос этому кое-какеру из Ленинграда. Как, бишь, его…

— Отличное начало. Сейчас бы только поесть, перебить космогонистов и взяться за дело по-настоящему.

— Слушайте, ученые, а для чего здесь нет Крамера?

— Он врет, что у него есть две банки консервов. Он сейчас их ищет у себя в старых бумагах. Устроим пиршество тощих по банке на четырнадцать человек.

— Пиршество тощих телом и нищих духом.

— Тихо, ученые, и я вас порадую.

— А про какие консервы врал Валерка?

— По слухам, там у него банка компота из персиков и банка кабачков…

— Колбаски бы…

— Меня здесь будут слушать или нет? Смирно, вы, ученые! Вот так. Могу вам сообщить, что среди нас имеется один генеральный инспектор — Юрковский Владимир Сергеевич. Он жалует нам ящик консервов со своего стола!

— Ну-у? — сказал кто-то.

— Нет, это даже не остроумно. Кто же так шутит?

Откуда— то из угла послышалось:

— Э-э… здравствуйте.

— Ба! Владимир Сергеевич? Как же мы вас не заметили?

— Охамели мы здесь, братцы смерть-планетчики!

— Владимир Сергеевич! Про консервы это правда?

— Истинная правда, — сказал Юрковский.

— Ура!

— И еще раз…

— Ура!

— И еще раз…

— Ур-р-а-а!

— Консервы мясные, — сказал Юрковский.

По комнате пронесся голодный стон.

— Эх, ну почему здесь невесомость? Качать надо такого человека. На руках носить!

В открытый люк просунулась еще одна борода.

— Что вы тут разорались? — сумрачно спросила она. — Упреждение получили, а что лопать нечего — вы знаете? Танкер только завтра приковыляет.

Некоторое время все смотрели на бороду. Потом человек с мускулистым затылком сказал задумчиво:

— Узнаю космогониста по изящным словесам.

— Ребята, а ведь он голоден.

— Еще бы! Космогонисты всегда голодны!

— А не послать ли его за консервами?

— Павел, друг мой, — сказал Костя, — сейчас ты пойдешь за консервами. Пойди надень ваку-

ум-скафандр.

Бородатый парень подозрительно на него посмотрел.

— Юра, — сказал Юрковский, — проводи товарища на «Тахмасиб». Впрочем, ладно, я сам схожу.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич, — сказал бородатый, расплываясь в улыбке. — Как это вы к нам?

Он отступил от люка, давая Юрковскому дорогу. Они вышли.

— Хороший человек Юрковский. Добрый человек.

— А зачем нас инспектировать?

— Он приехал не инспектировать. Я понял так, что ему просто любопытно.

— Тогда пусть.

— А нельзя, чтоб он похлопотал насчет расширения программы?

— Расширение программы — ладно. А вот не сократил бы он штаты. Пойду уберу свою постель из лифта.

— Да, инспекторы не любят, чтобы жили в лифтах.

— Ученые, не пугайтесь. Я ему уже все рассказал. Он не такой. Это же Юрковский!

— Ребята, пойдемте искать столовую. В библиотеку, что ли?

— В библиотеке космогонисты все заставили.

Все по очереди стали вылезать через люк. Тогда человек с мускулистым затылком подошел к Косте и сказал тихо:

— Дай-ка мне еще одну пилюлю, Костя. Мутит меня что-то.

Эйномия осталась далеко позади. «Тахмасиб» держал курс на астероид Бамбергу — в царство таинственной «Спэйс Перл Лимитэд». Юра проснулся глубоко ночью — болел и чесался укол под лопаткой, ужасно хотелось пить. Юра услышал тяжелые неровные шаги в коридоре. Ему показалось даже, что он слышит сдавленный стон. «Привидения, — подумал он с досадой. — Только этого еще и не хватало». Не слезая с койки, он приоткрыл дверь и выглянул. В коридоре, странно скособочившись, стоял Юрковский в своем великолепном халате. Лицо у него обрюзгло, глаза были закрыты. Он тяжело и часто дышал искривленным ртом.

— Владимир Сергеевич! — испуганно позвал Юра. — Что с вами?

Юрковский быстро открыл глаза и попробовал выпрямиться, но его снова согнуло.

— Ти-хо! — сказал он угрожающе и торопливо, весь искривившись, пошел к Юре. Юра отодвинулся и пропустил его в каюту. Юрковский плотно притворил за собой дверь и осторожно сел рядом с Юрой.

— Ты чего не спишь? — сказал он шепотом.

— Что с вами, Владимир Сергеевич? — пробормотал Юра. — Вам плохо?...

— Ерунда, печень. — Юра с ужасом смотрел на его судорожно прижатые к бокам словно оцепеневшие, руки. — Всегда она, подлая, после лучевого удара... А все-таки не зря мы побывали на Эйномии. Вот они, люди, Юра! Настоящие люди! Работники. Чистые. И никакие кое-какеры им не помешают, — он осторожно откинулся спиной к стене, и Юра торопливо подсунул ему подушку. — Смешное слово «кое-какеры» — правда, Юра? А вот скоро мы увидим других людей... Совсем других... Гнилушки, дрянь... Хуже марсианских пиявок... Ты то их, конечно, не увидишь, а вот мне придется... — Он закрыл глаза. — Юра... ты прости... я, может быть, тут засну... Я принял... лекарство... Если засну... иди... спать ко мне...

9. БАМБЕРГА. НИЩИЕ ДУХОМ

Бэла Барабаш перешагнул через комингс и плотно прикрыл за собой дверь. На двери красовалась черная пластмассовая табличка: «The chief manager of Bamberga mines. Spase Pearl Limited»[7]. Табличка была расколота. Еще вчера она была цела. Пуля попала в левый нижний уголок таблички, и трещина проходила через заглавную букву «В». Подлый слизняк, подумал Бэла. «Уверяю вас, на копях нет никакого оружия. Только у вас, мистер Барабаш, да у полицейских. Даже у меня нет». Мерзавец.

---

[7] Примечания: 7
«Главный управляющий копями Бамберги. Спэйс Пёрл Лимитэд».

Коридор был пуст. Прямо перед дверью висел жизнерадостный плакат: «Помни, ты — пайщик. Интересы компании — твои интересы». Бэла взялся за голову, закрыл глаза и некоторое время постоял так, слегка покачиваясь. Боже мой, подумал он. Когда же все это кончится? Когда меня отсюда уберут? Ну, какой я комиссар? Ведь я же ничего не могу. У меня сил больше нет. Вы понимаете? У меня больше нет сил. Заберите меня отсюда, пожалуйста. Да, мне очень стыдно и все такое. Но больше я не могу…

Где— то с лязгом захлопнулся люк. Бэла опустил руки и побрел по коридору. Мимо осточертевших рекламных проспектов на стенах. Мимо запертых кают инженеров. Мимо высоких узких дверей полицейского отделения. Интересно, в кого могли стрелять на этаже администрации? Конечно, мне не скажут, кто стрелял. Но, может быть, удастся узнать в кого стреляли? Бэла вошел в полицию. За столом, подперев рукой щеку, дремал сержант Хиггинс, начальник полиции, один из трех полицейских шахты Бамберги. На столе перед Хиггинсом стоял микрофон, справа -рация, слева лежал журнал в пестрой обложке.

— Здравствуйте, Хиггинс, — сказал Бэла.

Хиггинс открыл глаза.

— Добрый день, мистер Барабаш.

Голос у него был мужественный, но немножко сиплый.

— Что нового, Хигинс?

— Пришла «Гея», — сказал Хигинс. — Привезли почту. Жена пишет, что очень скучает. Как будто я не скучаю. Вам тоже есть четыре пакета. Я сказал, чтобы вам занесли. Я думал, что вы у себя.

— Спасибо, Хигинс. Вы не знаете, кто сегодня стрелял на этом этаже?

Хигинс подумал.

— Что-то я не помню, чтобы сегодня стреляли, — сказал он.

— А вчера вечером? Или ночью?

Хигинс сказал неохотно:

— Ночью кто-то стрелял в инженера Мейера.

— Это сам Мейер вам сказал? — спросил Барабаш.

— Меня не было. Я дежурил в салуне.

— Видите ли, Хигинс, — сказал Барабаш. — Я сейчас был у управляющего. Управляющий в десятый раз заверил меня, что оружие здесь имеется только у вас, у полицейских.

— Очень может быть.

— Значит, в Мейера стрелял кто-нибудь из ваших подчиненных?

— Не думаю, — сказал Хигинс. — Том был со мной в салуне, а Конрад… Зачем Конраду стрелять в инженера?

— Значит, оружие есть у кого-нибудь еще?

— Я его не видел, мистер Барабаш, этого оружия. Если бы видел — отобрал бы. Потому что оружие запрещено. Но я его не видел.

Бэле вдруг стало все совершенно безразлично.

— Ладно, — вяло сказал он. — В конце концов следить за законностью — дело ваше, а не мое. Мое дело — информировать МУКС о том, как вы справляетесь со своими обязанностями.

Он повернулся и вышел. Он спустился в лифте на второй этаж и пошел через салун. В салуне никого не было. Вдоль стен мигали желтыми огоньками продавцы-автоматы. Напиться, что ли, подумал Бэла. Нализаться, как свинья, лечь в постель и проспать двое суток. А потом встать и опять напиться. Он прошел салун и пошел по длинному широкому коридору. Коридор назывался «бродвеем» и тянулся от салуна до уборных. Здесь тоже висели плакаты, напоминавшие о том, что «интересы компании — твои интересы», висели программы кино на ближайшую декаду, биржевые бюллетени, лотерейные таблицы, висели таблицы бейсбольных и баскетбольных

соревнований, проводившихся на Земле, и таблицы соревнований по боксу и по вольной борьбе, проводившихся здесь, на Бамберге. На «бродвей» выходили двери обоих кинозалов и дверь библиотеки. Спортзал и церковь находились этажом ниже. По вечерам на «бродвее» было не протолкнуться, и глаза слепили разноцветные огни бессмысленных реклам. Впрочем, не так уж и бессмысленных — они ежевечерне напоминали рабочему, что ждет его на Земле, когда он вернется к родным пенатам с набитым кошельком.

Сейчас на «бродвее» было пусто и полутемно. Бэла свернул в один из коридоров. Справа и слева потянулись одинаковые двери. Здесь располагались общежития. Из дверей тянуло запахом табака и одеколона. В одной из комнат Бэла увидел лежащего на койке человека и вошел. Лицо лежавшего было облеплено пластырем. Одинокий глаз грустно смотрел в потолок.

— Что с тобой, Джошуа? — спросил Бэла, подходя.

Печальный глаз Джошуа обратился на него.

— Лежу, — сказал Джошуа. — Мне следует быть в шахте, а я лежу. И каждый час теряю уйму денег. Я даже боюсь подсчитать, сколько я теряю.

— Кто тебя побил?

— Почем я знаю? — ответил Джошуа. — Напился вчера так, что ничего не помню. Черт меня дернул… Целый месяц крепился. А теперь вот пропил дневной заработок, лежу и еще буду лежать. Он снова печально уставился в потолок.

— Да, — сказал Бэла.

Ну, вот что ты с ним поделаешь, подумал он. Убеждать его, что пить вредно — он это и сам знает. Когда он встанет, то будет сидеть в шахте по четырнадцать часов, чтобы наверстать упущенное. А потом вернется на Землю, и у него будет черный лучевой паралич и никогда не будет детей или будут рождаться уроды.

— Ты знаешь, что работать в шахте больше шести часов опасно? — спросил Бэла.

— Идите вы, — тихо сказал Джошуа. — Не ваше это дело. Не вам работать.

Бэла вздохнул и сказал:

— Ну, что ж, поправляйся.

— Спасибо, мистер комиссар, — проворчал Джошуа. — Не о том вы заботитесь. Позаботьтесь лучше, чтобы салун прикрыли. И чтобы самогонщиков нашли.

— Ладно, — сказал Бэла. — Попробую.

Вот, думал он, направляясь к себе. А попробуй, закрой салун, и ты же сам будешь орать на митин-

гах, что всякие коммунисты лезут не в свое дело. Нет никакого выхода из этого круга. Никакого.

Он вошел в свою комнату и увидел, что там сидит инженер Сэмюэль Ливингтон. Инженер читал старую газету и ел бутерброды. На столе перед ним лежала шахматная доска с расставленными фигурами. Бэла поздоровался и устало уселся за стол.

— Сыграем? — предложил инженер.

— Сейчас, я только посмотрю, что мне прислали.

Бэла распечатал пакеты. В трех пакетах были книги, в четвертом — письмо от матери и несколько открыток с видами Нового Пешта. На столе лежал еще розовый конвертик. Бэла знал, что в этом конвертике, но все-таки распечатал его. «Мистер комиссар! Убирайся отсюда к чертовой матери. Не мути воду, пока цел. Доброжелатели». Бэла вздохнул и отложил записку.

— Ходите, — сказал он.

Инженер двинул пешку.

— Опять неприятности? — спросил он.

— Да.

Он в молчании разыграл защиту Каро-Канн. Инженер получил небольшое позиционное преимущество. Бэла взял бутерброд и стал задумчиво

жевать, глядя на доску.

— Вы знаете, Бэла, — сказал инженер, — когда я впервые увижу вас веселым, я скажу, что проиграл идеологическую войну.

— Вы еще увидите, — сказал Бэла без особой надежды.

— Нет, — сказал инженер. — Вы обречены. Посмотрите вокруг, вы сами видите, что обречены.

— Я? — спросил Бэла. — Или мы?

— Все вы со своим коммунизмом. Нельзя быть идеалистами в нашем мире.

— Ну, это нам двадцать раз говорили за последние сто лет.

— Шах, — сказал инженер. — Вам говорили правильно. Кое-что, конечно, недооценили и потому часто говорили ерунду. Смешно было говорить, что вы уступите военной силе или проиграете экономическое соревнование. Всякое крепкое правительство и всякое достаточно богатое государство в наше время непобедимо в военном и экономическом отношении. Да, да, коммунизм, как экономическая система, взял верх, это ясно. Где они сейчас, прославленные империи Морганов, Рокфеллеров, Круппов, всяких там Мицуи и Мицубиси? Все лопнули и уже забыты.

Остались жалкие огрызки вроде нашей «Спэйс Пёрл», солидные предприятия по производству шикарных матрасов узкого потребления… Да и те вынуждены прикрываться лозунгами всеобщего благоденствия. Еще раз шах. И несколько миллионов упрямых владельцев отелей, агентов по продаже недвижимости, унылых ремесленников. Все это тоже обречено. Все это держится только на том, что в обеих Америках еще имеют хождение деньги. Но тут вы зашли в тупик. Есть сила, которую даже вам не побороть. Я имею в виду мещанство. Косность маленького человека. Мещан не победить силой, потому что для этого их пришлось бы физически уничтожить. И их не победить идеей, потому что мещанство ограничено и не приемлет никаких идей.

— Вы были когда-нибудь в коммунистических государствах, Сэм?

— Был. И видел там мещан.

— Вы правы, Сэм. Они еще есть и у нас. Пока есть, и вы это заметили. Но вы не заметили, что у нас их гораздо меньше, чем у вас, и что они у нас тихие. У нас нет воинствующего мещанина. Пройдет еще поколение, другое, и их не станет совсем.

— Так я беру слона, — сказал инженер.

— Попробуйте, — сказал Бэла.

Некоторое время инженер раздумывал, затем взял слона.

— Через два поколения, говорите вы? А может быть, через двести тысяч поколений? Снимите, наконец, розовые очки, Бэла. Вот они вокруг вас, эти маленькие люди. Я не беру авантюристов и сопляков, которые играют в авантюристов. Возьмите таких, как Джошуа, Смит, Блэкуотэр. Таких, кого вы сами называете «сознательными» или «тихими», в зависимости от вашего настроения. У них же так мало желаний, что вы ничего им не можете предложить. А того, чего они хотят, они добьются безо всякого коммунизма. Они станут владельцами трактиров, заведут жену, детей и будут тихо жить в свое удовольствие. Коммунизм, капитализм — какое им до этого дело? Капитализм даже лучше, потому что капитализм благословляет такое бытие. Человек же по натуре — скотинка. Дайте ему полную кормушку, не хуже, чем у соседа, дайте ему набить брюшко и дайте ему раз в день посмеяться над каким-нибудь нехитрым представлением. Вы мне сейчас скажете: мы можем предложить ему большее. А зачем ему большее? Он вам ответит: не лезьте не в свое дело. Маленькая равнодушная скотинка.

— Вы клевещете на людей, Сэм. Джошуа и компания кажутся вам скотами только потому, что вы очень много потрудились, чтобы сделать их такими. Кто с пеленок внушал им, что самое главное в жизни — это деньги? Кто учил их завидовать миллионерам, домовладельцам, соседскому бакалейщику? Вы забивали их головы дурацкими фильмами и дурацкими книжками и говорили им, что выше бога не прыгнешь. И вы вдалбливали им, что есть бог, есть дом и есть бизнес, и больше ничего нет на целом свете. Так вы и делаете людей скотами. А человек ведь не скотина, Сэм. Внушите ему с пеленок, что самое важное в жизни — это дружба и знание, что, кроме его колыбельки, есть огромный мир, который ему и его друзьям предстоит завоевать, — вот тогда вы получите настоящего человека. Ну вот, теперь я ладью прозевал.

— Можете переходить, — сказал инженер. — Не буду с вами спорить. Может быть, роль воспитания действительно так велика, как вы говорите. Хотя и у вас при вашем воспитании, при государственной нетерпимости к мещанству все-таки ухитряются как-то вырастать… как это говорят по-русски… чертополохи. А у нас при нашем воспитании ухитряются как-то вырастать те, кого вы

называете настоящими людьми. Конечно, мещан у вас гораздо меньше, чем у нас… Шах… Все равно я не знаю, куда вы намерены девать два миллиарда мещан капиталистического мира. У нас их перевоспитывать не собираются. Да, капитализм — труп. Но это опасный труп. А вы еще открыли границы. И пока открыты границы, мещанство во всех видах будет течь через эти границы. Как бы вам не захлебнуться в нем… Еще шах.

— Не советую, — сказал Бэла.

— А в чем дело?

— Я закроюсь на же-восемь, и у вас висит ферзь.

Инженер некоторое время размышлял.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Шаха не будет.

— Глупо было бы отрицать опасность мещанства, — сказал Бэла. — Кто-то из ваших деятелей правильно сказал, что идеология маленького хозяйчика представляет для коммунизма большую опасность, чем забытая теперь водородная бомба. Только адресовал он эту опасность неправильно. Не для коммунизма, а для всего человечества опасно мещанство. Потому что в ваших рассуждениях, Сэм, есть одна ошибка. Мещанин — это все-таки тоже человек, и ему всегда хочется большего. Но поскольку он в то же время и скотина,

это стремление к большему по необходимости принимает самые чудовищные формы. Например, жажда власти. Жажда поклонения. Жажда популярности. Когда двое таких вот сталкиваются, они рвут друг друга как собаки. А когда двое таких сговариваются, они рвут в клочья окружающих. И начинаются веселенькие штучки вроде фашизма, сегрегации, геноцида. И прежде всего поэтому мы ведем борьбу против мещанства. И скоро вы вынуждены будете начать такую войну просто для того, чтобы не задохнуться в собственном навозе. Помните поход учителей в Вашингтон в позапрошлом году?

— Помню, — сказал Ливингтон. — Только, по-моему, бороться с мещанством — это все равно, что резать воду ножом.

— Инженер, — насмешливо сказал Бэла, — это утверждение столь же голословно, как апокалипсис. Вы просто пессимист. Как это там?... «Преступники возвысятся над героями, мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить; ничто из того, что люди думают, не осуществится».

— Ну что ж, — сказал Ливингтон. — Были и такие времена. И я, конечно, пессимист. С чего мне это быть оптимистом? Да и вам тоже.

— Я не пессимист, — сказал Бэла. — Я просто

плохой работник. Но время нищих духом прошло, Сэм. Оно давно миновало, как сказано в том же апокалипсисе.

Дверь распахнулась, и на пороге остановился высокий человек с залысым лбом и бледным, слегка обрюзгшим лицом. Бэла застыл всматриваясь. Через секунду он узнал его. Ну вот и все, подумал он с тоской и облегчением. Вот и конец. Человек скользнул взглядом по инженеру и шагнул в комнату. Теперь он смотрел только на Бэлу.

— Я генеральный инспектор МУКСа, — сказал он. — Моя фамилия Юрковский.

Бэла встал. Инженер тоже почтительно встал. За Юрковским в комнату вошел громадный загорелый человек в мешковатом синем комбинезоне. Он скользнул взглядом по Бэле и стал смотреть на инженера.

— Прошу меня извинить, — сказал инженер и вышел. Дверь за ним закрылась. Пройдя несколько шагов по коридору, инженер остановился и задумчиво засвистел. Затем он достал сигарету и закурил. Так, подумал он. Идеологическая борьба на Бамберге входит в новую фазу. Надо срочно принять меры.

Размышляя, он пошел по коридору, все ускоряя

шаг. В лифт он уже почти вбежал. Поднявшись на самый верхний этаж, он направился в радиорубку. Дежурный радист посмотрел на него с удивлением.

— Что случилось, мистер Ливингтон? — спросил он.

Ливингтон провел ладонью по мокрому лбу.

— Я получил плохие вести из дому, — сказал он отрывисто. — Когда ближайший сеанс с Землей?

— Через полчаса, — сказал радист.

Ливингтон присел к столику, вырвал из блокнота лист бумаги и быстро написал радиограмму.

— Отправьте срочно, Майкл, — сказал он, протягивая листок радисту. — Это очень важно.

Радист взглянул на листок и удивленно свистнул.

— Зачем вам это понадобилось? — спросил он. — Кто же продает «Спэйс Перл» в конце года?

— Мне срочно нужны наличные, — сказал инженер и вышел.

Радист положил листок перед собой и задумался.

Юрковский сел и отодвинул локтем шахматную доску. Жилин сел в стороне.

— Осрамились, товарищ Барабаш, — сказал Юрковский негромко.

— Да, — сказал Бэла и глотнул.

— Откуда на Бамбергу попадает спирт, вы выяснили?

— Нет. Скорее всего спирт гонят прямо здесь.

— За последний год компания отправила на Бамбергу четыре транспорта с прессованной клетчаткой. Для каких работ на Бамберге нужно столько клетчатки?

— Не знаю, — сказал Бэла. — Не знаю таких работ.

— Я тоже не знаю. Из клетчатки гонят спирт, товарищ Барабаш. Это ясно даже и ежу.

Бэла молчал.

— Кто на Бамберге имеет оружие? — спросил Юрковский.

— Не знаю, — сказал Бэла. — Я не мог выяснить.

— Но оружие все-таки есть?

— Да.

— Кто санкционирует сверхурочные работы?

— Их никто не запрещает.

— Вы обращались к управляющему?

Бэла сжал руки.

— К этой сволочи я обращался двадцать раз. Он ни о чем не желает слушать. Он ничего не видит, не слышит и не понимает. Он очень сожалеет, что

у меня плохие источники информации. Знаете что, Владимир Сергеевич, либо вы меня отсюда снимайте к чертовой матери, либо дайте мне полномочие расстреливать гадов. Я ничего не могу сделать. Я вразумлял. Я просил. Я угрожал. Это стена. Для всех рабочих комиссар МУКСа красное пугало. Разговаривать со мной никто не желает. «I don't know nothing and it's not any damn buziness of yours»[8]. Плевать они хотели на международное трудовое законодательство. Я больше так не могу. Видели плакаты на стенах?

Юрковский задумчиво смотрел на него, вертя в пальцах белого ферзя.

— Здесь не на кого опереться, — продолжал Бэла. — Это либо бандиты, либо тихая дрянь, которая мечтает только о том, чтобы набить свой карман, и ей наплевать, сдохнет она после этого или нет. Ведь у них настоящие люди сюда не идут. Отбросы, неудачники. Люмпены. У меня руки трясутся по вечерам от всего этого. Я не могу спать. Позавчера меня пригласили подписать протокол о несчастном случае. Я отказался: совершенно ясно, что человеку вспороли скафандр автогеном. Тогда этот подлец, секретарь профсо-

---

[8] Примечания: 8

«Ничего я не знаю, и не ваше это проклятое дело».

юза, сказал, что будет на меня жаловаться. Месяц назад на Бамберге появляются и в то же утро исчезают три девицы. Я иду к управляющему, и этот стервец смеется мне в лицо: «У вас галлюцинация, мистер комиссар, вам пора вернуться к вашей жене, вам уже мерещатся девки». В конце концов в меня трижды стреляли. Да, да, я знаю, что ни один дурак не старался в меня попасть. Но мне от этого не легче. И подумать только, меня посадили сюда, чтобы охранять жизнь и здоровье этих обормотов! Да провались они все…

Бэла замолчал и хрустнул пальцами.

— Ну-ну, спокойно, Бэла, — сказал строго Юрковский.

— Разрешите мне уехать, — сказал Бэла. — Вот товарищ, — он указал на Жилина, — это, вероятно, новый комиссар…

— Это не новый комиссар, — сказал Юрковский. — Познакомьтесь, бортинженер «Тахмасиба» Жилин.

Жилин слегка поклонился.

— Какого «Тахмасиба»? — спросил Бэла.

— Это мой корабль, — сказал Юрковский. — Вот что мы сейчас сделаем. Мы пойдем к управляющему, и я скажу ему несколько слов. А потом мы поговорим с рабочими. — Он встал. — Ничего,

Бэла, не огорчайтесь. Не вы первый. У меня эта Бамберга тоже вот здесь сидит.

Бэла сказал озабоченно:

— Только нужно взять с собой несколько наших. Может случиться драка. Управляющий здесь подкармливает целую шайку гангстеров.

— Каких наших? — спросил Юрковский. — Вы же говорили, что ни на кого здесь положиться не можете.

— Так вы приехали один? — с ужасом спросил Бэла.

Юрковский пожал плечами.

— Ну, естественно, — сказал он. — Я же не управляющий.

— Ладно, — сказал Бэла.

Он отпер сейф и взял пистолет. Лицо у него было бледное и решительное. Первую пулю я всажу в этого слизняка, с острой радостью подумал он. Пусть в меня стреляет кто угодно, но первую пулю получит мистер Ричардсон. В жирную, гладкую, подлую свою рожу.

Юрковский внимательно посмотрел на него.

— Знаете что, Бэла, — сказал он проникновенно, — я бы на вашем месте пистолет оставил. Или отдайте его товарищу Жилину. Я боюсь, что вы не удержитесь.

— А вы думаете, он удержится?

— Удержусь, удержусь, — сказал Жилин, улыбаясь.

Бэла с сожалением отдал ему пистолет.

Юрковский открыл дверь и остановился. Перед ним вырос молодцеватый сержант Хиггинс в свежей парадной форме и в голубой каске. Хиггинс отчетливо взял под козырек.

— Сэр, — сказал он, — начальник полиции шахты Бамберги сержант Хиггинс прибыл в ваше распоряжение.

— Очень рад, сержант Хиггинс, следуйте за нами, — сказал Юрковский.

Они миновали короткий коридор и вышли на «бродвей». Еще не было шести часов, но «бродвей» был залит ярким светом и плотно забит рабочими. «Бродвей» гудел от встревоженных голосов. Юрковский шел неторопливо, любезно улыбаясь и внимательно вглядываясь в лица рабочих. Он хорошо видел эти лица в ровном свете дневных ламп — осунувшиеся, с нездоровой землистой кожей, с отеками под глазами, апатично равнодушные, сердитые, любопытные, злобные, ненавидящие. Рабочие расступались перед ним, давая дорогу, а за спиной Хиггинса снова смыкались и шли следом. Сержант Хиггинс

покрикивал:

— Дорогу генеральному инспектору! Не напирайте, ребята! Дайте дорогу генеральному инспектору!

Так они дошли до лифта и поднялись на этаж администрации. Здесь толпа была еще гуще. И здесь дорогу уже не уступали. Между усталыми лицами рабочих стали просовываться какие-то нагловатые веселые морды. Теперь сержант Хиггинс пошел впереди, расталкивая толпу голубой дубинкой.

— Посторонись, — говорил он негромко, — дай дорогу… Посторонись…

Затылок его между краем каски и воротником налился кровью и заблестел от пота. Шествие замыкал Жилин. Нагловатые морды протискивались в первые ряды, перекликаясь:

— Эй, ребята, а кто из них инспектор?

— Не разобрать, они все красные, как томатный сок…

— Они насквозь красные, внутри и снаружи…

— Не верю, хочу посмотреть…

— Посмотри, я тебе мешать не стану…

— Эй, сержант! Хиггинс! Ну, и в компанию же ты попал!

Жилину подставили ножку. Он не обернулся, но

стал смотреть под ноги. Увидев под собой очередной ботинок из мягкой замши, он старательно, всем весом наступил на него. Рядом взвыли. Жилин посмотрел в перекошенное, побелевшее лицо с усиками и сказал:

— Извините, пожалуйста, какой я неуклюжий!

У него были здоровенные, необычайно тяжелые башмаки с рубчатыми магнитными подковами.

Шум вокруг нарастал. Теперь уже кричали все.

— Кто их звал сюда?

— Эй, вы! Не суйтесь не в свое дело!

— Дайте нам работать, как мы хотим! Мы не лезем в ваши дела!

— Убирайтесь к себе домой и там распоряжайтесь!

Сержант Хиггинс, мокрый, как мышь, добрался, наконец, до дверей с треснувшей табличкой и распахнул ее перед Юрковским.

— Сюда, сэр, — тяжело дыша, сказал он.

Юрковский и Бэла вошли. Жилин перешагнул через комингс и оглянулся. Он увидел множество наглых морд и только за ними, в табачном дыму, хмурые ожесточенные лица рабочих. Хиггинс тоже перешагнул через комингс и закрыл дверь.

Кабинет управляющего шахтами мистера Ричардсона был обширен. Вдоль стен стояли

большие мягкие кресла и стеклянные витрины с образцами пород и с имитациями самых крупных «космических жемчужин», найденных на Бамберге. Из-за стола навстречу Юрковскому поднялся благообразный приятный человек в черном костюме.

— О, мистер Юрковский, — пророкотал он и, обогнув стол, пошел к Юрковскому, протягивая руки. — Я бесконечно рад…

— Не беспокойтесь, — сказал Юрковский, огибая стол, с другой стороны. — Руки я вам все равно не подам.

Управляющий остановился, приятно улыбаясь. Юрковский сел за стол и повернулся к Бэле.

— Это управляющий? — спросил он.

— Да! — с наслаждением сказал Бэла. — Это управляющий шахтами мистер Ричардсон.

Управляющий покачал головой.

— О, мистер Барабаш, — сказал он укоризненно, — неужели же вам я обязан такой неприветливостью мистера инспектора?

— Кем выдан патент на управление шахтой? — спросил Юрковский.

— Как это принято в западном мире, мистер Юрковский, советом директоров компании.

— Предъявите.

— Прошу вас, — весьма вежливо сказал управляющий. Он неторопливо пересек комнату, отпер большой сейф, вделанный в стену, достал большой бювар коричневой кожи и извлек из бювара лист плотной бумаги с золотым обрезом. — Прошу вас, — повторил он и положил лист перед Юрковским.

— Заприте сейф, — сказал Юрковский, — и передайте ключи сержанту.

Сержант Хиггинс с каменным лицом принял ключи. Юрковский просмотрел патент, сложил его вчетверо и сунул в карман. Мистер Ричардсон продолжал приятно улыбаться. Жилин подумал, что никогда в жизни он не видел человека столь обаятельной наружности. Юрковский положил локти на стол и задумчиво посмотрел на Ричардсона. Ричардсон пророкотал:

— Мне было бы очень приятно узнать, мистер Юрковский, что означают все эти странные действия.

— Вы обвиняетесь в ряде преступлений против международного законодательства, — небрежно сказал Юрковский. Мистер Ричардсон, необычайно удивившись, развел руками. — Вы обвиняетесь в нарушении правовых норм космического пространства. — Изумлению мистера Ричардсона не

было границ. — Вы обвиняетесь в убийстве — пока непреднамеренном — шестнадцати рабочих и трех женщин.

— Я? — оскорбленно вскричал мистер Ричардсон. — Я обвиняюсь в убийстве?

— В том числе и в убийстве, — сказал Юрковский. — Я снимаю вас с должности, в ближайшее время вы будете арестованы и отправлены на Землю, где предстанете перед международным трибуналом. А сейчас я вас не задерживаю.

— Я уступаю грубой силе, — с достоинством сказал мистер Ричардсон.

— И правильно делаете, — сказал Юрковский. — Явитесь сюда через час и сдадите дела своему преемнику.

Ричардсон круто повернулся, подошел к двери и распахнул ее.

— Друзья мои! — громко сказал он. — Эти люди меня арестовали! Им не нравятся ваши высокие заработки! Они хотят, чтобы вы работали по шесть часов и оставались нищими!

Юрковский с любопытством глядел на него. Хиггинс, расстегивая кобуру, попятился к столу. Ричардсона отнесло в сторону. В дверь ворвались ревущие молодчики, их сейчас же оттеснили, и кабинет быстро наполнился рабочими. Плотная

стена серых комбинезонов и злобных, угрюмых лиц остановилась перед столом. Юрковский осмотрелся и увидел, что Жилин стоит справа от него, засунув руки в карманы, а Бэла, изогнувшись, стиснув руками спинку стула, не отрываясь, смотрит на мистера Ричардсона. Лицо его было гораздо более свирепо, чем лица самых озлобленных рабочих. «Плохо придется управляющему», — мельком подумал Юрковский. Сержант Хиггинс с пистолетом в руке упирался дубинкой в грудь одного из рабочих и бормотал:

— Никаких незаконных действий, ребята, поспокойней, ребята, поспокойней…

Сквозь толпу протолкался облепленный пластырями Джошуа.

— Мы не хотим ни с кем ссориться, мистер инспектор, — прохрипел он, уставясь на Юрковского злобным глазом. — Но мы не допустим здесь этих ваших штучек.

— Каких штучек? — осведомился Юрковский.

— Мы прилетели сюда, чтобы заработать…

— А мы прилетели сюда, чтобы не дать вам сгнить заживо.

— А я говорю вам, что это не ваше дело! — заорал Джошуа. Он повернулся к толпе и спросил: — Верно, ребята?

— Уо-о-о! — заревела толпа, и в этот момент кто-то выстрелил.

За спиной Юрковского зазвенела, разлетаясь, витрина. Бэла застонал, с натугой поднял стул и обрушил его на голову мистера Ричардсона, который стоял в первом ряду, подняв глаза и молитвенно сложив руки. Жилин вынул руки из кармана и приготовился на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул. Юрковский встал и сердито сказал:

— Какой дурак там стреляет? Чуть не попал в меня. Сержант, что вы стоите, как стул? Отберите у болвана оружие!

Хиггинс послушно полез в толпу. Жилин снова сунул руки в карманы и присел на угол стола. Он посмотрел на Бэлу и засмеялся. Лицо Бэлы сияло блаженством. Он с наслаждением наблюдал за Ричардсоном. Двое молодчиков поднимали Ричардсона, злобно и растерянно поглядывая на Бэлу, на Юрковского и на рабочих. Глаза Ричардсона были закрыты, на высоком гладком лбу разливался темный кровоподтек.

— Кстати, — сказал Юрковский, — вообще сдайте все оружие, которое здесь есть. Это я вам говорю, дармоеды! С этого момента всякий, у кого будет обнаружено оружие, подлежит расстрелу

на месте. Я облекаю комиссара Барабаша соответствующими полномочиями.

Жилин неторопливо обошел стол, вынул пистолет и протянул его Барабашу. Барабаш, пристально уставившись на ближайшего гангстера, медленно оттянул затвор. В наступившей тишине затвор звонко щелкнул. Вокруг гангстера мгновенно образовалось пустое пространство. Тот побледнел, вынул из заднего кармана пистолет и бросил на пол. Бэла пинком отшвырнул оружие в угол и повернулся к молодчику, поддерживающему Ричардсона.

— Ты!

Молодчик отпустил Ричардсона и, криво улыбаясь, покачал головой.

— У меня нет, — сказал он.

— Ну, хорошо, — сказал Юрковский. — Сержант, помогите этим типам разоружиться. Вернемся к нашему разговору. Здесь нас прервали, — сказал он, обращаясь к Джошуа. — Вы, кажется, говорили, чтобы я не вмешивался в ваши дела, так?

— Так, — сказал Джошуа. — Мы свободные люди и сами пошли сюда, чтобы заработать. И нечего нам мешать. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте.

— Вопрос о том, кто кому мешает, мы пока оста-

вим, — сказал Юрковский. — А сейчас я хочу вам кое-что рассказать. — Он достал из кармана и бросил на стол несколько ослепительно сверкающих разноцветных камешков. — Вот так называемый космический жемчуг, — сказал он. — Вы все его хорошо знаете. Это обыкновенные драгоценные и полудрагоценные камни, которые здесь, на Бамберге, в течение очень долгого времени подвергались воздействию космического излучения и низких температур. Никаких особенных достоинств, если не считать очень красивого блеска, за ними не числится. Богатые дамочки платят за них бешеные деньги, и на этой махровой глупости выросла ваша компания. Пользуясь спросом на эти камни, компания получает большие деньги.

— И мы тоже, — крикнули из толпы.

— И вы тоже, — согласился Юрковский. — Но вот в чем дело. За восемь лет существования компании на Бамберге отработали по трехгодичному контракту около двух тысяч человек. А знаете ли вы, сколько из тех, кто вернулся, осталось в живых? Меньше пятисот. Средний срок жизни рабочего после возвращения не превышает двух лет. Вы три года надрываете пуп тут, на Бамберге, только для того, чтобы потом два года гнить заживо на Земле. Это происходит прежде всего

потому, что на Бамберге никогда не соблюдается постановление международной комиссии, запрещающее работать в ваших шахтах более шести часов в сутки. На Земле вы только лечитесь, страдаете оттого, что у вас нет детей, или рождаете уродов. Это преступление компании, но не о компании сейчас идет речь.

— Подождите, — сказал Джошуа и поднял руку. — Дайте и мне сказать. Все это мы уже слышали. Нам об этом прожужжал уши мистер комиссар. Не знаю, как другим, а мне нет дела до тех, кто помер. Я человек здоровый и помирать не собираюсь.

— Верно, — загудели в толпе. — Пусть сопляки помирают.

— Дети там, не дети — это мое дело. И лечиться тоже не вам, а мне. Слава богу, я давно уже совершеннолетний и отвечаю за свои поступки. Я не хочу слышать никаких речей. Вот вы отобрали оружие у гангстеров, я говорю: правильно. Найдите спиртогонов, закройте салун. Точно? — Он повернулся к толпе. В толпе неопределенно заговорили. — Что вы там бормочете? Я правильно говорю. Где это видано — за выпивку два доллара? Взяточников кое-каких к рукам приберите. Это тоже будет правильно. А в работу мою не вме-

шивайтесь. Я прилетел сюда, чтобы заработать, и я заработаю. Решил я открыть свое дело — и открою. А речи ваши мне ни к чему. За слова дом не купишь…

— Правильно, Джо! — закричали в толпе.

— А вот и неправильно, — сказал Юрковский. Он вдруг налился кровью и заорал: — Вы что же, думаете, вам так и дадут сдохнуть? Это вам, голубчики, не девятнадцатый век! Ваше дело, ваше дело, — он снова заговорил нормальным голосом. — Вас здесь, дураков, от силы четыреста человек. А нас — четыре миллиарда. И мы не хотим, чтобы вы умирали. И вы не умрете. Ладно, я не буду с вами говорить о вашей нищете духовной. Вам, как я вижу, этого не понять. Это только ваши дети поймут, если они у вас еще будут. Я буду говорить с вами на языке, который вам понятен. На языке закона. Человечество приняло закон, по которому запрещается загонять себя в гроб. Закон, понимаете вы? Закон! Отвечать по этому закону будет компания, а вы запомните вот что. Человечеству ваши шахты не нужны. Копи на Бамберге могут быть закрыты в любой момент, и все только вздохнут с облегчением. И имейте в виду: если комиссар МУКСа доложит хотя бы еще об одном случае каких-либо безоб-

разий, все равно каких — сверхурочные, взятки, спирт, стрельба, — копи будут закрыты, а Бамберга будет смешана с космической пылью. Это закон, и я говорю вам это именем человечества.

Юрковский сел.

— Плакали наши денежки, — громко сказал кто-то.

Толпа зашумела. Кто-то крикнул:

— Значит, копи закрыть, а нас на улицу?

Юрковский встал.

— Не говорите чепуху, — сказал он. — Что у вас за дурацкое представление о жизни? Столько работы на Земле и в космосе! Настоящей, действительно необходимой, всем нужной, понимаете? Не горстке сытых дамочек, а всем! У меня, кстати, есть к вам предложение от МУКСа — желающие могут в течение месяца рассчитаться с компанией и перейти на строительные и технические работы на других астероидах и спутниках больших планет. Вот если бы вы все здесь дружно проголосовали закрыть эти вонючие копи, я бы сделал это сегодня же. А работы вам всегда будет выше головы.

— А сколько платят? — заорал кто-то.

— Платят, конечно, раз в пять меньше, — ответил Юрковский. — Зато работа у вас будет на

всю жизнь, и хорошие друзья, настоящие люди, которые из вас тоже сделают настоящих людей! И здоровыми останетесь и будете участниками самого большого дела в мире.

— Какой интерес работать в чужом деле? — сказал Джошуа.

— Да, это нам не подходит, — заговорили в толпе.

— Разве это бизнес?

— Всякий будет тебя учить, что можно, что нельзя…

— Так всю жизнь и промыкаешься в рабочих…

— Бизнесмены! — с невыразимым презрением сказал Юрковский. — Ну, пора кончать. Имейте в виду, этого господина, — он указал на мистера Ричардсона, — этого господина я арестовал, его будут судить. Выберите сейчас сами временного управляющего и сообщите мне. Я буду у комиссара Барабаша.

Джошуа мрачно сказал Юрковскому:

— Неправильный это закон, мистер инспектор. Разве можно не давать рабочим заработать? А вы, коммунисты, еще хвастаетесь, что вы за рабочих.

— Мой друг, — мягко сказал Юрковский, — коммунисты совсем за других рабочих. За рабочих, а

не за хозяйчиков.

В комнате у Барабаша Юрковский вдруг хлопнул себя по лбу.

— Растяпа, — сказал он. — Я забыл камни на столе у управляющего.

Бэла засмеялся.

— Ну, теперь вы их больше не увидите, — сказал он. — Кто-то станет хозяйчиком.

— Черт с ними, — сказал Юрковский. — А нервы у вас… э-э… Бэла, действительно… неважные.

Жилин захохотал.

— Как он его стулом!…

— А верно, гадкая рожа? — спросил Бэла.

— Нет, почему же, — сказал Жилин. — Очень культурный и обходительный человек.

Юрковский брезгливо заметил:

— Вежливый наглец. А какие здесь помещения, товарищи, а? Какой дворец отгрохали, а смерть-планетчики живут в лифте! Нет, я этим займусь, я этого так не оставлю.

— Хотите обедать? — спросил Бэла.

— Нет, обедать пойдем на «Тахмасиб». Сейчас кончится вся эта канитель…

— Боже мой, — мечтательно сказал Бэла. — Посидеть за столом с нормальными хорошими людьми, не слышать ни о долларах, ни об акциях,

ни о том, что все люди скоты… Владимир Сергеевич, — умоляюще сказал он, — прислали бы вы мне сюда хоть кого-нибудь.

— Потерпите еще немного, Бэла, — сказал Юрковский. — Эта лавочка скоро закроется.

— Кстати о акциях, — сказал Жилин. — Вот, наверное, сейчас в радиорубке бедлам…

— Наверняка, — сказал Бэла. — Продают и покупают очередь к радисту. Глаза на лоб, морды в мыле… Ой, когда же я отсюда выберусь!…

— Ладно, ладно, — сказал Юрковский. — Давайте, я посмотрю все протоколы. — Бэла пошел к сейфу. — Кстати, Бэла, получится здесь из кого-нибудь хоть более или менее порядочный управляющий?

Бэла копался в сейфе.

— Почему же, — сказал он. — Получится, конечно. Инженеры здесь — люди в общем неплохие. Хозяйчики.

В дверь постучали. Вошел угрюмый, облепленный пластырями Джошуа.

— Пойдемте, мистер инспектор, — сказал он хмуро. Юрковский, кряхтя, поднялся.

— Пойдемте, — сказал он.

Джошуа протянул ему раскрытую ладонь.

— Вы камни там забыли, — хмуро сказал он. —

Я собрал. А то у нас тут народ разный.

10. «ТАХМАСИБ». ГИГАНТСКАЯ ФЛЮКТУАЦИЯ

ыл час обычных предобеденных занятий. Юра изнывал над «Курсом теории металлов». Взъерошенный невыспавшийся Юрковский вяло перелистывал очередной отчет. Время от времени он сладострастно зевал, деликатно прикрывая рот ладонью. Быков сидел в своем кресле и дочитывал последние журналы. Был двадцать четвертый день пути, где-то между орбитой Юпитера и Сатурном.

«Изменение кристаллической решетки кадмиевого типа в зависимости от температуры в

области малых температур определяется, как мы видели, соотношением...» — читал Юра. Он подумал: «Интересно, что случится, когда у Алексея Петровича кончатся последние журналы?» Он вспомнил рассказ Колдуэлла, как парень в жаркий полдень соструги вал ножом маленькую палочку и как все ждали, что будет, когда палочка кончится. Он прыснул, и в тот же момент Юрковский резко повернулся к Быкову.

— Если бы ты знал, до чего мне все это надоело, Алексей, — сказал он, — до чего мне хочется размяться...

— Возьми у Жилина гантели, — посоветовал Быков.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — сказал Юрковский.

— Догадываюсь, — проворчал Быков. — Давно уже догадываюсь.

— И что ты по этому поводу... э-э... думаешь?

— Неугомонный старик, — сказал Быков и закрыл журнал. — Тебе уже не двадцать пять лет. Что ты все время лезешь на рожон?

Юра с удовольствием стал слушать.

— Почему... э-э... на рожон? — удивился Юрковский. — Это будет небольшой, абсолютно безопасный поиск...

— А может быть, хватит? — сказал Быков. — Сначала абсолютно безопасный поиск в пещеру к пиявкам, потом безопасный поиск к смерть-планетчикам — кстати, как твоя печень? — наконец совершенно фанфаронский налет на Бамбергу.

— Позволь, но это был мой долг, — сказал Юрковский.

— Твой долг был вызвать управляющего на «Тахмасиб», мы вот здесь сообща намылили бы ему шею, пригрозили бы сжечь шахту реактором, попросили бы рабочих выдать нам гангстеров и самогонщиков — и все обошлось бы безо всякой дурацкой стрельбы. Что у тебя за манера из всех вариантов выбирать наиболее опасный?

— Что значит — опасный? — сказал Юрковский. — Опасность понятие субъективное. Тебе это представляется опасным, а мне — нисколько.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Быков. — Поиск в Кольце Сатурна представляется мне опасным. И поэтому я не разрешу тебе этот поиск производить.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал Юрковский. — Мы еще об этом поговорим, — он раздраженно перевернул несколько листов отчета и снова повернулся к Быкову. — Иногда ты меня просто удивляешь, Алексей! — заявил он. — Если бы мне

попался человек, который назвал бы тебя трусом, я бы размазал наглеца по стенам, но иногда я гляжу на тебя, и… — он затряс головой и перевернул еще несколько страниц отчета.

— Есть храбрость дурацкая, — наставительно сказал Быков, — и есть храбрость разумная!

— Разумная храбрость — это катахреза[9]! «Спокойствие горного ручья, прохлада летнего солнца», — как говорит Киплинг. Безумству храбрых поем мы песню!…

— Попели, и хватит, — сказал Быков. — В наше время надо работать, а не петь. Я не знаю, что такое катахреза, но разумная храбрость — это единственный вид храбрости, приемлемый в наше время. Безо всяких там этих… покойников. Кому нужен покойник Юрковский?

— Какой утилитаризм! — воскликнул Юрковский. — Я не хочу сказать, что прав только я! Но не забывай же, что существуют люди разных темпераментов. Вот мне, например, опасные ситуации просто доставляют удовольствие. Мне скучно жить просто так! И слава богу, я не один такой…

— Знаешь что, Володя, — сказал Быков. — В

---

[9] Примечания: 9

Катахреза — соединение несовместимых понятий.

следующий раз возьми себе капитаном Баграта — если он к тому времени еще будет жив — и летай с ним хоть на солнце. А я потакать твоим удовольствиям не намерен.

Оба сердито замолчали. Юра снова принялся читать: «Изменение кристаллической решетки кадмиевого типа в зависимости от температуры…» Неужели Быков прав, подумал он. Вот скука-то, если он прав. Верно говорят, что самое разумное — самое скучное…

Из рубки вышел Жилин с листком в руке. Он подошел к Быкову и сказал негромко:

— Вот, Алексей Петрович, это Михаил Антонович передает…

— Что это? — спросил Быков.

— Программа на киберштурман для рейса от Япета.

— Хорошо, оставь, я погляжу, — сказал Быков.

«Вот уже программа рейса от Япета, — подумал Юра. — Они полетят еще куда-то, а меня уже здесь не будет». Он грустно посмотрел на Жилина. Жилин был в той самой клетчатой рубахе с закатанными рукавами.

Юрковский неожиданно сказал:

— Ты вот что пойми, Алексей. Я уже стар. Через год, через два я навсегда уже останусь на Земле,

как Дауге, как Миша… И, может быть, нынешний рейс — моя последняя возможность. Почему ты не хочешь пустить меня?…

Жилин на цыпочках пересек кают-компанию и сел на диван.

— Я не хочу пускать тебя не столько потому, что это опасно, — медленно сказал Быков, — сколько из-за того, что это бессмысленно опасно. Ну, что, Владимир, за бредовая идея — искусственное происхождение колец Сатурна. Это же старческий маразм, честное слово…

— Ты всегда был лишен воображения, Алексей, — сухо сказал Юрковский. — Космогония колец Сатурна не ясна, и я считаю, что моя гипотеза имеет не меньше прав на существование, чем любая другая, более, так сказать, рациональная. Я уже не говорю о том, что всякая гипотеза несет не только научную нагрузку. Гипотеза должна иметь и моральное значение — она должна будить воображение и заставлять людей думать…

— При чем здесь воображение? — сказал Быков. — Это же чистый расчет. Вероятность прибытия пришельцев именно в солнечную систему мала. Вероятность того, что им взбредет в голову разрушать спутники и строить из них кольцо, я думаю, еще меньше…

— Что мы знаем о вероятностях? — провозгласил Юрковский.

— Ну, хорошо, допустим, ты прав, — сказал Быков. — Допустим, что действительно в незапамятные времена в солнечную систему прибыли пришельцы и зачем-то устроили искусственное кольцо около Сатурна. Отметились, так сказать. Но неужели ты рассчитываешь найти подтверждение своей гипотезе в этом первом и единственном поиске в кольце?

— Что мы знаем о вероятностях? — повторил Юрковский.

— Я знаю одно, — сердито сказал Быков, — что у тебя нет совершенно никаких шансов, и вся эта затея безумна.

Они снова замолчали, и Юрковский взялся за отчет. У него было очень грустное и очень старое лицо. Юре стало его невыносимо жалко, но он не знал, как помочь. Он посмотрел на Жилина. Жилин сосредоточенно думал. Юра посмотрел на Быкова. Быков делал вид, что читает журнал. По всему было видно, что ему тоже очень жалко Юрковского.

Жилин вдруг сказал:

— Алексей Петрович, а почему вы считаете, что если шансы малы, то и надеяться не на что?

Быков опустил журнал.

— А ты думаешь иначе?

— Мир велик, — сказал Жилин. — Мне очень понравились слова Владимира Сергеевича: «Что мы знаем о вероятностях?»

— Ну, и чего же мы не знаем о вероятностях? — спросил Быков.

Юрковский, не поднимая глаз от отчета, насторожился.

— Я вспомнил одного человека, — сказал Жилин. — У него была очень любопытная судьба… — Жилин в нерешительности остановился. — Может, я мешаю вам, Владимир Сергеевич?

— Рассказывай, — потребовал Юрковский и решительно захлопнул отчет.

— Это займет некоторое время, — предупредил Жилин.

— Тем лучше, — сказал Юрковский. — Рассказывай.

И Жилин начал рассказывать.

РАССКАЗ О ГИГАНТСКОЙ ФЛЮКТУАЦИИ

Я был тогда еще совсем мальчишкой и многого тогда не понял и многое забыл, может быть самое интересное. Была ночь, и лица этого человека я так и не разглядел. А голос у него был самый

обыкновенный, немножко печальный и сиплый, и он изредка покашливал, словно от смущения. Словом, если я увижу его еще раз где-нибудь на улице или, скажем, в гостях, я его скорее всего не узнаю.

Встретились мы на пляже. Я только что искупался и сидел на камне. Потом я услышал, как позади посыпалась галька — это он спускался с насыпи, — запахло табачным дымом, и он остановился рядом со мной. Как я уже сказал, дело было ночью. Небо было покрыто облаками, и на море начинался шторм. Вдоль пляжа дул сильный теплый ветер. Незнакомец курил. Ветер высекал у него из папиросы длинные оранжевые искры, которые неслись и пропадали над пустынным пляжем. Это было очень красиво, и я это хорошо помню. Мне было всего шестнадцать лет, и я даже не думал, что он заговорит со мной. Но он заговорил. Начал он очень странно.

— Мир полон удивительных вещей, — сказал он.

Я решил, что он просто размышляет вслух, и промолчал. Я обернулся и посмотрел на него, но ничего не увидел, было слишком темно. А он повторил:

— Мир полон удивительных вещей, — и затем

затянулся, осыпав меня дождем искр.

Я снова промолчал: я был тогда стеснительный. Он докурил папиросу, закурил новую и присел на камни рядом со мной. Время от времени он принимался что-то бормотать, но шум воды скрадывал слова, и я слышал только неразборчивое ворчанье. Наконец он заявил громко:

— Нет, это уже слишком. Я должен это кому-нибудь рассказать.

И он обратился прямо ко мне, впервые с момента своего появления:

— Не откажитесь выслушать меня, пожалуйста.

Я, конечно, не отказался. Он сказал:

— Только я вынужден буду начать издалека, потому что, если я сразу расскажу вам, в чем дело, вы не поймете и не поверите. А мне очень важно, чтобы мне поверили. Мне никто не верит, а теперь это зашло так далеко…

Он помолчал и сообщил:

— Это началось еще в детстве. Я начал учиться играть на скрипке и разбил четыре стакана и блюдце.

— Как это так? — спросил я. Я сразу вспомнил какой-то анекдот, где одна дама говорит другой: «Вы представляете, вчера дворник бросал

нам дрова и разбил люстру». Есть такой старый анекдот.

Незнакомец этак грустно рассмеялся и сказал:

— Вот представьте себе. В течение первого же месяца обучения. Уже тогда мой преподаватель сказал, что он в жизни не видел ничего подобного.

Я промолчал, но тоже подумал, что это должно было выглядеть довольно странно. Я представил себе, как он размахивает смычком и время от времени попадает в буфет. Это действительно могло завести его довольно далеко.

— Это известный физический закон, — пояснил он неожиданно. Явление резонанса. — И он, не переводя дыхания, изложил мне соответствующий анекдот из школьной физики, как через мост шла в ногу колонна солдат и мост рухнул. Потом он объяснил мне, что стаканы и блюдца тоже можно дробить резонансом, если подобрать звуковые колебания соответствующих частот. Должен сказать, что именно с тех пор я начал отчетливо понимать, что звук — это тоже колебания.

Незнакомец объяснил мне, что резонанс в обыденной жизни (в домашнем хозяйстве, как он выражался) вещь необычайно редкая, и очень восхищался тем, что какой-то древний правовой

кодекс учитывает такую ничтожную возможность и предусматривает наказание владельцу того петуха, который своим криком расколет кувшин у соседа.

Я согласился, что это действительно, должно быть, редкое явление. Я лично никогда ни о чем таком не слыхал.

— Очень, очень редкое, — сказал он. — А я вот своей скрипкой разбил за месяц четыре стакана и блюдце. Но это было только начало.

Он закурил очередную папиросу и сообщил:

— Очень скоро мои родители и знакомые отметили, что я нарушаю закон бутерброда.

Тут я решил не ударить в грязь лицом и сказал:

— Странная фамилия.

— Какая фамилия? — спросил он. — Ах, закон? Нет, это не фамилия. Это… как бы вам сказать… нечто шутливое. Знаете, есть целая группа поговорок: чего боялся, на то и нарвался… бутерброд всегда падает маслом вниз… В том смысле, что плохое случается чаще, чем хорошее. Или в наукообразной форме: вероятность желательного события всегда меньше половины.

— Половины чего? — спросил я и тут же понял, что сморозил глупость. Он очень удивился моему

вопросу.

— Разве вы незнакомы с теорией вероятностей? — спросил он.

Я ответил, что мы этого еще не проходили.

— Так тогда вы ничего не поймете, — сказал он разочарованно.

— А вы объясните, — сердито сказал я, и он покорно принялся объяснять. Он объявил, что вероятность — это количественная характеристика возможности наступления того или иного события.

— А причем здесь бутерброды? — спросил я.

— Бутерброд может упасть или маслом вниз, или маслом вверх, — сказал он. — Так вот, вообще говоря, если вы будете бросать бутерброд наудачу, случайным образом, то он будет падать то так, то эдак. В половине случаев он упадет маслом вверх, в половине — маслом вниз. Понятно?

— Понятно, — сказал я. Почему-то я вспомнил, что еще не ужинал.

— В таких случаях говорят, что вероятность желаемого исхода равна половине — одной второй.

Дальше он рассказал, что если бросать бутерброд, например, сто раз, то он может упасть маслом вверх не пятьдесят раз, а пятьдесят пять или двадцать и что только если бросать его долго

и много, масло вверху окажется приблизительно в половине всех случаев. Я представил себе этот несчастный бутерброд с маслом (и, может быть, даже с икрой) после того, как его бросали тысячу раз на пол, пусть даже на не очень грязный, и спросил, неужели действительно были люди, которые этим занимались. Он стал рассказывать, что для этих целей пользовались в основном не бутербродами, а монетой, как в игре в орлянку, и начал объяснять, как это делалось, забираясь во все более глухие дебри, и скоро я совсем перестал его понимать, и сидел, глядя в хмурое небо, и думал, что, вероятно, пойдет дождь. Из этой первой лекции по теории вероятностей я запомнил только полузнакомый термин «математическое ожидание». Незнакомец употреблял этот термин неоднократно, и каждый раз я представлял себе большое помещение, вроде зала ожидания, с кафельным полом, где сидят люди с портфелями и бюварами и, подбрасывая время от времени к потолку монетки и бутерброды, чего-то сосредоточенно ожидают. До сих пор я часто вижу это во сне. Но тут незнакомец оглушил меня звонким термином «предельная теорема Муавра-Лапласа» и сказал, что все это к делу не относится.

— Я, знаете ли, совсем не об этом хотел вам

рассказать, — проговорил он голосом, лишенным прежней живости.

— Простите, вы, вероятно, математик? — спросил я.

— Нет, — ответил он уныло. — Какой я математик? Я флюктуация.

Из вежливости я промолчал.

— Да, так я вам, кажется, еще не рассказал своей истории, — вспомнил он.

— Вы говорили о бутербродах, — сказал я.

— Это, знаете ли, первым заметил мой дядя, — продолжал он. Я был, знаете ли, рассеян и часто ронял бутерброды. И бутерброды у меня всегда падали маслом вверх.

— Ну, и хорошо, — сказал я.

Он горестно вздохнул.

— Это хорошо, когда изредка… А вот когда всегда! Вы понимаете — всегда!

Я ничего не понимал и сказал ему об этом.

— Мой дядя немного знал математику и увлекался теорией вероятностей. Он посоветовал мне попробовать бросить монетку. Мы ее бросали вместе. Я сразу тогда даже не понял, что я конченый человек, а мой дядя это понял. Он так и сказал мне тогда: «Ты конченый человек!»

Я по— прежнему ничего не понимал.

— В первый раз я бросил монетку сто раз, и дядя сто раз. У него орел выпал пятьдесят три раза, а у меня девяносто восемь. У дяди, знаете ли, глаза на лоб вылезли. И у меня тоже. Потом я бросил монетку еще двести раз, и представьте себе, орел у меня выпал сто девяносто шесть раз. Мне уже тогда следовало понять, чем такие вещи должны кончиться. Мне надо было понять, что когда-нибудь наступит и сегодняшний вечер! — Тут он, кажется, всхлипнул. — Но тогда я, знаете ли, был слишком молод, моложе вас. Мне все это представлялось очень интересным. Мне казалось очень забавным чувствовать себя средоточием всех чудес на свете.

— Чем? — изумился я.

— Э-э-э… средоточием чудес. Я не могу другого слова подобрать, хотя и пытался.

Он немножко успокоился и принялся рассказывать все по порядку, беспрерывно куря и покашливая. Рассказывал он подробно, старательно описывая все детали и неизменно подводя научную базу под все излагаемые события. Он поразил меня если не глубиной, то разносторонностью своих знаний. Он осыпал меня терминами из физики, математики, термодинамики и кинетической теории газов, так

что потом, уже став взрослым, я часто удивлялся, почему тот или иной термин кажется мне таким знакомым. Зачастую он пускался в философские рассуждения, а иногда казался просто несамокритичным. Так, он неоднократно величал себя «феноменом», «чудом природы» и «гигантской флюктуацией». Тогда я понял, что это не профессия. Он мне заявил, что чудес не бывает, а бывают только весьма маловероятные события.

— В природе, — наставительно говорил он, — наиболее вероятные события осуществляются наиболее часто, а наименее вероятные осуществляются гораздо реже.

Он имел в виду закон неубывания энтропии, но тогда для меня все это звучало веско. Потом он попытался мне объяснить понятия наивероятнейшего состояния и флюктуации. Мое воображение потряс тогда этот известный пример с воздухом, который весь собрался в одной половине комнаты.

— В этом случае, — говорил он, — все, кто сидел в другой половине, задохнулись бы, а остальные сочли бы происшедшее чудом. А это отнюдь не чудо, это вполне реальный, но необычайно маловероятный факт. Это была бы гигантская флюктуация, ничтожно вероятное отклонение от

наиболее вероятного состояния.

По его словам, он и был таким отклонением от наиболее вероятного состояния. Его окружали чудеса. Увидеть, например, двенадцатикратную радугу было для него пустяком — он видел их шесть или семь раз.

— Я побью любого синоптика-любителя, — удрученно хвастался он. — Я видел полярные сияния в Алма-Ате, Брокенское видение на Кавказе и двадцать раз наблюдал знаменитый зеленый луч, или «меч голода», как его называют. Я приехал в Батуми, и там началась засуха. Тогда я отправился путешествовать в Гоби, и трижды попал там под тропический ливень.

За время обучения в школе и в вузе он сдал множество экзаменов и каждый раз вытаскивал билет номер пять. Однажды он сдавал спецкурс, и было точно известно, что будет всего четыре билета — по числу сдающих, — и он все-таки вытащил билет номер пять, потому что за час до экзамена преподаватель вдруг решил добавить еще один билет. Бутерброды продолжали у него падать маслом вверх. («На это я, по-видимому, обречен до конца жизни, — сказал он. — Это всегда будет мне напоминать, что я не какой-нибудь обыкновенный человек, а гигантская флюкту-

ация»). Дважды ему случалось присутствовать при образовании больших воздушных линз («это макроскопические флюктуации плотности воздуха», — непонятно объяснил он), и оба раза эти линзы зажигали спичку у него в руках.

Все чудеса, с которыми он сталкивался, он делил на три группы. На приятные, неприятные и нейтральные. Бутерброды маслом вверх, например, относились к первой группе. Неизменный насморк, регулярно и независимо от погоды начинающийся и кончающийся первого числа каждого месяца, относился ко второй группе. К третьей группе относились разнообразные редчайшие явления природы, которые имели честь происходить в его присутствии. Однажды в его присутствии произошло нарушение второго закона термодинамики; вода в сосуде с цветами неожиданно принялась отнимать тепло от окружающего воздуха и довела себя до кипения, а в комнате выпал иней. («После этого я ходил как пришибленный и до сих пор, знаете ли, пробую воду пальцем, прежде чем ее, скажем, пить...») Неоднократно к нему в палатку — он много путешествовал — залетали шаровые молнии и часами висели под потолком. В конце концов он привык к этому и использовал шаровые молнии

как электрические лампочки: читал.

— Вы знаете, что такое метеорит? — спросил он неожиданно. Молодость склонна к плоским шуткам, и я ответил, что метеориты — это падающие звезды, которые не имеют ничего общего со звездами, которые не падают.

— Метеориты иногда попадают в дома, — задумчиво сказал он. — Но это очень редкое событие. И зарегистрирован только один, знаете ли, случай, когда метеорит попал в человека. Единственный, знаете ли, в своем роде случай…

— Ну, и что? — спросил я.

Он наклонился ко мне и прошептал:

— Так этот человек — я!

— Вы шутите, — сказал я, вздрогнув.

— Нисколько, — грустно сказал он.

Оказалось, что все это произошло на Урале. Он шел пешком через горы, остановился на минутку, чтобы завязать шнурок на ботинке. Раздался резкий шелестящий свист, и он ощутил толчок в заднюю, знаете ли, часть тела и боль от ожога.

— На штанах была вот такая дыра, — рассказывал он. — Кровь текла, знаете ли, но не сильно. Жалко, что сейчас темно, я бы показал вам шрам.

Он подобрал там несколько подозрительных

камешков и хранил их в своем столе — может быть, один из них и есть тот метеорит.

Случались с ним и вещи, совершенно необъяснимые с научной точки зрения. По крайней мере пока, при нынешнем уровне науки. Так, однажды ни с того ни с сего он стал источником мощного магнитного поля. Выразилось это в том, что все предметы из ферромагнетиков, находившиеся в комнате, сорвались с места и по силовым линиям ринулись на него. Стальное перо вонзилось ему в щеку, что-то больно ударило по голове и по спине. Он закрылся руками, дрожа от ужаса, с ног до головы облепленный ножами, вилками, ложками, ножницами, и вдруг все кончилось. Явление длилось не больше десяти секунд, и он совершенно не знал, как его можно объяснить.

В другой раз, получив письмо от приятеля, он после первой же строчки, к изумлению своему, обнаружил, что совершенно такое же письмо получал уже несколько лет назад. Он вспомнил даже, что на оборотной стороне, рядом с подписью, должна быть большая клякса. Перевернув письмо, он действительно увидел кляксу.

— Все эти вещи не повторялись больше, — печально сообщил он. — Я считал их самыми замечательными в своей коллекции. Но только,

знаете ли, до сегодняшнего вечера.

Он вообще очень часто прерывал свою речь, для того чтобы заявить: «Все это, знаете ли, было бы очень хорошо, но вот сегодня… Это уже слишком, уверяю вас».

— А вам не кажется, — спросил я, — что вы представляете интерес для науки?

— Я думал об этом, — сказал он. — Я писал. Я, знаете ли, предлагал. Мне никто не верит. Даже родные не верят. Только дядя верил, но теперь он умер. Все считают меня оригиналом и неумным шутником. Я просто не представляю себе, что они будут думать после сегодняшнего события. — Он вздохнул и бросил окурок. — Да, может быть, это и к лучшему, что мне не верят. Предположим, что мне бы кто-нибудь поверил. Создали бы комиссию, она бы за мной везде ходила и ждала чудес. А я человек от природы нелюдимый, а тут еще от всего этого характер у меня испортился совершенно. Иногда не сплю по ночам — боюсь.

Насчет комиссии я был с ним не согласен. Ведь и в самом деле, он не мог вызывать чудеса по своему желанию. Он был только средоточием чудес, точкой пространства, как он говорил, где происходят маловероятные события. Без комиссии и наблюдения не обошлось бы.

— Я писал одному известному ученому, — продолжал он. — В основном, правда, о метеорите и о воде в вазе. Но он, знаете ли, отнесся к этому юмористически. Он ответил, что метеорит упал вовсе не на меня, а на одного, кажется японского, шофера. И он очень язвительно посоветовал мне обратиться к врачу. Меня очень заинтересовал этот шофер. Я подумал, что он, может быть, тоже гигантская флюктуация — вы сами понимаете, это возможно. Но оказалось, что он умер много лет назад. Да, знаете ли… — Он задумался. — А к врачу я все-таки пошел. Оказалось, что я с точки зрения медицины ничего особенного собой не представляю. Но он нашел у меня некоторое расстройство нервной системы и послал сюда, на курорт. И я поехал. Откуда я мог знать, что здесь произойдет?

Он вдруг схватил меня за плечо и прошептал:

— Час назад у меня улетела знакомая!

Я не понял.

— Мы прогуливались там, наверху, по парку. В конце концов я же человек, и у меня были самые серьезные намерения. Мы познакомились в столовой, пошли прогуляться в парк, и она улетела.

— Куда? — закричал я.

— Не знаю. Мы шли, вдруг она вскрикнула,

ойкнула, оторвалась от земли и поднялась в воздух. Я опомниться не успел, только схватил ее за ногу, и вот…

Он ткнул мне в руку какой-то твердый предмет. Это была босоножка, обыкновенная светлая босоножка среднего размера.

— Вы понимаете, это совершенно невозможно, — бормотал феномен. — Хаотическое движение молекул газа, броуновское движение частиц живого коллоида стало упорядоченным, ее оторвало от земли и унесло совершенно не представляю куда. Очень, очень маловероятное… Вы мне теперь только скажите, должен я считать себя убийцей?

Я был потрясен и молчал. В первый раз мне пришло в голову, что он, наверное, все выдумал. А он сказал с тоской:

— И дело, знаете ли, даже не в этом. В конце концов она, может быть, зацепилась где-нибудь за дерево. Ведь я не стал искать, потому что побоялся, что не найду. Но вот, знаете ли… Раньше все эти чудеса касались только меня. Я не очень любил флюктуации, но флюктуации, знаете ли, очень любили меня. А теперь? Если этакие штуки начнут происходить и с моими знакомыми?… Сегодня улетает девушка, завтра проваливается

сквозь землю сотрудник, послезавтра… Да вот, например, вы. Ведь вы сейчас ни от чего не застрахованы.

Это я уже понял сам, и мне стало удивительно интересно и жутко. Вот здорово, подумал я. Скорее бы! Мне вдруг показалось, что я взлетаю, и я вцепился руками в камень под собой. Незнакомец вдруг встал.

— Вы знаете, я лучше пойду, — сказал он жалобно. — Не люблю я бессмысленных жертв. Вы сидите, а я пойду. Как это мне раньше в голову не пришло!

Он торопливо пошел вдоль берега, оступаясь на камнях, а потом вдруг крикнул издали:

— Вы уж извините меня, если с вами что случится! Ведь это от меня не зависит!

Он уходил все дальше и дальше и скоро превратился в маленькую черную фигурку на фоне чуть фосфоресцирующих волн. Мне показалось, что он размахнулся и бросил в волны что-то белое. Наверное, это была босоножка. Вот так мы с ним и расстались.

К сожалению, я не мог бы узнать его в толпе. Разве что случилось бы какое-нибудь чудо. Я никогда и ничего больше не слыхал о нем, и, по-моему, ничего особенного в то лето на морском

побережье не случилось. Вероятно его девушка все-таки зацепилась за какой-нибудь сук, и они потом поженились. Ведь у него были самые серьезные намерения. Я знаю только одно. Если когда-нибудь, пожимая руку новому знакомому, я вдруг почувствую, что становлюсь источником мощного магнитного поля, и вдобавок замечу, что новый знакомец много курит, часто покашливает, этак — кхым-кхум, значит это, знаете ли, он, феномен, средоточие чудес, гигантская флюктуация.

Жилин закончил рассказ и победоносно оглядел слушателей. Юре рассказ понравился, но он, как всегда, так и не понял, выдумал все это Жилин или рассказывал правду. На всякий случай он в течение всего рассказа скептически усмехался.

— Прелестно, — сказал Юрковский. — Но больше всего мне нравится мораль.

— Что же это за мораль? — сказал Быков.

— Мораль такова, — объяснил Юрковский. — Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

— И кроме того, — сказал Жилин, — мир полон удивительных вещей — это раз. И два. Что мы знаем о вероятностях?

— Вы мне тут зубы не заговаривайте, — сказал

Быков и встал. Тебе, Иван, я вижу, не дают покоя писательские лавры Михаила Антоновича. Рассказ этот можешь вставить в свои мемуары.

— Обязательно вставлю, — сказал Жилин. — Правда, хороший рассказ?

— Спасибо, Ванюша, — сказал Юрковский. — Ты меня отлично рассеял. Интересно, как это у него могло появиться электромагнитное поле?

— Магнитное, — поправил Жилин. — Он говорил мне о магнитном.

— М-да, — сказал Юрковский и задумался.

После ужина они остались в кают-компании втроем. Сменившийся с вахты Михаил Антонович с наслаждением забрался в быковское кресло почитать на сон грядущий «Повесть о принце Гэндзи», а Юра с Жилиным устроились перед экраном магнитовизора поглядеть что-нибудь легкое. Свет в кают-компании был притушен, только переливались на экране глухими мрачными красками страшные джунгли, по которым шли первооткрыватели, да поблескивала в углу под бра глянцевитая лысина штурмана. И было совсем тихо.

Жилин «Первооткрывателей» уже видел, гораздо интереснее ему было смотреть на Юру и штурмана. Юра глядел на экран, не отрыва-

ясь, и только иногда нетерпеливо поправлял на голове тонкий обруч фонодемонстратора. Первооткрыватели страшно нравились ему, а Жилин посмеивался про себя и думал, до чего же нелеп и примитивен этот фильм, особенно если смотришь его не в первый раз и тебе уже за тридцать. Эти подвиги, похожие на упоенное самоистязание, нелепые с начала и до конца, и этот командир Сандерс, которого бы немедленно сместить, намылить ему шею и отправить назад на Землю архивариусом, чтобы не сходил с ума и не губил невинных людей, не имеющих права ему противоречить. И в первую очередь прикончить бы эту истеричку Прасковину, кажется, — послать ее в джунгли одну, раз уж у нее так пятки чешутся. Ну и экипаж подобрался! Сплошные самоубийцы с инфантильным интеллектом. Доктор был неплох, но автор прикончил его с самого начала, видимо, чтобы никто не мешал идиотскому замыслу ополоумевшего командира.

Самое забавное, что Юра все это, конечно, не может не видеть, но попробуй вот оторвать его сейчас от экрана и засадить, скажем, за того же принца Гэндзи!... Издавна так повелось и навсегда, наверное, останется, что каждый нормальный юноша до определенного возрас-

та будет предпочитать драму погони, поиска, беззаветного самоистребления драме человеческой души, тончайшим переживаниям, сложнее, увлекательнее и трагичнее которых нет ничего в мире… О, конечно, он подтвердит, что Лев Толстой велик как памятник человеческой душе, что Голсуорси монументален и замечателен как социолог, а Дмитрий Строгов не знает себе равных в исследовании внутреннего мира нового человека. Но все это будут слова, пришедшие извне. Настанет, конечно, время, когда он будет потрясен, увидев князя Андрея живого среди живых, когда он задохнется от ужаса и жалости, поняв до конца Сомса, когда он ощутит великую гордость, разглядев ослепительное солнце, что горит в невообразимо сложной душе строговского Токмакова… Но это случится позже, после того как он накопит опыт собственных душевных движений.

Другое дело — Михаил Антонович. Вот он поднял голову и уставился маленькими глазками в темноту комнаты, и сейчас перед ним, конечно, далекий красавец в странной одежде и странной прическе, с ненужным мечом за поясом, тонкий и насмешливый грешник, японский донжуан — именно такой, каким он выскочил в свое время

из-под пера гениальной японки в пышном и грязном хэйанском дворце и отправился невидимкой гулять по свету, пока не нашлись и для него такие же гениальные переводчики. И Михаил Антонович видит его сейчас так, словно нет между ними девяти веков и полутора миллиардов километров, и видит его только он, а Юре пока это не дано, и будет дано только лет через пять, когда войдут в Юрину жизнь и Токмаков, и Форсайты, Катя с Дашей, и многие, многие другие…

Последний первооткрыватель умер под водруженным флагом, и экран погас. Юра стащил с затылка фонодемонстратор и задумчиво произнес:

— Да, отлично сделан фильм.

— Прелесть, — серьезно откликнулся Жилин.

— Какие люди, а? — Юра дернул себя за хохол на макушке. — Как стальной клинок… Герои последнего шага. Только Прасковина какая-то неестественная.

— Н-да, пожалуй…

— Но зато Сандерс! До чего же он похож на Владим Сергеича!

— Мне они все напоминают Владим Сергеича, — сказал Жилин.

— Ну, что вы! — Юра оглянулся, увидел Михаи-

ла Антоновича и перешел на шепот: — Конечно, все они настоящие, чистые, но…

— Пойдем-ка лучше ко мне, — предложил Жилин.

Они вышли из кают-компании и направились к Жилину. Юра говорил:

— Все они хороши, я не спорю, но Владимир Сергеевич — это, конечно, совсем другое, он мощнее их как-то, значительнее…

Они вошли в комнату. Жилин сел и стал смотреть на Юру. Юра говорил:

— А какое болото! Как это все изумительно сделано — коричневая жижа с громадными белыми цветами, и блестящая скользкая шкура чья-то в тине… И крики джунглей…

Он замолчал.

— Ваня, — сказал он осторожно, — а вам, я вижу, картина не очень?…

— Ну, что ты! — сказал Жилин. — Просто я уже видел ее, да и староват я для всех этих болот, Юрик. Я по ним хаживал и знаю, что там на самом деле…

Юра пожал плечами. Он был недоволен.

— Право же, дружище, не в болотах суть. — Жилин откинулся на спинку кресла и принял любимую позу: закинул голову, сцепил пальцы

на затылке и растопырил локти. — И не подумай, пожалуйста, что я намекаю на разницу в наших годах. Нет. Это ведь неправда, что бывают дети и бывают взрослые. Все на самом деле сложнее. Бывают взрослые и бывают взрослые. Вот, например, ты, я и Михаил Антонович. Стал бы ты сейчас в трезвом уме и здравой памяти читать «Повесть о Гэндзи»? Вижу ответ твой на лице твоем. А Михаил Антонович перечитывает «Гэндзи» чуть ли не в пятый раз, а я впервые почувствовал прелесть его только в этом году… — Жилин помолчал и пояснил: — Прелесть этой книги, конечно. Прелесть Михаила Антоновича я почувствовал гораздо раньше.

Юра с сомнением смотрел на него.

— Я, разумеется, знаю, что это классика и все такое, — сообщил он. — Но читать «Гэндзи» пять раз я бы не стал. Там все запутано, усложнено… А жизнь по сути своей проста, много проще, чем ее изображают в таких книгах.

— А жизнь по сути своей сложна, — сказал Жилин. — Много сложнее, чем описывают ее такие фильмы, как «Первооткрыватели». Если хочешь, то попробуем разобраться. Вот командир Сандерс. У него есть жена и сын. У него есть друзья. И все же как легко он идет на смерть. У

него есть совесть. Как легко он ведет на смерть своих людей…

— Он забыл обо всем этом, потому что…

— Об этом, Юрик, не забывают никогда. И главным в фильме должно быть не то, что Сандерс геройски погиб, а то, как он сумел заставить себя забыть. Ведь гибель-то была верной, дружище. Этого в кино нет, поэтому все кажется простым. А если бы это было, фильм показался бы тебе скучнее…

Юра молчал.

— Ну-с? — сказал Жилин.

— Может быть, — неохотно проговорил Юра. — Но мне все-таки кажется, что на жизнь надо смотреть проще.

— Это пройдет, — пообещал Жилин. Они помолчали. Жилин, щурясь, глядел на лампу. Юра сказал:

— Есть трусость, есть подвиг, есть работа — интересная и неинтересная. Надо ли все это перепутывать и выдавать трусость за подвиг и наоборот?

— А кто же перепутывает, кто этот негодяй? — вскричал Жилин.

Юра засмеялся.

— Я просто схематически представил, как это

бывает в некоторых книгах. Возьмут какого-нибудь типа, напустят вокруг слюней, и потом получается то, что называют «изящным парадоксом» или «противоречивой фигурой». А он — тип типом. Тот же Гэндзи.

— Все мы немножко лошади, — проникновенно сказал Жилин. — Каждый из нас по-своему лошадь. Это жизнь все перепутывает. Ее величество жизнь. Эта благословенная негодяйка. Жизнь заставляет гордого Юрковского упрашивать непримиримого Быкова. Жизнь заставляет Быкова отказать своему лучшему другу. Кто же из них лошадь, то бишь тип? Жизнь заставляет Жилина, который целиком согласен с железной линией Быкова, сочинять сказочку о гигантской флюктуации, чтобы хоть так выразить свой протест против самой непоколебимости этой линии. Жилин тоже тип. Весь в слюнях, и никакого постоянства убеждений. А знаменитый вакуум-сварщик Бородин? Не он ли видел смысл жизни в том, чтобы положить живот на подходящий алтарь? И кто поколебал его — не логикой, а просто выражением лица? Растленный кабатчик с Дикого Запада. Поколебал ведь, а?

— Н-ну… в каком-то смысле…

— Ну, не тип ли этот Бородин? Ну, не проста

ли жизнь? Выбрал себе принцип — и валяй. Но принципы тем и хороши, что они стареют. Они стареют быстрее, чем человек, и человеку остаются только те, что продиктованы самой историей. Например, в наше время история жестко объявила Юрковским: баста! Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни. Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история, а люди только сделали эту историю. Но там, где общий принцип сталкивается с принципом личным — там кончается жизнь простая и начинается сложная. Такова жизнь.

— Да, — сказал Юра. — Наверное.

Они замолчали, и Жилин опять ощутил мучительное чувство раздвоенности, не оставлявшее его вот уже несколько лет. Как будто каждый раз, когда он уходит в рейс, на Земле остается какое-то необычайно важное дело, самое важное для людей, необычайно важное, важнее всей остальной вселенной, важнее самых замечательных творений рук человеческих.

На Земле оставались люди, молодежь, дети. Там оставались миллионы и миллионы таких вот Юриков, и Жилин чувствовал, что может здорово им помочь, хотя бы некоторым из них. Все равно

где. В школьном интернате. Или в заводском клубе. Или в Доме пионеров. Помочь им входить в жизнь, помочь найти себя, определить свое место в мире, научить хотеть сразу многого, научить хотеть работать взахлеб.

Научить не кланяться авторитетам, а исследовать их и сравнивать их поучения с жизнью.

Научить настороженно относиться к опыту бывалых людей, потому что жизнь меняется необычайно быстро.

Научить презирать мещанскую мудрость.

Научить, что любить и плакать от любви не стыдно.

Научить, что скептицизм и цинизм в жизни стоят дешево, что это много легче и скучнее, нежели удивляться и радоваться жизни.

Научить доверять движениям души своего ближнего.

Научить, что лучше двадцать раз ошибиться в человеке, чем относиться с подозрением к каждому.

Научить, что дело не в том, как на тебя влияют другие, а в том, как ты влияешь на других.

И научить их, что один человек ни черта не стоит.

Юра вздохнул и сказал:

— Давайте, Ваня, в шахматы сыграем.
— Давай, — сказал Жилин.

11. ДИОНА. НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ

Директора обсерватории на Дионе Юрковский знал давно, еще когда тот был аспирантом в Институте планетологии. Владислав Кимович Шершень слушал тогда у Юрковского спецкурс «Планеты-гиганты». Юрковский его помнил и любил за дерзость ума и исключительную целенаправленность.

Шершень вышел встречать старого наставника прямо в кессон.

— Не ожидал, не ожидал, — говорил он, ведя Владимира Сергеевича под локоток к своему кабинету.

Шершень был уже не тот. Не было больше

стройного черноволосого парня, всегда загорелого и немного сумрачного. Шершень стал бледен, он облысел, располнел и все время улыбался.

— Вот не ожидал! — повторял он с удовольствием. — Как же это вы к нам надумали, Владимир Сергеевич? И никто нам не сообщил…

В кабинете он усадил Юрковского за свой стол, сдвинув в сторону пружинный пресс с кипой фотокорректуры, а сам сел на табурет напротив. Юрковский озирался, благожелательно кивал. Кабинет был невелик и гол. Настоящее рабочее место ученого на межпланетной станции. И сам Владислав был под стать этому месту. На нем был поношенный, но выглаженный комбинезон с подвернутыми рукавами, полное лицо было тщательно выбрито, а жиденькая полуседая прядь на макушке аккуратно причесана.

— А вы постарели, Владислав, — сказал Юрковский с сожалением. — И… э-э… фигура не та. Ведь вы спортсмен были, Владислав.

— Шесть лет здесь, почти безвыездно, Владимир Сергеевич, сказал Шершень. — Тяжесть здесь в пятьдесят раз меньше, чем на планете, эспандерами изнурять себя, как наша молодежь делает, не могу за недостатком времени, да и сердце пошаливает, вот и толстею. Да к чему

мне стройность, Владимир Сергеевич? Жене все равно, какой я, а девушек ради худеть — темперамент не тот, да и положение не позволяет…

Они посмеялись.

— А вы, Владимир Сергеевич, изменились мало.

— Да, — сказал Юрковский. — Волос поменьше, ума побольше.

— Что нового в институте? — спросил Шершень. — Как дела у Габдула Кадыровича?

— Габдул застрял, — сказал Юрковский. — Очень ждет ваших результатов, Владислав. По сути, вся планетология Сатурна держится на вас. Избаловали вы их, Владислав… э-э… Избаловали.

— Что ж, — сказал Шершень, — за нами дело не станет. В следующем году начнем глубинные запуски… Вы вот только людей бы мне подбросили, Владимир Сергеевич, специалистов. Опытных, крепких специалистов…

— Специалисты, — сказал, усмехаясь Юрковский. — Специалисты всем нужны. Только это, между прочим, ваше дело, Владислав, готовить специалистов. Вы, вы должны их институту давать, а не институт вам. А я слыхал, что от вас Мюллер на Тефию ушел. Даже то, что мы вам дали, вы упускаете.

Шершень покачал головой.

— Дорогой Владимир Сергеевич, — сказал он, — мне работать нужно, а не специалистов готовить. Подумаешь, Мюллер. Ну, хороший атмосферник, два десятка неплохих работ. Так ведь Дионе программу надо выполнять, а не гоняться за хитрыми разумом Мюллерами. И таких, как Мюллер, пусть институт держит у себя. Никто на них не польстится. А нам здесь нужны молодые дисциплинированные ребята… Кто там сейчас в координационном отделе? Все еще Баркан?

— Да, — сказал Юрковский.

— Оно и видно.

— Ну, ну, Владислав, Баркан хороший работник. Но сейчас открыты пять новых обсерваторий в Пространстве. И всем нужны люди.

— Ну так, товарищи! — сказал Шершень. — Надо же планировать по-человечески! Обсерваторий стало больше, а специалистов не прибавилось? Нельзя же так!

— Ладно, — весело сказал Юрковский, — ваше… э-э… неудовольствие, Владислав, я непременно передам Баркану. И вообще, Владислав, готовьте ваши жалобы и претензии. Насчет людей, насчет оборудования. Пользуйтесь случаем, ибо в настоящее время я облечен властью разрешать и

вязать, высшей властью, Владислав. — Шершень удивленно поднял брови. — Да, Владислав, вы разговариваете с генеральным инспектором МУКСа.

Шершень вздернул голову.

— Ах… вот как? — медленно сказал он. — Вот не ожидал! — Он вдруг опять заулыбался. — А я, дурень, ломаю голову: как случилось, что глава мировой планетологии так внезапно, без предупреждения… Интересно, по каким же это наветам удостоилась наша маленькая Диона генерального посещения?

Они еще раз посмеялись.

— Послушайте… э-э… Владислав, — сказал Юрковский. — Мы довольны работой обсерватории, вы это знаете. Я очень доволен вами, Владислав. Отчетливо… э-э… работаете. И я вовсе не собирался беспокоить вас в моем, так сказать… э-э… официальном качестве. Но вот все тот же вопрос о людях. Понимаете, Владислав, некоторое — я бы сказал законное — недоумение вызывает тот факт, что у вас… э-э… вот за последний год у вас здесь закончено двадцать работ. Хорошие работы. Некоторые просто превосходные. Например… э-э… эта, об определении глубины экзосферных слоев по конфигурации тени колец. Да. Хорошие

работы. Но среди них нет ни одной самостоятельной. Шершень и Аверин. Шершень и Свирский. Шершень и Шатрова… Возникает вопрос: а где просто Аверин и Шатрова? Где просто Свирский? То есть создается впечатление, что вы ведете свою молодежь на помочах. Конечно, более всего важен результат, победителя не судят… э-э… но при всей вашей загруженности вы не имеете права упускать из виду подготовку специалистов. Им ведь рано или поздно придется работать самостоятельно. И, в свою очередь, людей учить. Как же это у вас получается?

— Вопрос законный, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень после некоторого молчания. — Но как на него ответить — не представляю. И выглядит это подозрительно. Я бы сказал, мерзко. Я уж тут несколько раз пытался отказываться от соавторства — знаете, просто чтобы спасти лицо. И представьте себе, ребята не разрешают. И я их понимаю! Вот Толя Кравец. — Он похлопал ладонью по фотокорректуре. — Великолепный наблюдатель. Мастер прецизионных измерений. Инженер чудесный. Но… — он развел руками, — недостаточно опыта у него, что ли… Огромный, интереснейший наблюдательный материал — и практически полная неспособность провести

квалифицированный анализ результатов. Вы понимаете, Владимир Сергеевич, я же ученый, мне до боли жалко этот пропадающий материал, а опубликовать это в сыром виде, чтобы выводы делал Габдул Кадырович, тоже, знаете ли, с какой стати. Не выдерживает ретивое, сажусь, начинаю интерпретировать сам. Ну… у мальчика же самолюбие… Так и появляется Шершень и Кравец.

— М-да, — сказал Юрковский. — Это бывает. Да вы не беспокойтесь, Владислав, никто ничего страшного не предполагает… Мы отлично знаем вас. Да, Анатолий Кравец. Кажется, я его… э-э… припоминаю. Такой крепыш. Очень вежливый. Да-да, помню. Очень, помню, был старательный студент. Я почему-то думал, что он на Земле, в Абастумани… Э… да. Знаете, Владислав, расскажите мне, пожалуйста, о ваших сотрудниках. Я уже всех их перезабыл.

— Что ж, — сказал Шершень. — Это не трудно. Нас здесь всего восемь человек на всей Дионе. Ну, Дитца и Оленеву мы исключим, это инженеры-контролеры. Славные, умные ребята, ни одной аварии за три года. Обо мне говорить тоже не будем, итого у нас остается всего пять, собственно, астрономов. Ну, Аверин. Астрофизик. Обещает стать очень ценным работником, но

пока слишком разбрасывается. Мне лично это никогда в людях не нравилось. Потому мы и с Мюллером не сошлись. Так. Свирский Виталий. Тоже астрофизик.

— Позвольте, позвольте, — сказал Юрковский, просияв. — Аверин и Свирский! Как же… Это была чудесная пара! Помню, я был в плохом настроении и завалил Аверина, и Свирский отказался мне сдавать. Очень, помню, трогательный был бунт… Да, большие были друзья.

— Теперь они поохладели друг к другу, — грустно сказал Шершень.

— А что… э-э… случилось?

— Девушка, — сердито сказал Шершень. — Оба влюбились по уши в Зину Шатрову…

— Помню! — воскликнул Юрковский. — Маленькая такая, веселая, глаза синие, как… э-э… незабудки. Все за ней ухаживали, а она отшучивалась. Изрядная была забавница.

— Теперь она уже не забавница, — сказал Шершень. — Запутался я в этих сердечных делах, Владимир Сергеевич. Нет, воля ваша. Я в этом отношении всегда выступал против вас и буду впредь выступать. Молодым девчонкам на дальних базах не место, Владимир Сергеевич.

— Оставьте, Владислав, — сказал Юрковский,

нахмурясь.

— Дело в конце концов не в этом. Хотя я тоже многого ожидал от этой пары — Аверин и Свирский. Но они потребовали разных тем. Теперь их старую тему разрабатываем мы с Авериным, а Свирский работает отдельно. Так вот Свирский. Спокойный, выдержанный, хотя и несколько флегматичный. Я намерен оставить его за себя, когда уйду в отпуск. Еще не совсем самостоятелен, приходится помогать. Ну, о Толе Кравце я вам рассказывал. Зина Шатрова… — Шершень замолчал и шибко почесал затылок — Девушка! — сказал он. — Знающая, конечно, но… Этакая, знаете ли, во всем расплывчатость. Эмоции. Впрочем, особых претензий к ее работе у меня нет. Свой хлеб на Дионе она, пожалуй, оправдывает. И, наконец, Базанов.

Шершень замолчал и задумался. Юрковский покосился на фотокорректуру, затем не выдержал и сдвинул крышку пресса, закрывавшую титульный лист. «Шершень и Кравец, — прочитал он. — Пылевая составляющая полос Сатурна». Он вздохнул и стал глядеть на Шершня.

— Так что же? — сказал он. — Что же… э-э… Базанов?

— Базанов — отличный работник, — решитель-

но сказал Шершень. — Немного строптив, но хорошая, светлая голова. Ладить с ним трудновато, правда.

— Базанов… Что-то я не помню… Чем он занимается?

— Атмосферник. Вы знаете, Владимир Сергеевич, он очень щепетилен. Работа готова, ему еще Мюллер помогал, нужно публиковать — так нет! Все он чем-то недоволен, что-то ему кажется необоснованным… Вы знаете, есть такие… Очень самокритичные люди. Самокритичные и упрямые. Его результатами мы давно уже пользуемся… Получается глупое положение, не имеем возможности ссылаться. Но я, откровенно говоря, не очень беспокоюсь. Да и упрям он ужасно и раздражителен.

— Да, — сказал Юрковский. — Такой… э-э… очень самостоятельный студент был. Да… очень. — Он как бы невзначай протянул руку к фотокорректуре и словно в рассеянности стал ее листать. — Да… э-э… интересно. А вот эту работу я у вас еще не видел, Владислав, — сказал он.

— Это моя последняя, — сказал Шершень, улыбаясь. — Корректуру, вероятно, сам на Землю отвезу, когда в отпуск поеду. Парадоксальные результаты получены, Владимир Сергеевич. Просто

изумительные. Вот взгляните…

Шершень обогнул стол и нагнулся над Юрковским. В дверь постучали.

— Простите, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень и выпрямился. — Войдите!

В низкий овальный люк, согнувшись в три погибели, пролез костлявый бледный парень. Юрковский узнал его — это был Петя Базанов, добродушный, очень справедливый юноша, умница и добряк. Юрковский уже начал благожелательно улыбаться, но Базанов только холодно кивнул ему, подошел к столу и положил перед Шершнем папку.

— Вот расчеты, — сказал он. — Коэффициенты поглощения.

Юрковский спокойно сказал:

— Что ж это вы, Петр… э-э… не помню отчества, и поздороваться со мной не хотите?

Базанов медленно повернул к нему худое лицо и, прищурясь, поглядел в глаза.

— Прошу прощения, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Здравствуйте. Боюсь, я немного забылся.

— Боюсь, вы действительно немного забылись, Базанов, — негромко произнес Шершень.

Базанов пожал плечами и вышел, захлопнув

за собой люк. Юрковский резко выпрямился, и его вынесло из-за стола. Шершень поймал его за руку.

— Магнитные подковки у нас полагается держать на полу, товарищ генеральный инспектор, — сказал он смеясь. — Это вам не «Тахмасиб».

Юрковский смотрел на закрытый люк. Неужели это Базанов, с удивлением думал он.

Шершень стал серьезен.

— Вы не удивляйтесь поведению Базанова, — сказал он. — Мы с ним повздорили из-за этих коэффициентов поглощения. Он полагает ниже своего достоинства считать коэффициенты поглощения и уже двое суток терроризирует обсерваторию.

Юрковский сдвинул брови, пытаясь вспомнить. Затем он махнул рукой.

— Не будем об этом, — сказал он. — Давайте, Владислав, показывайте ваши парадоксы.

От реакторного кольца «Тахмасиба» через каменистую равнину к цилиндрической башне лифта был протянут тонкий трос. Юра неторопливо и осторожно двигался вдоль троса, с удовольствием чувствуя, что период подготовки в условиях невесомости не прошел для него даром. Впереди,

шагах в пятидесяти, поблескивал в желтом свете Сатурна скафандр Михаила Антоновича.

Огромный желтый серп Сатурна выглядывал из-за плеча. Впереди над близким горизонтом ярко горела зеленоватая ущербленная луна — это был Титан, самый крупный спутник Сатурна и вообще самый крупный спутник в солнечной системе. Юра оглянулся на Сатурн. Колец с Дионы видно не было, Юра увидел только тонкий серебристый луч, режущий серп пополам. Неосвещенная часть диска Сатурна слабо мерцала зеленым. Где-то позади Сатурна двигалась сейчас Рея.

Михаил Антонович подождал Юру, и они вместе протиснулись в низкую полукруглую дверцу. Обсерватория размещалась под землей, на поверхности оставались только сетчатые башни интерферометров и параболоиды антенн, похожие на исполинские блюдца. В кессоне, вылезая из скафандра, Михаил Антонович сказал:

— Я, Юрик, пойду в библиотеку, а ты здесь прогуляйся, посмотри, сотрудники тут все молодые, ты с ними быстро познакомишься… А часа через два встретимся… Или возвращайся прямо на корабль…

Он похлопал Юру по плечу и, гремя магнит-

ными подковами, пошел по коридору налево. Юра пошел направо. Коридор был круглый, облицованный матовым пластиком, только под ногами лежала нешироκая стальная дорожка, исцарапанная подковами. Вдоль коридора тянулись трубы, в них клокотало и булькало. Пахло сосновым лесом и нагретым металлом.

Юра прошел мимо открытого люка. Там никого не было, только мигали цветные огоньки на пультах. Тихо так, подумал Юра. Никого не видно и не слышно. Он свернул в поперечный коридор и услыхал музыку. Кто-то где-то играл на гитаре, уверенно и неторопливо выводя печальную мелодию. Неужели и на Рее так? — подумал вдруг Юра. Он любил, чтобы вокруг было шумно, чтобы все были вместе, и смеялись, и острили, и пели. Ему стало грустно. Потом он подумал, что все сейчас, должно быть, на работе, но все же так и не смог отделаться от ощущения, что люди не могут не скучать в круглых пустых коридорах — здесь ли или на других далеких планетах. Вероятно, виновата была гитара.

Вдруг кто-то злобно сказал над самым ухом: «А вот это уже тебя не касается! Понимаешь? Совершенно не касается!» Юра остановился. Коридор был по-прежнему пуст. Другой голос, мягкий и

извиняющийся, сказал:

— Я не имел в виду ничего плохого, Виталий. Ведь это действительно не нужно ни тебе, ни ей, ни Владиславу Кимовичу. Никому это не нужно. Я только хотел сказать…

Злобный голос перебил:

— Я уже слышал, и надоело! И отстаньте вы от меня с вашим Авериным, не лезьте в мои дела! Я прошу только одного: дайте мне отработать мои три года — и провалитесь вы в самые глубокие тартарары…

Слева от Юры распахнулся люк, и в коридор выскочил беловолосый парень лет двадцати пяти. Светлые вихры его были взъерошены, покрасневшее лицо перекошено. Он с наслаждением грохнул люком и остановился перед Юрой. Минуту они глядели друг на друга.

— Вы кто такой? — спросил беловолосый.

— Я… — сказал Юра, — я с «Тахмасиба».

— А, — с отвращением сказал беловолосый. — Еще один любимчик!

Он обошел Юру и стремительно зашагал по коридору, то и дело подлетая к потолку и бормоча: «Провалитесь вы все в тартарары! Провалитесь вы все…» Юра холодно спросил ему вслед: «Вы что, палец прищемили, юноша?» Беловолосый

не обернулся.

Ну и ну, подумал Юра. Здесь совсем не так скучно.

Он повернулся к люку и обнаружил, что перед ним стоит еще один человек, должно быть, тот, что говорил извиняющимся голосом. Он был коренаст, широкоплеч и одет не без изящества. У него была красивая прическа и румяное грустное лицо.

— Вы с «Тахмасиба»? — тихо спросил он, приветливо кивая.

— Да, — сказал Юра.

— С Владимиром Сергеевичем Юрковским? Здравствуйте, — человек протянул руку. — Меня зовут Кравец. Анатолий. Вы будете у нас работать?

— Нет, — сказал Юра. — Я здесь проездом.

— Ах, проездом? — сказал Кравец. Он все еще держал Юрину руку. Ладонь у него была сухая и прохладная.

— Юрий Бородин, — сказал Юра.

— Очень приятно, — сказал Кравец и отпустил Юрину руку. — Так вы проездом. Скажите, Юра, Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?

— Не знаю, — сказал Юра.

Румяное лицо Кравца стало совсем печальным.

— Ну, конечно, откуда вам знать... Тут у нас, знаете ли, распространился вдруг этот странный слух... Вы давно знакомы с Владимиром Сергеевичем?

— Месяц, — неохотно сказал Юра. Он уже понял, что Кравец ему не нравится. Может быть, потому, что он говорил с белобрысым извиняющимся голосом. Или потому, что все время задавал вопросы.

— А я его знаю больше, — сказал Кравец. — Я у него учился. — Он вдруг спохватился. — Что же мы тут стоим? Заходите!

Юра шагнул в люк. Это была, по-видимому, вычислительная лаборатория. Вдоль стен тянулись прозрачные стеллажи электронной машины. Посередине стояли матово-белый пульт и большой стол, заваленный бумагами и схемами. На столе стояло несколько небольших электрических машин для ручных вычислений.

— Это наш мозг, — сказал Кравец. — Присаживайтесь.

Юра остался стоять. Молчание затянулось.

— На «Тахмасибе» тоже такая же машина, — сообщил Юра.

— Сейчас все наблюдают, — заговорил Кравец. — Видите, никого нет. У нас вообще очень много наблюдают. Очень много работают. Время летит совершенно незаметно. Иногда такие ссоры бывают из-за работы… — Он махнул рукой и засмеялся. — Наши астрофизики совсем рассорились. У каждого своя идея, и каждый почитает другого дураком. Объясняются через меня. И мне же от обоих попадает.

Кравец замолчал и выжидательно посмотрел на Юру.

— Что ж, — сказал Юра, глядя в сторону. — Бывает.

Конечно, подумал он, никому неохота сор из избы выносить.

— Нас здесь мало, — сказал Кравец, — все мы очень заняты, директор наш, Владислав Кимович, очень хороший человек, но он тоже занят. Так что на первый взгляд может показаться, что у нас очень скучно. А на самом деле мы круглыми сутками сидим каждый со своей работой.

Он снова выжидательно посмотрел на Юру. Юра вежливо сказал:

— Да, конечно, чем тут еще заниматься. Космос ведь для работы, а не для развлечений. Правда, у вас тут действительно пусто немножко. Только

где-то гитара играет.

— А, — сказал Кравец, улыбаясь, — это наш Дитц погрузился в размышления.

Люк отворился, и в лабораторию неловко протиснулась маленькая девушка с большой охапкой бумаг. Она плечом затворила люк и посмотрела на Юру. Наверное, она только что проснулась — глаза у нее были слегка припухшие.

— Здравствуйте, — сказал Юра.

Девушка беззвучно шевельнула губами и тихонько прошла к столу. Кравец сказал:

— Это Зина Шатрова. А это, Зиночка, Юрий Бородин, он прибыл вместе с Владимиром Сергеевичем Юрковским.

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Юра старался сообразить, ко всем ли прибывшим на «Тахмасибе» с Юрковским работники обсерватории относятся так странно. Он взглянул на Кравца. Кравец смотрел на Зину и, кажется, что-то подсчитывал. Зина молча перебирала листки. Когда она придвинула к себе электрическую машину и стала звонко щелкать цифровыми клавишами, Кравец обернулся к Юре и сказал:

— Ну что, Юра, хотите…

Его прервало мягкое пение радиофонного вызова. Он извинился и поспешно вытащил из

кармана радиофон.

— Анатолий? — спросил густой голос.

— Да, я, Владислав Кимович.

— Анатолий, навести, пожалуйста, Базанова. Он в библиотеке.

Кравец взглянул на Юру.

— У меня… — начал он.

Голос в радиофоне стал вдруг далеким.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич… Да-да, схемы я приготовил…

Послышались частые гудки отбоя. Кравец засунул радиофон в карман и нерешительно поглядел на Зину и на Юру.

— Мне придется уйти, — сказал он. — Директор просит меня помочь нашему атмосфернику… Зина, будь добра, покажи нашему гостю обсерваторию. Учти, он хороший друг Владимира Сергеевича, надо принять его получше.

Зина не ответила. Она словно не слышала Кравца и только низко опустила лицо над машиной. Кравец улыбнулся Юре грустной улыбкой, поднял брови, слегка развел руками и вышел.

Юра отошел к пульту и украдкой взглянул на девушку. У нее было милое и какое-то безнадежно усталое лицо. Что все это значит: «Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспек-

тировать?» «Учти, он хороший друг Владимира Сергеевича». «Провалитесь вы все в тартарары!» Юра чувствовал, что все это означает что-то нехорошее. Он испытывал настоятельную потребность во что-то вмешаться. Уйти и оставить все в таком же положении было решительно невозможно. Он опять посмотрел на Зину. Девушка прилежно работала. Никогда он еще не видел, чтобы такая милая девушка была так печальна и молчалива. Да ее же обидели, подумал вдруг он. Ясно как солнце, что ее обидели. Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват, — машинально вспомнил он. Ну, ладно…

— Это что? — громко спросил Юра и ткнул пальцем наугад в одну из мигающих ламп. Зина вздрогнула и подняла голову.

— Это? — сказала она. В первый раз она подняла на него глаза. У нее были необыкновенно синие большие глаза. Юра храбро сказал:

— Вот именно, это.

Зина все еще смотрела на него.

— Скажите, — спросила она, — вы будете работать у нас?

— Нет, — сказал Юра и подошел вплотную к столу. — Я не буду у вас работать. Я здесь проездом. И никакой я не друг Владимира Сергеевича,

а просто мы слегка знакомы. И я не любимчик. Я вакуум-сварщик.

Она провела ладонью по лицу.

— Погодите, — пробормотала она. — Вакуум-сварщик? Почему вакуум-сварщик?

— А почему бы и нет? — сказал Юра. Он чувствовал, что каким-то непостижимым образом это имеет огромное значение, и очень хорошо для этой милой печальной девушки, что он именно вакуум-сварщик, а не кто-то другой. Никогда он еще так не радовался тому, что он вакуум-сварщик.

— Простите, — сказала девушка. — Я вас спутала.

— С кем?

— Не знаю. Я думала… Не знаю. Это не важно.

Юра обошел стол и остановился рядом с нею, глядя на нее сверху вниз.

— Рассказывайте, — потребовал он.

— Что?

— Все. Все, что здесь делается.

И вдруг Юра увидел, как на блестящую полированную поверхность стола закапали частые капли. У него подкатил ком к горлу.

— Ну, вот еще, — сердито сказал он.

Зина затрясла головой. Он испуганно оглянулся

на люк и грозно сказал:

— Прекратите реветь! Какой срам!

Она подняла голову. Лицо у нее было мокрое и жалкое, глаза припухли еще больше.

— Вам… бы… так, — проговорила она. Он достал носовой платок и положил ей на мокрую ладонь. Она стала вытирать щеки.

— Кто это вас? — тихо спросил Юра. — Кравец? Так я пойду и сейчас набью ему морду, хотите?

Она сложила платок и попыталась улыбнуться. Затем она спросила:

— Слушайте, вы правда вакуум-сварщик?

— Правда. Только, пожалуйста, не ревите. В первый раз вижу человека, который плачет при виде вакуум-сварщика.

— А правда, что Юрковский привез на обсерваторию своего протеже?

— Какого протеже? — изумился Юра.

— У нас тут говорили, что Юрковский хочет устроить на Дионе какого-то своего любимца — астрофизика…

— Что за чушь? — сказал Юра. — На борту только экипаж, Юрковский и я. Никаких астрофизиков.

— Правда?

— Ну, конечно, правда! И вообще — у Юрков-

ского любимцы! Это же надо придумать! Кто это вам сказал? Кравец?

Она опять помотала головой.

— Хорошо, — Юра нашарил ногой табурет и сел. — Вы все-таки рассказывайте. Все рассказывайте. Кто вас обидел?

— Никто, — сказала она тихо. — Я просто плохой работник. Да еще с неуравновешенной психикой, — она невесело усмехнулась. — Наш директор вообще против женщин на обсерватории. Спасибо, что хоть не сразу на Планету вернул. Со стыда бы сгорела. На Земле пришлось бы менять специальность. А мне этого вовсе не хочется. Здесь у меня хоть ничего и не получается, зато я на обсерватории, у мощного ученого. Я ведь люблю все это, — она судорожно глотнула. — Ведь я думала, что у меня призвание…

Юра сказал сквозь зубы:

— В первый раз слышу о человеке, чтобы он любил свое дело и чтобы у него ничего не получалось.

Она дернула плечом.

— Ведь вы любите свое дело?

— Да.

— И у вас ничего не получается?

— Я бездарь, — сказала она.

— Как это может быть?

— Не знаю.

Юра прикусил губу и задумался.

— Послушайте, — сказал он. — Послушайте, Зина, ну, а другие как же?

— Кто?

— Другие ребята…

Зина судорожно вздохнула.

— Здесь они стали совсем не такими, как на Земле. Базанов всех ненавидит, а эти два дурачка вообразили невесть что, перессорились и теперь ни со мной, ни друг с другом не разговаривают…

— А Кравец?

— Кравец — холуйчик, — равнодушно сказала она. — Ему на все наплевать. — Она вдруг растерянно посмотрела на него. — Только вы никому не говорите того, что я вам здесь рассказывала. Ведь мне совсем житья не будет. Начнутся всякие укоризненные замечания, общие рассуждения о сущности женской натуры…

Юра сузившимися глазами смотрел на нее.

— Как же так? — сказал он. — И никто об этом не знает?

— А кому это интересно? — Она жалко улыбнулась. — Ведь мы — лучшая из дальних обсерваторий…

Люк распахнулся. Давешний беловолосый парень просунулся по пояс в комнату, уставился на Юру, неприятно сморщив нос, затем взглянул на Зину и снова уставился на Юру. Зина встала.

— Познакомьтесь, — сказала она дрожащим голосом. — Это Свирский, Виталий Свирский, астрофизик. А это Юрий Бородин…

— Сдаешь дела? — неприятным голосом осведомился Свирский. — Ну, не буду мешать.

Он стал закрывать люк, но Юра поднял руку.

— Одну минуту, — сказал он.

— Хоть пять, — любезно осклабился Свирский. — Но в другой раз. А сейчас мне не хочется нарушать ваш тет-а-тет, коллега.

Зина негромко охнула и прикрыла лицо рукой.

— Я тебе не коллега, дурак, — тихо сказал Юра и пошел на Свирского. Свирский бешеными глазами глядел на него. — И я буду говорить с тобой сейчас, понял? А сначала ты извинишься перед девушкой, скотина этакая.

Юра был в пяти шагах от люка, когда Свирский, зверски выпятив челюсть, полез в комнату навстречу ему.

Быков расхаживал по кают-компании, заложив руки за спину и опустив голову. Жилин стоял,

прислонившись к двери в рубку. Юрковский, сцепив пальцы, сидел за столом. Все трое слушали Михаила Антоновича. Михаил Антонович говорил страстно и взволнованно, прижимая к левой стороне груди коротенькую руку.

— …И поверь мне, Володенька, никогда в жизни я не выслушивал столько гадостей о людях. Все гадкие, дурные, один Базанов хороший. Шершень, видите ли, тиран и диктатор, всех измотал, нагло диктует свою волю. Все его боятся. Был один смелый человек на Дионе, Мюллер, и того Шершень, видите ли, выжил. Нет-нет, Базанов не отрицает научных заслуг Шершня, он, видите ли, даже восхищается ими, а в том, что обсерватория пользуется такой славой, заслуга именно Шершня, но зато, видите ли, внутри там царит упадок нравов. У Шершня есть специальный осведомитель и провокатор, некий бездарь Кравец. Этот Кравец, видите ли, везде подслушивает, а потом наушничает, а потом по указанию директора распространяет слухи и всех между собой ссорит. Так сказать, разделяй и властвуй. Кстати, пока мы беседовали, этот несчастный Кравец зашел в библиотеку за какой-то книжкой. Как на него Базанов накричал! «Пошел вон!» — кричит. Бедный Кравец, такой милый, симпатичный

юноша, даже представиться не успел толком. Весь покраснел и ушел, даже книжки не взял. Я, конечно, не мог сдержаться и здорово отчитал Базанова. Я ему прямо сказал: «Что же вы, Петя? Разве можно?»

Михаил Антонович перевел дух и вытер лицо платочком.

— Ну, вот, — продолжал он. — Базанов, видите ли, необычайно нравственно чистоплотен. Он не выносит, когда кто-нибудь за кем-нибудь ухаживает. Здесь есть молоденькая сотрудница Зина, астрофизик, так он приклеил к ней сразу двух кавалеров да еще вообразил, что они из-за нее передрались. Она, видите ли, делает авансы и тому и другому, а те как петушки… Причем сам, заметьте добавляет, что это только слухи, но что факт остается фактом, все трое в ссоре. Мало того, что Базанов склочничает со всеми астрономами, он втянул в свои склоки и инженер-контролеров. Все у него кретины, сопляки, работать никто не умеет, недоучки… У меня волосы дыбом вставали, когда я это слышал! Вообрази, Володенька… Знаешь, кого он считает главным виновником всего этого?

Михаил Антонович сделал эффектную паузу. Быков остановился и посмотрел на него. Юрков-

ский, сильно прищурясь, играл желваками на обрюзглых щеках.

— Тебя! — сказал Михаил Антонович сорвавшимся голосом. — Я прямо ушам не поверил! Генеральный инспектор МУКСа прикрывает все эти безобразия, мало того, возит по обсерваториям каких-то таинственных любимцев, пристраивает их там, а простых работников, придравшись к мелочи, увольняет и возвращает на Землю. Всюду насадил своих ставленников, вроде Шершня! Я этого уже не выдержал. Я ему сказал: «Извините, — говорю, — голубчик, извольте отдавать отчет в своих словах».

Михаил Антонович снова перевел дух и замолчал. Быков принялся расхаживать по кают-компании.

— Так, — сказал Юрковский. — Чем же ваша беседа кончилась?

Михаил Антонович гордо сказал:

— Я больше не мог его слушать. Я не мог слышать, как обливают грязью тебя, Володенька, и коллектив лучшей дальней обсерватории. Я встал, язвительно попрощался и ушел. Надеюсь, ему сделалось стыдно.

Юрковский сидел, опустив глаза. Быков сказал с усмешкой:

— Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут.

— Я бы на твоем месте, Володенька, принял бы меры, — сказал Михаил Антонович. — Базанова надо вернуть на Землю без права работать на внеземных станциях. Такие люди ведь очень опасны, Володенька, ты сам знаешь...

Юрковский сказал, не поднимая глаз:

— Хорошо. Спасибо, Михаил. Меры принять придется.

Жилин тихо сказал:

— Может быть, он просто устал?

— Кому от этого легче? — сказал Быков.

— Да, — сказал Юрковский и тяжело вздохнул. — Базанова придется убрать.

В коридоре послышался торопливый стук магнитных подков.

— Юра возвращается, — сказал Жилин.

— Что ж, давайте обедать, — сказал Быков. — Ты с нами обедаешь, Владимир?

— Нет. Я обедаю у Шершня. Мне еще о многом надо договориться с ним.

Жилин стоял у входа в рубку и первым увидел Юру. Он вытаращил глаза и поднял брови. Тогда к Юре обернулись все остальные.

— Что это значит, стажер? — осведомился Бы-

ков.

— Что с тобой, Юрик? — воскликнул Михаил Антонович.

Выглядел Юра предосудительно. Левый глаз был залит красно-синим синяком, нос деформировался, губы распухли и почернели. Левую руку он держал несколько на весу, пальцы правой были облеплены пластырями. Спереди на куртке виднелись наспех замытые темные пятна.

— Я дрался, — хмуро ответил Юра.

— С кем вы дрались, стажер?

— Я дрался со Свирским.

— Кто это?

— Это один молодой астрофизик на обсерватории, — нетерпеливо пояснил Юрковский. — Почему вы подрались, кадет?

— Он оскорбил девушку, — сказал Юра. Он глядел прямо в глаза Жилину. — Я потребовал, чтобы он извинился.

— Ну?

— Ну, и мы подрались.

Жилин едва заметно одобрительно кивнул. Юрковский встал, прошелся по каюте и остановился перед Юрой, глубоко засунув руки в карманы халата.

— Я так понимаю, кадет, — сказал он холод-

но, — что вы устроили в обсерватории мерзкий дебош.

— Нет, — сказал Юра.

— Вы избили сотрудника обсерватории.

— Да, — сказал Юра. — Но я не мог иначе. Я должен был заставить его извиниться.

— Заставил? — быстро спросил Жилин.

Юра поколебался немного, затем сказал уклончиво:

— В общем он извинился. Потом.

Юрковский раздраженно сказал:

— А, черт, при чем тут это, Иван!

— Извините, Владимир Сергеевич, — смиренно сказал Иван.

Юрковский снова повернулся к Юре.

— Все равно это был дебош, — сказал он. — Так это выглядит, во всяком случае. Послушайте, кадет, я охотно верю, что вы действовали из самых лучших побуждений, но вам придется извиниться.

— Перед кем? — сейчас же спросил Юра.

— Во-первых, разумеется, перед Свирским.

— А во-вторых?

— Во-вторых, вы должны будете извиниться перед директором обсерватории.

— Нет! — сказал Юра.

— Придется.

— Нет.

— Что значит — нет? Вы устроили драку в его обсерватории. Это отвратительно. И вы отказываетесь извиниться?

— Я не стану извиняться перед подлецом, — ровным голосом сказал Юра.

— Молчать, стажер! — проревел Быков.

Воцарилось молчание. Михаил Антонович горестно вздыхал и качал головой. Юрковский с изумлением глядел на Юру.

Жилин вдруг оттолкнулся от стены, подошел к Юре и положил руку ему на плечо.

— Простите, Алексей Петрович, — сказал он. — Мне кажется, надо дать Бородину рассказать все по порядку.

— А кто ему мешает? — сердито сказал Быков. Было видно, что он очень недоволен всем происходящим.

— Рассказывай, Юра, — сказал Жилин.

— Что тут рассказывать? — тихо начал Юра. Затем он закричал: — Это надо видеть! И слышать! Этих дураков надо немедленно спасать! Вы говорите — обсерватория, обсерватория! А это притон! Здесь люди плачут, понимаете? Плачут!

— Спокойно, кадет, — сказал Юрковский.

— Я не могу спокойно! Вы говорите извинять-ся... Я не стану извиняться перед инквизитором! Перед мерзавцем, который науськивает дураков друг на друга и на девушку! Куда вы смотрите, генеральный инспектор? Все это заведение пора давно эвакуировать на Землю, они скоро на чет-вереньки станут, начнут кусаться!

— Успокойся и расскажи по порядку, — сказал Жилин.

И Юра рассказал. Как он встретился с Зиной Шатровой, и как она плакала, и как он понял, что необходимо вмешаться немедленно, и он начал со Свирского, который до того оброс шерстью, что верил всяким гадостям о любимой девушке. Как он заставил Аверина со Свирским «поговорить по душам», и как выяснилось, что Свирский никогда не называл Аверина бездарью и подхалимом, и что Аверин даже не подозревал, что его неодно-кратно выводили ночью из комнаты Зины. Как отобрали у контролера Дитца гитару и узнали, что он никогда не распускал слухов про Базанова и Таню Оленину... И как сразу обнаружилось, что все это проделки Кравца и что Шершень не может не знать о них, и он-то и есть главный негодяй...

— Ребята прислали меня к вам, Владимир Сер-геевич, чтобы вы что-нибудь сделали. И вы лучше

что-нибудь сделайте, иначе они сами сделают… Они уже готовы.

Юрковский сидел в кресле за столом, и лицо у него было такое старое и жалкое, что Юра остановился и растерянно оглянулся на Жилина. Но Жилин опять еле заметно кивнул.

— За эти слова вы тоже ответите, — процедил сквозь зубы Шершень.

— Замолчи! — закричал маленький смуглый Аверин, сидевший рядом с Юрой. — Не смей перебивать! Товарищи, как он смеет все время перебивать?

Юрковский переждал шум и продолжил:

— Все это до того омерзительно, что я вообще исключал возможность такого явления, и понадобилось вмешательство постороннего человека, мальчишки, чтобы… Да. Омерзительно. Я не ждал этого от вас, молодые. Как это оказалось просто — вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки — три года, один честолюбивый маньяк и один провинциальный интриган. И вы согнулись, озверели, потеряли человеческий облик. Молодые, веселые, честные ребята… Какой стыд!

Юрковский сделал паузу и оглядел астрономов. Все это сейчас зря, подумал он. Им не до меня.

Они сидели кучкой и с ненавистью смотрели на Шершня и Кравца.

— Ладно. Нового директора вам пришлют с Титана. Два дня можете митинговать и думать. Думайте. Вы, бедные и слабые, вам говорю: думайте! А сейчас идите.

Они поднялись и, понурившись, пошли из кабинета. Шершень тоже встал и, нелепо качаясь на магнитных башмаках, подошел к Юрковскому вплотную.

— Это самоуправство, — сипло сказал он. — Вы нарушаете работу обсерватории.

Юрковский гадливо отстранил его.

— Слушайте, Шершень, — сказал он. — На вашем месте я бы застрелился.

12. «КОЛЬЦО-1». БАЛЛАДА ОБ ОДНОНОГОМ ПРИШЕЛЬЦЕ

Знаешь, — сказал Быков, — глядя на Юрковского поверх очков и поверх «Физики металлов», — а ведь Шершень, пожалуй, считает себя незаслуженно оскорбленным. Как-никак лучшая обсерватория и так далее…

— Шершень меня не интересует, — сказал Юрковский. Он захлопнул бювар и потянулся. — Меня интересует, как могли эти ребята дойти до такой жизни… А Шершень — прах, мелочь.

Несколько минут Быков размышлял.

— И как же по-твоему? — спросил, наконец, он.

— У меня есть одна теория… Вернее, гипотеза.

Я полагаю, что у них уже исчез необходимый в прошлом иммунитет к социально вредному, но еще не исчезли их собственные антиобщественные задатки.

— Попроще, — сказал Быков.

— Пожалуйста. Возьмем тебя. Что бы ты сделал, если бы к тебе подошел сплетник и сказал, что… э-э… скажем, Михаил Крутиков ворует и продает продовольствие? Ты повидал на своем веку много сплетников, знаешь им цену, и ты бы сказал ему… э-э… удалиться. Теперь возьмем нашего кадета. Что бы он сделал, если бы ему сказали… э-э… ну, скажем, то же самое? Он бы принял все за чистую монету и моментально бы помчался к Михаилу объясняться. И сразу же понял бы, что это чепуха, вернулся бы и… э-э… побил бы негодяя.

— Ага, — с удовольствием сказал Быков.

— Ну, так вот. А наши друзья на Дионе — это уже не ты, но еще и не кадет. Они принимают гадость за чистую монету, но неистраченные запасы ложной гордости мешают им пойти и все выяснить.

— Что ж, — сказал Быков. — Может быть, что и так.

Вошел Юра, сел на корточки перед открытым инженерным шкафом и стал выбирать себе кни-

гу на вечер. События на Дионе совсем выбили его из колеи, и он все никак не мог прийти в себя. Прощание с Зиной Шатровой было молчаливым и очень трогательным. Зина и подавно не успела прийти в себя. Правда, она уже улыбалась. Юре очень хотелось остаться на Дионе до тех пор, пока Зина не начнет смеяться. Он был уверен, что сумел бы развеселить ее, в какой-то мере помочь ей забыть о страшных днях владычества Шершня. Он очень жалел, что остаться нельзя. Зато в коридоре он поймал белобрысого Свирского и потребовал, чтобы с Зиной здесь были особенно внимательны. Свирский бешено взглянул на него и невпопад ответил: «Морду мы ему еще набьем».

— Э… Алексей, — сказал Юрковский. — Я никому не помешаю в рубке?

— Ты генеральный инспектор, — сказал Быков. — Кому же ты можешь помешать?

— Я хочу связаться с Титаном, — сказал Юрковский. — И вообще послушать эфир.

— Валяй, — сказал Быков.

— А мне можно? — спросил Юра.

— И тебе можно, — сказал Быков. — Всем все можно.

Утром Быков дочитал последний журнал, долго

и внимательно разглядывал обложку и даже, кажется, посмотрел, сколько он стоит. Затем он вздохнул, отнес журнал в свою каюту, а когда вернулся, Юра понял, что «парень доструган палочку до конца». Быков был теперь очень ласков, словоохотлив и всем все позволял.

— Пойду-ка и я с вами, — сказал Быков.

Все втроем они ввалились в рубку. Михаил Антонович изумленно поглядел на них со своего пьедестала, расплылся в улыбке и помахал им ручкой.

— Мы тебе мешать не будем, — сказал Быков. — Мы на рацию.

— Только смотрите, мальчики, — предупредил Михаил Антонович, — через полчаса невесомость.

По требованию Юрковского «Тахмасиб» шел к станции «Кольцо-1», искусственному спутнику Сатурна, движущемуся вблизи Кольца.

— А нельзя ли без невесомости? — капризно спросил Юрковский.

— Видишь ли, Володенька, — виновато ответил Михаил Антонович, — очень тесно здесь «Тахмасибу». Все время приходится маневрировать.

Они прошли мимо Жилина, копавшегося в комбайне контроля, и сели перед рацией. Быков

принялся манипулировать верньерами. В динамике завыло и заверещало.

— Музыка сфер, — прокомментировал позади Жилин. — Подключите дешифратор, Алексей Петрович.

— Да, действительно, — сказал Быков. — Я почему-то решил, что это помехи.

— Радист, — презрительно сказал Юрковский.

Динамик вдруг заорал неестественным голосом:

— …минут слушайте Александра Блюмберга, ретрансляция с Земли. Повторяю…

Голос уплыл и сменился сонным похрипыванием. Потом кто-то сказал:»…чем не могу помочь. Придется вам, товарищи, подождать». — «А если мы пришлем свой бот?» — «Тогда ждать придется меньше, но все-таки придется». Быков включил самонастройку, и стрелка поползла по шкале, ненадолго задерживаясь на каждой работающей станции, «…восемьдесят гектаров селеновых батарей для оранжереи, сорок километров медного провода шесть сотых, двадцать километров…», «…масла нет, сахару нет, осталось сто пачек „Геркулеса“, сухари и кофе. Да, и еще сигарет нет…», «…and hear me? I'm not going to stand this

impudance… Hear me? I'm…»[10]. «Ку-два, ку-два, ничего не понял… Что у него за рация?… Ку-два, даю настройку. Раз, два, три…», «…очень соскучилась. Когда же ты вернешься? И почему не пишешь? Целую, твоя Анна. Точка», «…Чэн, не пугайся, это очень просто. Берешь объемный интеграл по гиперболоиду до аш…», «Седьмой, седьмой, для вас очищен третий сектор…», «…Саша, ходят слухи, что какой-то генеральный инспектор прилетел. Чуть ли не сам Юрковский…»

— Хватит, — сказал Юрковский. — Ищи Титан. Паршивцы, — проворчал он. — Уже знают.

— Интересно, — глубокомысленно сказал Быков. — Всего-то их в системе Сатурна полтораста человек, а сколько шуму…

Рация крякала и подвывала. Быков настроился и стал говорить в микрофон:

— Титан, Титан. Я «Тахмасиб». Титан. Титан.

— Титан слушает, — сказал женский голос.

— Генеральный инспектор Юрковский вызывает директора системы. — Быков весело посмотрел на Юрковского. — Я правильно, говорю, Володя? — спросил он в микрофон. Юрковский благосклонно покивал.

---

[10] Примечания: 10

«…И слышите? Я не намерен терпеть эту наглость… Слышите? Я…»

— Алло, алло, «Тахмасиб»! — женский голос стал немножко взволнованным. — Подождите минуту, я соединю вас с директором.

— Ждем, — сказал Быков и пододвинул микрофон к Юрковскому.

Юрковский откашлялся.

— Лизочка! — закричал кто-то в динамике. — Дай-ка мне директора, голубчик? Быстренько!

— Освободите частоту, — строго сказал женский голос. — Директор занят.

— Как это занят? — оскорбленно сказал голос. — Ференц, это ты? Опять без очереди?

— Освободить частоту, — строго сказал Юрковский.

— Всем освободить частоту, — раздался медлительный скрипучий голос. — Директор слушает генерального инспектора Юрковского.

— Ух, ты… — испуганно сказал кто-то. Юрковский самодовольно посмотрел на Быкова.

— Зайцев, — сказал он. — Здравствуй, Зайцев.

— Здравствуй, Володя, — проскрипел директор. — Какими судьбами?

— Я… э-э… слегка инспектирую. Прибыл вчера. Прямо на Диону. Шершня я снял. Подробности после. Значит, сделаем… э-э… так. На смену Шершню пришли Мюллера. Шершня постарайся как

можно скорее отправить на Землю. Шершня и еще там одного. Кравец его фамилия. Из молодых, да ранний. За отправкой проследи лично. И учти, что я тобой недоволен. С этим делом… э-э… ты мог бы справиться сам, и гораздо раньше. Далее… — Юрковский замолчал. В эфире царила почтительная тишина. — Я наметил себе следующий маршрут. Сейчас я иду к «Кольцу-1». Задержусь там на двое-трое суток, а затем загляну к тебе на Титан. Прикажи там, чтобы приготовили горючее для «Тахмасиба». И, наконец, вот что. — Юрковский опять замолчал. — У меня на борту находится один юноша. Это вакуум-сварщик. Один из группы добровольцев, что работают у тебя на Рее. Будь добр, посоветуй, где я его могу высадить, чтобы его немедленно отправили на Рею. — Юрковский снова замолчал. В эфире было тихо. — Так я слушаю тебя, — сказал Юрковский.

— Одну минуту, — сказал директор. — Сейчас здесь наводят справки. Ты что, на «Тахмасибе»?

— Да, — сказал Юрковский. — Вот тут со мной рядом Алексей.

Михаил Антонович крикнул из штурманской:

— Привет Феденьке, привет!

— Вот Миша тебе привет передает.

— А Григорий с тобой?

— Нет, — сказал Юрковский. — А ты разве не знаешь?

В эфире молчали. Потом скрипучий голос осторожно спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, — сказал Юрковский. — Ему просто запретили летать. Вот уже год.

В эфире вздохнули.

— Да-а, — сказал директор. — Вот скоро и мы так же.

— Надеюсь, еще не скоро, — сухо сказал Юрковский. — Ну, как там твои справки?

— Так, — сказал голос. — Минутку. Слушай. На Рею твоему сварщику лететь не нужно. Добровольцев мы перебросили на «Кольцо-2». Там они нужнее. На «Кольцо-2», если повезет, отправишь его прямо с «Кольца-1». А если не повезет — отправим его отсюда, с Титана.

— Что значит — повезет, не повезет?

— Два раза в декаду на Кольцо ходят швейцарцы, возят продовольствие. Возможно, ты застанешь швейцарский бот на «Кольце-1».

— Понимаю, — сказал Юрковский. — Ну, что ж, хорошо. У меня к тебе пока больше ничего нет. До встречи.

— Спокойной плазмы, Володя, — сказал дирек-

тор. — Не провалитесь там в Сатурн.

— Тьфу на тебя, — проворчал Быков и выключил рацию.

— Ясно, кадет? — спросил Юрковский.

— Ясно, — сказал Юра и вздохнул.

— Ты что, недоволен?

— Да нет, работать все равно где, — сказал Юра. — Не в этом дело.

Обсерватория «Кольцо-1» двигалась в плоскости Кольца Сатурна по круговой орбите и делала полный оборот за четырнадцать с половиной часов. Станция была молодая, ее постройку закончили всего год назад. Экипаж ее состоял из десяти планетологов, занятых исследованием Кольца, и четырех инженер-контролеров. Работы у инженер-контролеров было очень много: некоторые агрегаты и системы обсерватории — обогреватели, кислородные регенераторы, гидросистема — еще не были окончательно отрегулированы. Неудобства, связанные с этим, нимало не смущали планетологов, тем более что большую часть времени они проводили в космоскафах, плавая над Кольцом. Работе планетологов Кольца придавалось большое значение в системе Сатурна. Планетологи рассчитывали найти в Кольце воду, железо, редкие металлы — это дало

бы системе автономность в снабжении горючим и материалами. Правда, даже если бы эти поиски увенчались успехом, воспользоваться такими находками пока не представлялось возможным. Не был еще создан снаряд, способный войти в сверкающие толщи колец Сатурна и вернуться оттуда невредимым.

Алексей Петрович Быков подвел «Тахмасиб» к внешней линии доков и осторожно пришвартовался. Подход к искусственным спутникам — дело тонкое, требующее мастерства и ювелирного изящества. В таких случаях Алексей Петрович вставал с кресла и сам поднимался в рубку. У внешних доков уже стоял какой-то бот, судя по обводам — продовольственный танкер.

— Стажер, — сказал Быков. — Тебе повезло. Собирай чемодан.

Юра промолчал.

— Экипаж отпускаю на берег, — объявил Быков. — Если пригласят к ужину — не увлекайтесь. Здесь вам не отель. А лучше всего захватите с собой консервы и минеральную воду.

— Увеличим круговорот, — вполголоса сказал Жилин.

Снаружи послышался скрип и скрежет — это дежурный диспетчер прилаживал к внешнему

люку «Тахмасиба» герметическую перемычку. Через пять минут он сообщил по радио: «Можно выходить. Только одевайтесь потеплее». — «Это почему?» — осведомился Быков. «Мы регулируем кондиционирование», — ответил дежурный и дал отбой.

— Что значит — теплее? — возмутился Юрковский. — Что надевать? Фланель? Или как это там называлось — валенки? Стеганки? Ватники?

Быков сказал:

— Надевай свитер. Надевай теплые носки. Меховую куртку неплохо надеть. С электроподогревом.

— Я надену джемпер, — сказал Михаил Антонович. — У меня есть очень красивый джемпер. С парусом.

— А у меня ничего нет, — грустно сказал Юра. — Могу вот надеть несколько безрукавок.

— Безобразие, — сказал Юрковский. — У меня тоже ничего нет.

— Надень свой халат, — посоветовал Быков и отправился к себе в каюту.

В обсерваторию они вступили все вместе, одетые очень разнообразно и тепло. На Быкове была гренландская меховая куртка. Михаил Антонович тоже надел куртку и натянул на ноги унты.

Унты были лишены магнитных подков, и Михаила Антоновича тащили, как привязной аэростат. Жилин натянул свитер и один свитер дал Юре. Кроме того, на Юре были меховые штаны Быкова, которые он затянул под мышками. Меховые штаны Жилина были на Юрковском. И еще на Юрковском были джемпер Михаила Антоновича с парусом и очень красивый белый пиджак.

В кессоне их встретил дежурный диспетчер в трусах и майке. В кессоне была удушливая жара, как в шведской бане.

— Здравствуйте, — сказал диспетчер. Он оглядел гостей и нахмурился. — Я же сказал: одеться потеплее. Вы же замерзнете в ботинках.

Юрковский зловеще сказал:

— Вы что, молодой человек, шутки со мной хотите шутить?

Диспетчер непонимающе посмотрел на него.

— Какие там шутки? В кают-компании минус пятнадцать.

Быков вытер пот со лба и проворчал:

— Пошли.

Из коридора пахнуло леденящим холодом, ворвались клубы пара. Диспетчер, обхватив себя руками за плечи, завопил:

— Да поскорее же, пожалуйста!

Обшивка коридора была местами разобрана, и желтая сетка термоэлементов бесстыдно блестела в голубоватом свете. Возле кают-компании они столкнулись с инженер-контролером. Инженер был в невообразимо длинной шубе, из-под которой проглядывала голубая майка. На голове инженера красовалась ушанка с торчащими ушами.

Юрковский зябко повел плечами и открыл дверь в кают-компанию.

В кают— компании за столом сидели, пристегнувшись к стульям, пять человек в шубах с поднятыми воротниками. Они были похожи на будочников времен Алексея Тишайшего и сосали горячий кофе из прозрачных термосов. При виде Юрковского один из них отогнул воротник и, выпустив облако пара, сказал:

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич. Что-то вы легко оделись. Садитесь. Кофе?

— Что у вас тут делается? — спросил Юрковский.

— Мы регулируем, — сказал кто-то.

— А где Маркушин?

— Маркушин ждет вас в космоскафе. Там тепло.

— Проводите меня, — сказал Юрковский.

Один из планетологов поднялся и выплыл с Юрковским в коридор. Другой, долговязый вихрастый парень, сказал:

— Скажите, среди вас больше нет генеральных инспекторов?

— Нет, — сказал Быков.

— Тогда я вам прямо скажу: собачья у нас жизнь. Вчера по всей обсерватории была температура плюс тридцать, а в кают-компании даже плюс тридцать три. Ночью температура внезапно упала. Лично я отморозил себе пятку, работать при таких перепадах температуры никому неохота, поэтому работаем мы по очереди в космоскафах. Там автономное кондиционирование. У вас так не бывает?

— Бывает, — сказал Быков. — Во время аварий.

— И это вы так целый год живете? — с ужасом и жалостью спросил Михаил Антонович.

— Нет, что вы! Всего около месяца. Раньше перепады температуры были не так значительны. Но мы организовали бригаду помощи инженерам, и вот… Сами видите.

Юра старательно сосал горячий кофе. Он чувствовал, что замерзает.

— Бр-р-р, — сказал Жилин. — Скажите, а нет ли здесь какого-нибудь оазиса?

Планетологи переглянулись.

— Разве что в кессоне, — сказал один.

— Или в душевой, — сказал другой. — Но там сыро.

— Неуютно очень, — пожаловался Михаил Антонович.

— Ну, вот что, — сказал Быков. — Пойдемте все к нам.

— И-эх, — сказал долговязый планетолог. — А потом опять сюда возвращаться?

— Пойдемте, пойдемте, — сказал Михаил Антонович. — Там и побеседуем.

— Как-то это не по правилам гостеприимства, — нерешительно сказал долговязый.

Наступило молчание. Юра сказал:

— Как мы забавно сидим — четыре на четыре. Прямо как шахматный матч.

Все посмотрели на него.

— Пошли, пошли к нам, — сказал Быков, решительно поднимаясь.

— Как-то это неловко, — сказал один из планетологов. — Давайте посидим у нас. Может, еще разговоримся.

Жилин сказал:

— У нас тепло. Маленький поворот регулятора — и можно сделать жарко. Мы будем сидеть в

легких красивых одеждах. Не будем шмыгать носами.

В кают— компанию просунулся угрюмый человек в шубе на голое тело. Глядя в потолок он неприветливо сказал:

— Прошу прощения, конечно, но разошлись бы вы, в самом деле, по каютам. Через пять минут мы перекроем здесь воздух.

Человек скрылся. Быков, не говоря ни слова, двинулся к выходу. Все потянулись за ним.

В торжественном молчании они прошли коридор, захлебнулись горячим воздухом в пустом кессоне и вступили на борт «Тахмасиба». Долговязый планетолог проворно стащил с себя шубу и пиджак и принялся сматывать с шеи шарф. Теплую амуницию запихали в стенной шкаф. Потом состоялись представления и взаимные пожимания ледяных рук. Долговязого планетолога звали Рафаил Горчаков. Остальные трое, как выяснилось, были Иозеф Влчек, Евгений Садовский и Павел Шемякин. Оттаяв, они оказались веселыми разговорчивыми ребятами. Очень скоро выяснилось, что Горчаков и Садовский исследуют турбулентные движения в Кольце, не женаты, любят Грэма Грина и Строгова, предпочитают кино театру, в настоящий момент

читают в подлиннике «Опыты» Монтеня, неореалистическую живопись не понимают, но не исключают возможности, что в ней что-то есть; что Иозеф Влчек ищет в Кольце железную руду методом нейтронных отражений и при помощи бомб-вспышек, что по профессии он скрипач, был чемпионом Европы по бегу на четыреста метров с барьерами, а в систему Сатурна попал, мстя своей девушке за холодность и нечуткое к нему отношение; что, наконец, Павел Шемякин, напротив, женат, имеет детей, работает ассистентом в институте планетологии, яро выступает за гипотезу об искусственном происхождении Кольца и намерен «голову сложить, но превратить гипотезу в теорию».

— Вся беда в том, — горячо говорил он, — что наши космоскафы как исследовательские снаряды не выдерживают никакой критики. Они очень тихоходны и очень непрочны. Когда я сижу в космоскафе над Кольцом, мне просто плакать хочется от обиды. Ведь рукой подать… А спускаться в Кольцо нам решительно запрещают. А я совершенно уверен, что первый же поиск в Кольце дал бы что-нибудь интересное. По крайней мере какую-нибудь зацепку…

— Какую, например? — спросил Быков.

— Н-ну, я не знаю!...

— Я знаю, — сказал Горчаков. — Он надеется найти на каком-нибудь булыжнике след босой ноги. Знаете, как он работает? Опускается как можно ближе к Кольцу и рассматривает обломки в сорокакратный биноктар. А в это время сзади подбирается здоровенный астероид и бьет его под корму. Паша надевается глазами на биноктар, а пока он свинчивается, другой астероид...

— Ну, и глупо, — сердито сказал Шемякин. — Если бы удалось показать, что Кольцо — результат распада какого-то тела, это уже означало бы многое, а между тем ловлей обломков нам заниматься запрещено.

— Легко сказать — поймать обломок, — сказал Быков. — Я знаю эту работу. Весь в поту и так до конца и не знаешь, кто кого поймал, а потом выясняется, что ты сбил аварийную ракету и горючего у тебя не хватит до базы. Не-ет, правильно делают, что запрещают эту ерунду.

Михаил Антонович вдруг сказал, мечтательно закатив глаза:

— Но зато, мальчики, как это увлекательно! Какая это живая, тонкая работа!

Планетологи посмотрели на него с почтительным удивлением. Юра тоже. Ему никогда не

приходило в голову, что толстый добрый Михаил Антонович занимался когда-то охотой на астероиды. Быков холодно посмотрел на Михаил Антоновича и звучно откашлялся. Михаил Антонович испуганно оглянулся на него и торопливо заявил:

— Но это, конечно, очень опасно… Неоправданный риск… И вообще не надо…

— Кстати, о следах, — задумчиво сказал Жилин. — Вы тут далеки от источников информации, — он оглядел планетологов. — И, наверное, не знаете…

— А о чем речь? — спросил Садовский. По его лицу было видно, что он основательно изголодался по информации.

— На острове Хонсю, — сказал Жилин, — недалеко от бухты Данно-ура, в ущелье между горами Сираминэ и Титигатакэ, в непроходимом лесу археологи обнаружили систему пещер. В этих пещерах нашли множество первобытной утвари и — что самое интересное — много окаменевших следов первобытных людей. Археологи считают, что в пещерах двести веков назад обитали первояпонцы, потомки коих были впоследствии вырезаны племенами ямато, ведомыми императором Дзимму-тэнно, божественным внуком

небоблистающей Аматэрасу.

Быков крякнул и взялся за подбородок.

— Эта находка всполошила весь мир, — сказал Жилин, — вероятно, вы слыхали об этом.

— Где уж нам… — грустно сказал Садовский. — Живем как в лесу…

— А между тем об этом много писали и говорили, но не в этом дело. Самая любопытная находка была сделана сравнительно недавно, когда основательно расчистили центральную пещеру. Представьте себе: в окаменевшей глине оказалось свыше двадцати пар следов босых ног с далеко отставленными большими пальцами, и среди них… — Жилин обвел круглыми глазами лица слушателей. Юре было все ясно, но тем не менее эффектная пауза произвела на него большое впечатление. — След ботинка… — сказал Жилин обыкновенным голосом. Быков поднялся и пошел из кают-компании.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Куда же ты?

— Я уже знаю эту историю, — сказал Быков, не оборачиваясь. — Я читал. Я скоро приду.

— Ботинка? — переспросил Садовский. — Какого ботинка?

— Примерно сорок пятого размера, — сказал

Жилин. — Рубчатая подошва, низкий каблук, тупой квадратный носок.

— Бред, — решительно сказал Влчек. — Утка.

Горчаков засмеялся и спросил:

— А не отпечаталась ли там фабричная марка «Скороход»?

— Нет, — сказал Жилин. Он покачал головой. — Если бы там была хоть какая-нибудь надпись! Просто след ботинка… слегка перекрыт следом босой ноги — кто-то наступил позже.

— Ну, это же утка! — сказал Влчек. — Это же ясно. Массовый отлов русалок на острове Мэн, дух Буонапарте, вселившийся в Массачусетскую электронную машину…

— «Солнечные пятна расположены в виде чертежа пифагоровой теоремы!» — провозгласил Садовский. — «Жители Солнца ищут контакта с МУКСом!»

— Что-то ты, Ванюша, немножко… это… — сказал Михаил Антонович недоверчиво.

Шемякин молчал. Юра тоже.

— Я читал перепечатку из научного приложения к «Асахи-симбун», — сказал Жилин. — Сначала я тоже думал, что это утка. В наших газетах такое сообщение не появлялось. Но статья подписана профессором Усодзуки — крупный человек,

я слыхал о нем от японских ребят. Там он, между прочим, пишет, что хочет своей статьей положить конец потоку дезинформации, но никаких комментариев давать не собирается. Я понял так, что они сами не знают, как это объяснить.

— «Отважный европеец в лапах разъяренных синантропов!» — Провозгласил Садовский. — «Съеден целиком, остался только след ботинка фирмы „Шуз Маджестик“. Покупайте изделия „Шуз Маджестик“, если хотите, чтобы после вас хоть что-нибудь осталось».

— Это были не синантропы, — терпеливо сказал Жилин. — Большой палец отличается даже на глаз. Профессор Усодзуки называет их нахонантропами.

Шемякин, наконец, не выдержал.

— А почему, собственно, обязательно утка? — спросил он. — Почему мы всегда из всех гипотез выбираем наивероятнейшие?

— Действительно, почему? — сказал Садовский. — Следы, оставил, конечно, Пришелец, и первый контакт закончился трагически.

— А почему бы и нет? — сказал Шемякин. — Кто мог носить ботинок двести столетий назад?

— Елки-палки, — сказал Садовский. — Если говорить серьезно, то это след одного из архео-

логов.

Жилин замотал головой.

— Во-первых, глина там совершенно окаменела. Возраст следа не вызывает сомнений. Неужели вы думаете, что Усодзуки не подумал о такой возможности?

— Тогда это утка, — упрямо сказал Садовский.

— Скажите Иван, — сказал Шемякин, — а фотография следа не приводилась?

— А как же, — сказал Жилин. — И фотография следа, и фотография пещеры, и фотография Усодзуки… Причем учтите, у японцев самый большой размер сорок второй. От силы сорок третий.

— Давайте так, — сказал Горчаков. — Будем считать, что перед нами стоит задача построить логически непротиворечивую гипотезу, объясняющую эту японскую находку.

— Пожалуйста, — сказал Шемякин. — Я предлагаю — Пришелец. Найдите в этой гипотезе противоречие.

Садовский махнул рукой.

— Опять Пришелец, — сказал он. — Просто какой-нибудь бронтозавр.

— Проще предположить, — сказал Горчаков, — что это все-таки след какого-нибудь европейца. Какого-нибудь туриста.

— Да, это либо какое-нибудь неизвестное животное, либо турист, — сказал Влчек. — Следы животных имеют иногда удивительные формы.

— Возраст, возраст… — тихонько сказал Жилин.

— Тогда просто неизвестное животное.

— Например, утка, — сказал Садовский.

Вернулся Быков, солидно устроился в кресле и спросил:

— Ну-ну, что тут у вас?

— Вот товарищи пытаются как-то объяснить японский след, — сказал Жилин. — Предлагаются: Пришелец, европеец, неизвестное животное.

— И что же? — сказал Быков.

— Все эти гипотезы, — сказал Жилин, — даже гипотеза о пришельце, содержат одно чудовищное противоречие.

— Какое? — спросил Шемякин.

— Я забыл вам сказать, — сказал Жилин. — Площадь пещеры сорок квадратных метров. След ботинка находится в самой середине пещеры.

— Ну, и что же? — спросил Шемякин.

— И он один, — сказал Жилин.

Некоторое время все молчали.

— Н-да, — сказал Садовский. — Баллада об одноногом Пришельце.

— Может, остальные следы стерты? — предположил Влчек.

— Абсолютно исключено, — сказал Жилин. — Двадцать пар совершенно отчетливых следов босых ног по всей пещере и один отчетливый след ботинка посередине.

— Значит так, — сказал Быков. — Пришелец был одноногий. Его принесли в пещеру, поставили вертикально и, выяснив отношения, съели на месте.

— А что? — сказал Михаил Антонович. — По-моему, логически непротиворечиво. А?

— Плохо, что он одноногий, — задумчиво сказал Шемякин. — Трудно представить одноногое разумное существо.

— Возможно, он был инвалид? — предположил Горчаков.

— Одну ногу могли съесть сразу, — сказал Садовский.

— Бог знает, какой ерундой мы занимаемся, — сказал Шемякин. — Пойдемте работать.

— Нет уж, извини, — сказал Влчек. — Надо расследовать. У меня есть такая гипотеза: у Пришельца был очень широкий шаг. Они все там такие ненормально длинноногие.

— Он бы разбил себе голову о свод пещеры, —

возразил Садовский. — Скорее всего он был крылатый — прилетел в пещеру, увидел, что его нехорошо ждут, оттолкнулся и улетел. А сами-то вы что думаете, Иван?

Жилин открыл рот, чтобы ответить, но вместо этого поднял палец и сказал:

— Внимание! Генеральный инспектор!

В кают— компанию вошел красный, распаренный Юрковский.

— Ф-фу! — сказал он. — Как хорошо, прохладно. Планетологи, вас зовет начальство. И учтите, что у вас там сейчас около сорока градусов. — Он повернулся к Юре. — Собирайся, кадет. Я договорился с капитаном танкера, он забросит тебя на «Кольцо-2». — Юра вздрогнул и перестал улыбаться. — Танкер стартует через несколько часов, но лучше пойти туда заблаговременно. Ваня, проводишь его. Да! Планетологи! Где планетологи? — Он выглянул в коридор. — Шемякин! Паша! Приготовь фотографии, которые ты сделал над Кольцом. Мне надо посмотреть. Михаил, не уходи, погоди минуточку. Останься здесь, Алексей, брось книжку, мне нужно поговорить с тобой.

Быков отложил книжку. В кают-компании остались только он, Юрковский и Михаил Антонович. Юрковский, неуклюже раскачиваясь,

пробежался из угла в угол.

— Что это с тобой? — осведомился Быков, подозрительно следя за его эволюциями.

Юрковский резко остановился.

— Вот что, Алексей, — сказал он. — Я договорился с Маркушиным, он дает мне космоскаф. Я хочу полетать над Кольцом. Абсолютно безопасный рейс, Алексей. — Юрковский неожиданно разозлился. — Ну, чего ты так смотришь? Ребята совершают такие рейсы по два раза в сутки уже целый год. Да, я знаю, что ты упрям. Но я не собираюсь забираться в Кольцо. Я хочу полетать над Кольцом. Я подчиняюсь твоим распоряжениям. Уважь и ты мою просьбу. Я прошу тебя самым нижайшим образом, черт возьми. В конце концов друзья мы или нет?

— В чем, собственно, дело? — сказал Быков спокойно.

Юрковский опять пробежался по комнате.

— Дай мне Михаила, — отрывисто сказал он.

— Что-о-о? — сказал Быков, медленно выпрямляясь.

— Или я полечу один, — сейчас же сказал Юрковский. — А я плохо знаю космоскафы.

Быков молчал. Михаил Антонович растерянно переводил глаза с одного на другого.

— Мальчики, — сказал он. — Я ведь с удовольствием… О чем разговор?

— Я мог бы взять пилота на станции, — сказал Юрковский. — Но я прошу Михаила, потому что Михаил в сто раз опытнее и осторожнее, чем все они, вместе взятые. Ты понимаешь? Осторожнее!

Быков молчал. Лицо у него стало темное и угрюмое.

— Мы будем предельно осторожны, — сказал Юрковский. — Мы будем идти на высоте двадцать-тридцать километров над средней плоскостью, не ниже. Я сделаю несколько крупномасштабных снимков, понаблюдаю визуально, и через два часа мы вернемся.

— Алешенька, — робко сказал Михаил Антонович. — Ведь случайные обломки над Кольцом очень редки. И они не так уж страшны. Немного внимательности…

Быков молча смотрел на Юрковского. «Ну, что с ним делать? — думал он. — Что делать с этим старым безумцем? У Михаила больное сердце. Он в последнем рейсе. У него притупилась реакция, а в космоскафах ручное управление. А я не могу водить космоскаф. И Жилин не может. А молодого пилота с ним отпускать нельзя. Они уговорят друг друга нырнуть в Кольцо. Почему я

не научился водить космоскаф, старый я дурак?»

— Алеша, — сказал Юрковский. — Я тебя очень прошу. Ведь я, наверное, больше никогда не увижу колец Сатурна. Я старый, Алеша.

Быков поднялся и, ни на кого не глядя, молча вышел из кают-компании. Юрковский закрыл лицо руками.

— Ах, беда какая! — сказал он с досадой. — Ну, почему у меня такая отвратительная репутация? А, Миша?

— Очень ты неосторожный, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Право же, ты сам виноват.

— А зачем быть осторожным? — спросил Юрковский. — Ну, скажи, пожалуйста, зачем? Чтобы дожить до полной духовной и телесной немощи? Дождаться момента, когда жизнь опротивеет, и умереть от скуки в кровати? Смешно же, Михаил, в конце концов так трястись над собственной жизнью.

Михаил Антонович покачал головой.

— Экий ты, Володенька, — сказал он тихо. — И как ты не понимаешь, голубчик, ты-то умрешь — и все. А ведь после тебя люди останутся, друзья. Знаешь, как им горько будет? А ты только о себе, Володенька, все о себе.

— Эх, Миша, — сказал Юрковский, — не хочется мне с тобой спорить. Скажи-ка ты мне лучше, согласится Алексей или нет?

— Да он, по-моему, уже согласился, — сказал Михаил Антонович. — Разве ты не видишь? Я-то его знаю, пятнадцать лет на одном корабле.

Юрковский снова пробежался по комнате.

— Ты-то хоть, Михаил, хочешь лететь или нет? — закричал он. — Или ты тоже… «соглашаешься»?

— Очень хочется, — сказал Михаил Антонович и покраснел. — На прощание.

Юра укладывал чемодан. Он никогда как следует не умел укладываться, а сейчас вдобавок торопился, чтобы незаметно было, как ему не хочется уходить с «Тахмасиба». Иван стоял рядом, и до чего же грустно было думать, что сейчас с ним придется проститься и что они больше никогда не встретятся. Юра как попало запихивал в чемодан белье, тетрадки с конспектами, книжками — в том числе «Дорогу дорог», о которой Быков сказал: «Когда эта книга тебе начнет нравиться, можешь считать себя взрослым». Иван, насвистывая, веселыми глазами следил за Юрой. Юра, наконец, закрыл чемодан, грустно оглядел каюту и сказал:

— Вот и все, кажется.

— Ну, раз все, пойдем прощаться, — сказал Жилин.

Он взял у Юры невесомый чемодан, и они пошли по кольцевому коридору, мимо плавающих в воздухе десятикилограммовых гантелей, мимо душевой, мимо кухни, откуда пахло овсяной кашей, в кают-компанию. В кают-компании был только Юрковский. Он сидел за пустым столом, обхватив ладонями залысую голову, и перед ним лежал прижатый к столу зажимами одинокий чистый листок бумаги.

— Владимир Сергеевич, — сказал Юра. Юрковский поднял голову.

— А, кадет, — сказал он, печально улыбаясь. — Что ж, давай прощаться.

Они пожали друг другу руки.

— Я вам очень благодарен, — сказал Юра.

— Ну-ну, — сказал Юрковский. — Что ты, брат, в самом деле. Ты же знаешь, я не хотел тебя брать. И напрасно не хотел. Что же тебе пожелать на прощание? Побольше работай, Юра. Работай руками, работай головой. В особенности не забывай работать головой. И помни, что настоящие люди — это те, кто много думает о многом. Не давай мозгам закиснуть. — Юрковский посмотрел на

Юру с знакомым выражением: как будто ожидал, что Юра вот сейчас, немедленно изменится к лучшему. — Ну, ступай.

Юра неловко поклонился и вышел из кают-компании. У дверей в рубку он оглянулся. Юрковский задумчиво смотрел ему вслед, но, кажется, уже не видел его. Юра поднялся в рубку. Михаил Антонович и Быков разговаривали возле пульта управления. Когда Юра вошел, они замолчали и посмотрели на него.

— Так, — сказал Быков. — Ты готов, Юрий. Иван, значит, ты его проводишь.

— До свидания, — сказал Юра. — Спасибо.

Быков молча протянул ему огромную ладонь.

— Большое вам спасибо, Алексей Петрович, — повторил Юра. — И вам, Михаил Антонович.

— Не за что, не за что, Юрик, — заговорил Михаил Антонович. — Счастливой тебе работы. Обязательно напиши мне письмецо. Адресок ты не потерял?

Юра молча похлопал себя по нагрудному карману.

— Ну, вот и хорошо, ну, вот и прекрасно. Напиши, а если захочешь — приезжай. Право же, как вернешься на Землю, так и приезжай. У нас весело. Много молодежи. Мемуары мои почитаешь.

Юра слабо улыбнулся.

— До свидания, — сказал он.

Михаил Антонович помахал рукой, а Быков прогудел:

— Спокойной плазмы, стажер.

Юра и Жилин вышли из рубки. В последний раз открылась и закрылась за Юрой дверь кессона.

— Прощай, «Тахмасиб», — сказал Юра.

Они прошли по бесконечному коридору обсерватории, где было жарко, как в бане, и вышли на вторую доковую палубу. У раскрытого люка танкера сидел на маленькой бамбуковой скамеечке голенастый рыжий человек в расстегнутом кителе с золотыми пуговицами и в полосатых шортах. Глядясь в маленькое зеркальце, он расчесывал пятерней рыжие бакенбарды и, выпятив челюсть, дудел какой-то тирольский мотив. Увидев Юру и Жилина, он спрятал зеркальце в карман и встал.

— Капитан Корф? — сказал Жилин.

— Йа, — сказал рыжий.

— На «Кольцо-2», — сказал Жилин, — вы доставите вот этого товарища. Генеральный инспектор говорил с вами, не так ли?

— Йа, — сказал рыжий капитан Корф. — Отчень корошо. Багаж?

Жилин протянул ему чемодан.

— Йа, — сказал капитан Корф в третий раз.

— Прощай, Юрка, — сказал Жилин. — Не вешай ты, пожалуйста, носа. Что за манера, в самом деле?

— Ничего я не вешаю, — сказал Юра печально.

— Я отлично знаю, почему ты вешаешь нос, — сказал Жилин. — Ты вообразил, что мы больше никогда не встретимся, и не замедлил сделать из этого трагедию. А трагедии никакой нет. Тебе еще сто лет встречаться с разными хорошими и плохими людьми. А можешь ты мне ответить на вопрос: чем один хороший человек отличается от другого хорошего человека?

— Не знаю, — сказал Юра со вздохом.

— Я тебе скажу, — сказал Жилин. — Ничем существенным не отличается. Вот завтра ты будешь со своими ребятами. Завтра все тебе будут завидовать, а ты будешь хвастаться. Мы, мол, с инспектором Юрковским… Расскажешь, как ты стрелял в пиявок на Марсе, как своими руками вот таким стулом изничтожил мистера Ричардсона на Бамберге, как спас синеглазую девушку от злодея Шершня. Про смерть-планетчиков ты тоже чего-нибудь наврешь.

— Да что вы, Ваня, — сказал Юра, слабо улыбаясь.

— Ну, а почему же? Воображение у тебя живое. Могу себе представить, как ты споешь им балладу об одноногом Пришельце. Только учти. Честно говоря, там было два следа. Про второй след я не успел рассказать. Второй след был на потолке, в точности над первым. Не забудь. Ну, прощай.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — тихонько завопил сзади капитан Корф.

— До свидания, Ваня, — сказал Юра. Он двумя руками пожал руку Жилина. Жилин похлопал его по плечу, повернулся и вышел в коридор. Юра услышал, как в коридоре крикнули:

— Иван! Есть еще одна гипотеза! Там, в пещере, не было никакого Пришельца. Был только его ботинок.

Юра слабо улыбнулся.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — распевал позади капитан Корф, расчесывая рыжие бакенбарды.

13. «КОЛЬЦО-1». ДОЛЖЕН ЖИТЬ

олоденька, подвинься немножко, — сказал Михаил Антонович. — А то я прямо в тебя локтем упираюсь. Если вдруг придется, скажем, делать вираж...

— Изволь, изволь, — сказал Юрковский. — Только мне, собственно, некуда. Удивительно тесно здесь. Кто строил эти... э-э... аппараты...

— А вот так... И хватит, и хватит, Володенька...

В космоскафе было очень тесно. Маленькая круглая ракета была рассчитана только на одного человека, но обычно в нее забирались по двое. Мало того, по правилам безопасности при работах над Кольцом экипажу надлежало быть

в скафандрах с откинутым колпаком. Вдвоем, да еще в скафандрах, да еще с колпаками, висящими за спиной, в космоскафе было не повернуться. Михаилу Антоновичу досталось удобное кресло водителя с широкими мягкими ремнями, и он очень переживал, что другу Володеньке приходится корчиться где-то между чехлом регенератора и пультом бомбосбрасывателя.

Юрковский, прижимая лицо к нарамнику бинокулара, время от времени щелкал затвором фотокамеры.

— Чуть-чуть притормози, Миша, — приговаривал он. — Так… остановись… Фу ты, до чего у них тут все неудобно устроено…

Михаил Антонович, с удовольствием покачивая штурвал, глядел, не отрываясь, на экран телепроектора. Космоскаф медленно плыл в двадцати пяти километрах от средней плоскости Кольца. Впереди исполинским мутно-желтым горбом громоздился водянистый Сатурн. Ниже, вправо и влево, на весь экран тянулось плоское сверкающее поле. Вдали оно заволакивалось зеленоватой дымкой, и казалось, что гигантская планета рассечена пополам. А под космоскафом проползало каменное крошево. Радужные россыпи угловатых обломков, мелкого щебня,

блестящей искрящейся пыли. Иногда в этом крошеве возникали странные вращательные движения, и тогда Юрковский говорил: «Притормози, Михаил… Вот так…» — И несколько раз щелкал затвором. Эти неопределенные и непонятные движения привлекали особенное внимание Юрковского. Кольцо не было пригоршней камней, брошенных в мертвое инертное движение вокруг Сатурна; оно жило своей странной, непостижимой жизнью, и в закономерностях этой жизни еще предстояло разобраться.

Михаил Антонович был счастлив. Он нежно сжимал податливые рукоятки штурвала, с наслаждением чувствуя, как мягко и послушно отзывается ракета на каждое движение его пальцев. Как это было прекрасно — вести корабль без киберштурмана, безо всякой там электроники, бионики и кибернетики, надеяться только на себя, упиваться полной и безграничной уверенностью в себе и знать, что между тобой и кораблем — только этот мягкий удобный штурвал и не приходится привычным усилием воли подавлять в себе мысль, что у тебя под ногами клокочет хотя и усмиренная, но страшная сила, способная разнести в пыль целую планету. У Михаила Антоновича было богатое воображение, в душе он

всегда был немножко ретроградом, и медлительный космоскаф с его слабосильным двигателем казался ему уютным и домашним по сравнению с фотонным чудовищем «Тахмасибом» и с другими такими же чудовищами, с которыми пришлось иметь дело Михаилу Антоновичу за двадцать пять лет штурманской работы.

Кроме того, его, как всегда, приводили в тихий восторг сверкающие радугой алмазные россыпи Кольца. У Михаила Антоновича всегда была слабость к Сатурну и к его кольцам. Кольцо было изумительно красиво. Оно было гораздо красивее, чем об этом мог рассказать Михаил Антонович, и все же каждый раз, когда он видел Кольцо, ему хотелось рассказать.

— Хорошо как, — сказал он наконец. — Как все переливается. Я, может быть, не могу…

— Притормози-ка, Миша, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович притормозил.

— Вот есть лунатики, — сказал он. — А у меня такая же слабость…

— Притормози еще, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович замолчал и притормозил еще. Юрковский щелкал затвором. Михаил Антонович помолчал и позвал в микрофон:

— Алешенька, ты нас слушаешь?

— Слушаю, — басом отозвался Быков.

— Алешенька, у нас все в порядке, — торопливо сообщил Михаил Антонович. — Я просто хотел поделиться. Очень красиво здесь, Алешенька. Солнце так переливается на камнях… и пыль так серебрится… Какой ты молодец, Алешенька, что отпустил нас. Напоследок хоть посмотреть… Ах, ты бы посмотрел, как тут камушек один переливается! — От полноты чувств он снова замолчал.

Быков подождал немного и спросил:

— Вы долго еще намерены идти к Сатурну?

— Долго, долго! — раздраженно сказал Юрковский. — Ты бы шел, Алексей, занялся бы чем-нибудь. Ничего с нами не случится.

Быков сказал:

— Иван делает профилактику. — Он помолчал. — И я тоже.

— Ты не беспокойся, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Шальных камней нет, все очень спокойно, безопасно.

— Это хорошо, что шальных камней нет, — сказал Быков. — Но ты все-таки будь повнимательнее.

— Притормози, Михаил, — приказал Юрковский.

— Что это там? — спросил Быков.

— Турбуленция, — ответил Михаил Антонович.

— А, — сказал Быков и замолчал.

Минут пятнадцать прошло в молчании. Космоскаф удалился от края Кольца уже на триста километров. Михаил Антонович покачивал штурвал и боролся с желанием разогнаться посильнее, так, чтобы сверкающие обломки внизу слились в сплошную сверкающую полосу. Это было бы очень красиво. Михаил Антонович любил делать такие вещи, когда был помоложе.

Юрковский вдруг сказал шепотом:

— Остановись.

Михаил Антонович притормозил.

— Остановись, говорят! — сказал Юрковский. — Ну?

Космоскаф повис неподвижно. Михаил Антонович оглянулся на Юрковского. Юрковский так втиснул лицо в нарамник, словно хотел продавить корпус космоскафа и выглянуть наружу.

— Что там? — спросил Михаил Антонович.

— Что у вас? — спросил Быков.

Юрковский не ответил.

— Михаил! — закричал вдруг он. — По вращению Кольца… Видишь под нами длинный черный обломок? Иди прямо над ним… точно над

ним, не обгоняя…

Михаил Антонович повернулся к экрану, нашел длинный черный обломок внизу и повел космоскаф, стараясь не выпускать обломок из визирного перекрестья.

— Что там у вас? — снова спросил Быков.

— Какой-то обломок, — сказал Михаил Антонович. — Черный и длинный.

— Уходит, — сказал Юрковский сквозь зубы. — Медленнее на метр! — крикнул он.

Михаил Антонович снизил скорость.

— Нет, так не получится, — сказал Юрковский. — Миша, смотри, черный обломок видишь? — Он говорил очень быстро и шепотом.

— Вижу.

— Прямо по курсу на два градуса от него группа камней…

— Вижу, — сказал Михаил Антонович. — Там что-то блестит так красиво.

— Вот-вот… Держи на этот блеск… Не потеряй только… Или у меня в глазах что-то такое?

Михаил Антонович ввел блестящую точку в визирное перекрестие и дал максимальное увеличение на телепроектор. Он увидел пять округлых, странно одинаковых белых камней, а между ними — что-то блестящее, неясное, похо-

жее на серебристую тень растопыренного паука. Словно камни расходились, а паук цеплялся за них расставленными голыми лапами.

— Как забавно! — вскричал Михаил Антонович.

— Да что там у вас? — заорал Быков.

— Погоди, погоди, Алексей, — пробормотал Юрковский. — Здесь надо снизиться…

— Начинается, — сказал Быков. — Михаил! Ни на метр ниже!

Взволнованный Михаил Антонович, сам того не замечая, уже вел космоскаф вниз. Это было так удивительно и непонятно — пять одинаковых белых глыб и совершенно непривычных очертаний серебристая тень между ними.

— Михаил! — рявкнул Быков и замолчал.

Михаил Антонович опомнился и резко затормозил.

— Ну, что же ты? — не своим голосом закричал Юрковский. — Упустишь!

Длинный черный обломок медленно, едва заметно для глаза наползал на странные камни.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Здесь в самом деле что-то очень странное! Можно я еще немножко спущусь? Плохо видно!

Быков молчал.

— Упустишь, упустишь, — рычал Юрковский.

— Алешенька! — отчаянно закричал Михаил Антонович. — Я спущусь! На пять километров, а?

Он судорожно сжимал рукоятки штурвала, стараясь не выпускать блестящий предмет из перекрестия. Черный обломок надвигался медленно и неумолимо. Быков не отвечал.

— Да спускайся же, спускайся, — сказал Юрковский неожиданно спокойно.

Михаил Антонович в отчаянии посмотрел на спокойно мерцающий экран метеоритного локатора и повел космоскаф вниз.

— Алешенька, — бормотал он. — Я чуть-чуть, только чтобы из виду не упустить. Вокруг все спокойно, пусто.

Юрковский торопливо щелкал затворами фотокамер. Черный длинный обломок наползал, наползал и, наконец, надвинулся, закрыв белые камни и блестящего паучка между ними.

— Эх, — сказал Юрковский. — С твоим Быковым…

Михаил Антонович затормозил.

— Алешенька! — позвал он. — Вот и все.

Быков все молчал, и тогда Михаил Антонович посмотрел на рацию. Прием был выключен.

— Ай-яй-яй-яй! — закричал Михаил Антоно-

вич. — Как же это я… Локтем, наверное?

Он включил прием.

— …хаил, назад! Михаил, назад! Михаил, назад!… — Монотонно повторял Быков.

— Слышу, слышу, Алешенька! Здесь я нечаянно прием выключил.

— Немедленно возвращайтесь назад, — сказал Быков.

— Сейчас, сейчас, Алешенька! — сказал Михаил Антонович. — Мы уже все кончили и все в порядке… — он замолчал. Продолговатый черный обломок постепенно уплывал, открывая снова группу белых камней. Снова вспыхнул на солнце серебристый паучок.

— Что у вас там происходит? — спросил Быков. — Можете вы мне толком объяснить или нет?

Юрковский, отпихнув Михаила Антоновича, нагнулся к микрофону.

— Алексей! — крикнул он. — Ты помнишь сказку про гигантскую флюктуацию? Кажется, нам выпал-таки один шанс на миллиард!

— Какой шанс?

— Мы, кажется, нашли…

— Смотри, смотри, Володенька! — пробормотал Михаил Антонович, с ужасом глядя на экран.

Масса плотной серой пыли надвигалась сбоку, и над ней плыли наискосок десятки блестящих угловатых глыб. Юрковский даже застонал: сейчас заволочет, закроет, сомнет и утащит невесть куда и эти странные белые камни и этого серебристого паучка, и никто никогда не узнает, что это было…

— Вниз! — заорал он. — Михаил, вниз!…

Космоскаф дернулся.

— Назад! — крикнул Быков. — Михаил, я приказываю: назад!

Юрковский протянул руку и выключил прием.

— Вниз, Миша, вниз… Только вниз… И поскорее.

— Что ты, Володенька! Нельзя же — приказ! Что ты! — Михаил Антонович повернулся к рации. Юрковский поймал его за руку.

— Посмотри на экран, Михаил, — сказал он. — Через двадцать минут будет поздно… — Михаил Антонович молча рвался к рации. — Михаил, не будь дураком… Нам выпал один шанс на миллиард… Нам никогда не простят… Да пойми ты, старый дурак!

Михаил Антонович дотянулся-таки до рации и включил прием. Они услыхали, как тяжело дышит Быков.

— Нет, они нас не слышат, — сказал он кому-то.

— Миша, — хрипло зашептал Юрковский. — Я тебе не прощу никогда в жизни, Миша… Я забуду, что ты был моим другом, Миша… Я забуду, что мы были вместе на Голконде… Миша, это же смысл моей жизни, пойми… Я ждал этого всю жизнь… Я верил в это… Это Пришельцы, Миша… — Михаил Антонович взглянул ему в лицо и зажмурился: он не узнал Юрковского. — Миша, пыль надвигается… Выводи под пыль, Миша, прошу, умоляю… Мы быстро, мы только поставим радиобакен и сразу вернемся. Это же совсем просто и неопасно, и никто не узнает…

— Ну вот, что ты с ним будешь делать? — вскричал Быков.

— Они что-то нашли, — сказал голос Жилина.

— Нельзя ведь. Не проси. Нельзя. Ведь я же обещал. Он с ума сойдет от беспокойства. Не проси…

Серая пелена пыли надвинулась вплотную.

— Пусти, — сказал Юрковский. — Я сам поведу.

Он стал молча выдирать Михаила Антоновича из кресла. Это было так дико и страшно, что Михаил Антонович совсем потерялся.

— Ну, хорошо, — забормотал он. — Ну, ладно… Ну, подожди… — Он все никак не мог узнать лица

Юрковского, это было похоже на жуткий сон.

— Михаил Антонович! — позвал Жилин.

— Я, — слабо сказал Михаил Антонович, и Юрковский изо всех сил ударил по рычажку бронированным кулаком. Металлическая перчатка срезала рычажок словно бритвой.

— Вниз! — заревел Юрковский.

Михаил Антонович, ужаснувшись, бросил космоскаф в двадцатикилометровую пропасть. Он весь содрогался от жалости и страшных предчувствий. Прошла минута, другая…

Юрковский сказал ясным голосом:

— Миша, Миша, я же понимаю…

Ноздреватые каменные глыбы на экране росли, медленно поворачивались. Юрковский привычным движением надвинул на голову прозрачный колпак скафандра.

— Миша, Миша, я же понимаю, — услышал Жилин голос Юрковского.

Быков, сгорбившись, сидел перед рацией, обеими руками вцепившись в стойку бесполезного микрофона. Он мог только слушать, и пытаться понять, что происходит, и ждать, и надеяться. Вернутся — изобью в кровь, думал он. Этого паиньку штурмана и этого генерального мерзавца. Нет. Не изобью. Только бы вернулись. Только бы

вернулись. Рядом — руки в карманы — молчал угрюмый Жилин.

— Камни, — жалобно сказал Михаил Антонович, — камни…

Быков закрыл глаза. Камни в Кольце. Острые, тяжелые. Летят, ползут, крутятся. Обступают. Подталкивают, отвратительно скрипят по металлу. Толчок. Потом толчок посильнее. Это еще ерунда, не страшно, горохом сыплется по обшивке ползучая мелочь, и это тоже ерунда, а вот где-то сзади надвигается тот самый тяжелый и быстрый, словно пущенный из гигантской катапульты, и локаторы еще не видят его за пеленой пыли, а когда увидят, будет все равно поздно… Лопается корпус, гармошкой складываются переборки, на миг мелькнет в трещине забитое камнем небо, пронзительно свистнет воздух, и люди становятся белыми и хрупкими как лед… Впрочем, они в скафандрах. Быков открыл глаза.

— Жилин, — сказал он. — Иди к Маркушину и узнай, где второй космоскаф. Пусть приготовит для меня пилота.

Жилин исчез.

— Миша, — беззвучно позвал Быков. — Как-нибудь, Миша… Как-нибудь…

— Вот он, — сказал Юрковский.

— Ай-яй-яй-яй-яй, — сказал Михаил Антонович.

— Километров пять?

— Что ты, Володенька! Гораздо меньше… Правда, хорошо, когда камней нет?

— Тормози понемногу. Я буду готовить бакен. Эх, зря, я рацию сломал, дурак…

— Что же это может быть, Володенька? Смотри, какое чудище!…

— Он их держит, видишь? Вот они где, пришельцы. А ты ныл!

— Что ты, Володенька? Разве я ныл? Я так…

— Как-нибудь стань, чтобы его, спаси-сохрани, не задеть…

Наступило молчание. Быков напряженно слушал. Может быть, и обойдется, думал он.

— Ну, чего ты куксишься?

— Не знаю, право… Как-то мне все это странно… Не по себе как-то…

— Выйди под лапу и выброси магнитную кошку.

— Хорошо, Володенька…

Что они там нашли, думал Быков. Что еще за лапа? Что они там копаются? Неужели нельзя побыстрее?

— Не попал, — сказал Юрковский.

— Подожди, Володенька, ты не умеешь. Дай я.

— Смотри, она словно вросла в камень… А ты заметил, что они все одинаковые?

— Да, все пять. Мне это сразу странным показалось…

Вернулся Жилин.

— Нет космоскафа, — сказал он.

Быков даже не стал спрашивать, что это значит — нет космоскафа. Он оставил микрофон, поднялся и сказал:

— Пошли к швейцарцам.

— Так у нас ничего не получится, — сказал голос Михаила Антоновича. Быков остановился.

— Да, действительно… Что ж тут придумать?

— Погоди, Володенька. Давай я сейчас вылезу и сделаю это вручную.

— Правильно, — сказал Юрковский. — Давай вылезем.

— Нет уж, Володенька, ты сиди здесь. Толку от тебя мало… мало ли что…

Юрковский сказал, помолчав:

— Ладно. Я еще несколько снимков сделаю.

Быков поспешно пошел к выходу. Жилин вслед за ним вышел из рубки и запер люк в рубку на ключ. Быков на ходу сказал:

— Возьмем танкер, по пеленгу выйдем к этому

месту и будем их ждать там.

— Правильно, Алексей Петрович, — сказал Жилин. — А что они там нашли?

— Не знаю, — сказал Быков сквозь зубы. — И знать не хочу. Пока я буду говорить с капитаном, ступай в рубку и займись пеленгом.

В коридоре обсерватории Быков поймал распаренного дежурного и приказал:

— Мы сейчас идем на танкере. Снимешь перемычку и задраишь люк.

Дежурный кивнул.

— Второй космоскаф возвращается, — сказал он. Быков остановился. — Нет-нет, — сказал дежурный с сожалением. — Он будет не скоро, часа через три.

Быков молча двинулся дальше. Они миновали кессон, прошли мимо бамбукового стульчика и по узкому, тесному колодцу поднялись в рубку танкера. Капитан Корф и его штурман стояли над низким столиком и рассматривали голубой чертеж.

— Здравствуйте, — сказал Быков.

Жилин, не говоря ни слова, прошел к рации и принялся настраиваться на волну космоскафа. Капитан и штурман в изумлении воззрились на него. Быков подошел к ним.

— Кто капитан? — спросил он.

— Капитан Корф, — сказал рыжий капитан. — Кто ви? Потшему?

— Я Быков, капитан «Тахмасиба». Прошу мне помочь.

— Рад, — сказал капитан Корф. Он посмотрел на Жилина. Жилин возился над рацией.

— Двое наших товарищей забрались в Кольцо, — сказал Быков.

— О! — на лице капитана изобразилась растерянность. — Как неосторожно!

— Мне нужен корабль. Я прошу у вас ваш корабль.

— Мой корабль, — растерянно повторил Корф. — Идти в Кольцо?

— Нет, — сказал Быков. — В Кольцо только в крайнем случае. Если случится несчастье.

— А где ваш корабль? — спросил Корф подозрительно.

— У меня фотонный грузовик, — ответил Быков.

— А, — сказал Корф. — Да, этто нельзя.

В рубке раздался голос Юрковского:

— Погоди, я сейчас вылезу.

— А я тебе говорю, сиди, Володенька, — сказал Михаил Антонович.

— Ты очень долго копаешься.

Михаил ничего не ответил.

— Это они в Кольце? — спросил Корф, показывая пальцем на рацию.

— Да, — сказал Быков. — Вы согласны?

Жилин подошел и стал рядом.

— Да, — сказал Корф задумчиво. — Надо помогать.

Штурман вдруг заговорил так быстро и неразборчиво, что Быков понимал только отдельные слова. Корф слушал и кивал. Затем он, сильно покраснев, сказал Быкову:

— Штурман не хочет лететь. Он не обязан.

— Он может сойти, — сказал Быков. — Спасибо, капитан Корф.

Штурман произнес еще несколько фраз.

— Он говорит, что мы идем на верную смерть, — перевел Корф.

— Скажите ему, чтобы он уходил, — сказал Быков. — Нам надо спешить.

— Может быть, господину Корфу тоже лучше сойти? — осторожно сказал Жилин.

— Хо-хо-хо! — сказал Корф. — Я капитан!

Он махнул штурману и пошел к пульту управления. Штурман, ни на кого не глядя, вышел. Через минуту гулко бухнул наружный люк.

— Девушки, — сказал капитан Корф, не оборачиваясь, — они делают нас слабыми. Слабыми, как они. Но надо сопротивляться. Приготовимся.

Он полез в боковой карман, вытащил фотографию, поставил на пульт перед собой.

— Вот так, — сказал он. — И никак по-другому, если рейс опасен. По местам, господа.

Быков сел у пульта рядом с капитаном. Жилин пристегнулся в кресле перед рацией.

— Диспетчер! — сказал капитан.

— Есть диспетчер, — откликнулся дежурный обсерватории.

— Прошу старт!

— Даю старт!

Капитан Корф нажал стартер, и все сдвинулось. И тогда Жилин вдруг вспомнил: «Юрка!» Несколько секунд он глядел на рацию, вздыхающую грустными вздохами Михаила Антоновича. Он просто не знал, как поступить. Танкер уже покинул зону обсерватории, и капитан Корф, маневрируя рулями, выводил корабль на пеленг. Не будем-ка паниковать, подумал Жилин. Не так уж плохи дела. Пока еще не случилось ничего страшного.

— Михаил, — позвал голос Юрковского. — Скоро ты там?

— Сейчас, Володенька, — отозвался Михаил Антонович. Голос у него был какой-то странный — не то усталый, не то растерянный.

— Хо! — сказал позади голос Юры. Жилин обернулся. В рубку входил Юра, заспанный и очень обрадованный. — Вы тоже на «Кольцо-2»? — спросил он.

Быков дико взглянул на него.

— Химмельдоннерветтер! — прошептал капитан Корф. Он тоже начисто забыл о Юре. — Пассажир! Ф-в каюта! — крикнул он грозно. Его рыжие бакенбарды страшно растопырились.

Михаил Антонович вдруг громко сказал:

— Володя… Будь добр, отведи космоскаф метров на тридцать. Сумеешь?

Юрковский недовольно заворчал.

— Ну, попробую, — сказал он. — А зачем это тебе понадобилось?

— Так мне будет удобней, Володя. Пожалуйста.

Быков вдруг встал и рванул на себе застежки куртки. Юра с ужасом глядел на него. Лицо Быкова, всегда красно-кирпичное, сделалось бело-синим. Юрковский вдруг закричал:

— Камень! Миша, камень! Назад! Бросай все!

Послышался слабый стон, и Михаил Антонович сказал дрожащим голосом:

— Уходи, Володенька. Скорее уходи. Я не могу.

— Скорость, — прохрипел Быков.

— Что значит — не могу? — завизжал Юрковский. Было слышно, как он тяжело дышит.

— Уходи, уходи, не надо сюда… — бормотал Михаил Антонович. — Ничего не выйдет… Не надо, не надо…

— Так вот в чем дело, — сказал Юрковский. — Что же ты молчал? Ну, это ничего. Мы сейчас… Сейчас… Эк тебя угораздило…

— Скорость, скорость… — рычал Быков.

Капитан Корф, перекосив веснушчатое лицо, навис над клавишами управления. Перегрузка нарастала.

— Сейчас, Мишенька, сейчас… — бодро говорил Юрковский. — Вот так… Эх, лом бы мне…

— Поздно, — неожиданно спокойно сказал Михаил Антонович.

В наступившей тишине было слышно, как они тяжело, с хрипом, дышат.

— Да, — сказал Юрковский. — Поздно.

— Уйди, — сказал Михаил Антонович.

— Нет.

— Зря.

— Ничего, — сказал Юрковский, — это быстро.

Раздался сухой смешок.

— Мы даже не заметим. Закрой глаза, Миша.

И после короткой тишины кто-то — непонятно, кто, — тихо и жалобно позвал:

— Алеша… Алексей…

Быков молча отшвырнул капитана Корфа, как котенка, и впился пальцами в клавиши. Танкер рвануло. Вдавленный в кресло страшной перегрузкой, Жилин успел только подумать: «Форсаж!» На секунду он потерял сознание. Затем сквозь шум в ушах он услыхал короткий оборвавшийся крик, как от сильной боли, и через красную пелену, застилавшую глаза, увидел, как стрелка автопеленгатора дрогнула и расслабленно закачалась из стороны в сторону.

— Миша! — закричал Быков. — Ребята!

Он упал головой на пульт и громко, неумело заплакал…

Юре было плохо. Его тошнило, сильно болела голова. Его мучил какой-то странный двойной бред. Он лежал на своей койке в тесной, темной каюте «Тахмасиба», и в то же время это была его светлая большая комната дома на Земле. В комнату входила мама, клала холодную приятную руку ему на щеку и говорила голосом Жилина: «Нет, еще спит». Юре хотелось сказать, что он не спит, но это почему-то нельзя было делать. Какие-то

люди, знакомые и незнакомые, проходили мимо, и один из них — в белом халате — нагнулся и очень сильно ударил Юру по больной разбитой голове, и сейчас же Михаил Антонович жалобно сказал: «Алеша… Алексей…», а Быков страшный, бледный как мертвец, схватился за пульт, и Юру кинуло вдоль коридора головой на острое и твердое. Играла печальная до слез музыка, и чей-то голос говорил: «…При исследовании Кольца Сатурна погибли генеральный инспектор международного управления космических сообщений Владимир Сергеевич Юрковский и старейший штурман-космонавт Михаил Антонович Крутиков…» И Юра плакал, как плачут во сне даже взрослые люди, когда им приснится что-нибудь печальное…

Когда Юра пришел в себя, то увидел, что находится действительно в каюте «Тахмасиба», а рядом стоит врач в белом халате.

— Ну вот, давно бы так, — сказал Жилин, печально улыбаясь.

— Они правда погибли? — спросил Юра. Жилин молча кивнул. А Алексей Петрович? — Жилин ничего не сказал.

Врач спросил:

— Голова сильно болит?

Юра прислушался.

— Нет, — сказал он. — Не сильно.

— Это хорошо, — сказал врач. — Дней пять полежишь и будешь здоров.

— Меня не отправят на Землю? — спросил Юра. Он вдруг очень испугался, что его отправят на Землю.

— Нет, зачем же, — удивился врач, а Жилин бодро сообщил:

— О тебе уже справлялись с «Кольца-2», хотят тебя навестить.

— Пусть, — сказал Юра.

Врач сказал Жилину, что Юру надо через каждые три часа поить микстурой, предупредил, что придет послезавтра, и ушел. Жилин сказал, что скоро заглянет, и пошел его проводить. Юра снова закрыл глаза. Погибли, подумал он. Никто больше не назовет меня кадетом и не попросит побеседовать со стариком, и никто не станет добрым голосом застенчиво читать свои мемуары о милейших и прекраснейших людях. Этого не будет никогда. Самое страшное — что этого не будет никогда. Можно разбить себе голову о стену, можно разорвать рубашку — все равно никогда не увидеть Владимира Сергеевича, как он стоит перед душевой в своем роскошном ха-

лате, с гигантским полотенцем через плечо и как Михаил Антонович раскладывает по тарелкам неизменную овсяную кашу и ласково улыбается. Никогда, никогда, никогда… Почему никогда? Как это так можно, чтобы никогда? Какой-то дурацкий камень в каком-то дурацком Кольце дурацкого Сатурна… И людей, которые должны быть, просто обязаны быть, потому что мир без них хуже, — этих людей нет и никогда больше не будет…

Юра помнил смутно, что они что-то там нашли. Но это было неважно, это было не главное, хотя они-то считали, что это и есть главное… И, конечно, все, кто их не знает, тоже будут считать, что это самое главное. Это всегда так. Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг? Хоть бы его и вовсе не было, лишь бы был человек. Подвиг — это хорошо, но человек должен жить.

Юра подумал, что через несколько дней встретит ребят. Они, конечно, сразу станут спрашивать, что да как. Они не будут спрашивать ни о Юрковском, ни о Крутикове, они будут спрашивать, что Юрковский и Крутиков нашли. Они будут прямо гореть от любопытства. Их будет больше всего интересовать, что успели передать Юрковский

и Крутиков о своей находке. Они будут восхищаться мужеством Юрковского и Крутикова, их самоотверженностью и будут восклицать с завистью: «Вот это были люди!» И больше всего их будет восхищать, что они погибли на боевом посту. Юре даже тошно стало от обиды и от злости. Но он уже знал, что им ответить. Чтобы не закричать на них: «Дураки сопливые!», Чтобы не заплакать, чтобы не полезть в драку, я скажу им: «Подождите. Есть одна история...», И я начну ее так: «На острове Хонсю, в ущелье горы Титигатакэ, в непроходимом лесу нашли пещеру...»

Вошел Жилин, сел у Юры в ногах и потрепал его по колену. Жилин был в клетчатой рубашке с засученными рукавами. Лицо у него было осунувшееся и усталое. Он был небрит. А как же Быков, подумал вдруг Юра и спросил:

— Ваня, а как же Алексей Петрович?

Жилин ничего не ответил.

ЭПИЛОГ

Автобус бесшумно подкатил к низкой белой ограде и остановился перед большой пестрой толпой встречающих. Жилин сидел у окна и смотрел на веселые, раскрасневшиеся от мороза лица, на сверкающие под снегом сугробы перед зданием аэровокзала, на одетые инеем деревья. Открылись двери, морозный воздух ворвался в автобус. Пассажиры потянулись к выходу, отпуская прощальные шутки бортпроводнице. В толпе встречающих стоял веселый шум — у дверей обнимались, пожимали руки, целовались. Жилин поискал знакомые лица, никого не нашел и вздохнул с облегчением. Он посмотрел на Бы-

кова. Быков сидел неподвижно, опустив лицо в меховой воротник гренландской куртки.

Бортпроводница взяла из сетки свой чемоданчик и весело сказала:

— Ну, что же вы, товарищи? Приехали! Автобус дальше не идет.

Быков тяжело встал и, не вынимая рук из карманов, через опустевший автобус пошел к выходу. Жилин с портфелем Юрковского последовал за ним. Толпы уже не было. Люди группами направлялись к аэровокзалу, смеясь и переговариваясь. Быков ступил в снег, постоял, хмуро жмурясь на Солнце, и тоже пошел к вокзалу. Снег звонко скрипел под ботинками. Сбоку бежала длинная голубая тень. Потом Жилин увидел Дауге.

Дауге торопливо ковылял навстречу, сильно опираясь на толстую полированную палку, маленький, закутанный, с темным морщинистым лицом. В руке у него, в теплой мохнатой варежке, был зажат жалкий букетик увядших незабудок. Глядя прямо перед собой, он подошел к Быкову, сунул ему букетик и прижался лицом к гренландской куртке. Быков обнял его и проворчал:

— Вот еще, сидел бы дома, видишь, какой мороз…

Он взял Дауге под руку, и они медленно пошли

к вокзалу — огромный сутулый Быков и маленький сгорбленный Дауге. Жилин шел следом.

— Как легкие? — спросил Быков.

— Так… — сказал Дауге, — не лучше, не хуже…

— Тебе нужно в горы. Не мальчик, нужно беречься.

— Некогда, — сказал Дауге. — Очень многое нужно закончить. Очень многое начато, Алеша.

— Ну, и что же? Надо лечиться. А то и кончить не успеешь.

— Главное — начать.

— Тем более.

Дауге сказал:

— Решен вопрос с экспедицией к Трансплутону. Настаивают, чтобы пошел ты. Я попросил подождать, пока ты вернешься.

— Ну что ж, — сказал Быков. — Съезжу домой, отдохну… Пожалуйста.

— Начальником назначен Арнаутов.

— Все равно, — сказал Быков.

Они стали подниматься по ступенькам вокзала. Дауге было неудобно, видимо, он еще не привык к своей палке. Быков поддерживал его под локоть. Дауге тихонько сказал:

— А я ведь так и не обнял их, Алеша… Тебя обнял, Ваню обнял, а их не обнял…

Быков промолчал, и они вошли в вестибюль. Жилин поднялся по лестнице и вдруг увидел в тени за колонной какую-то женщину, которая смотрела на него. Она сразу же отвернулась, но он успел заметить ее лицо под меховой шапочкой — когда-то, наверное, очень красивое, а теперь старое, обрюзгшее, почти безобразное. Где я ее видел? — подумал Жилин. Я ведь ее много раз где-то видел. Или она на кого-то похожа?

Он толкнул дверь и вошел в вестибюль. Значит, теперь Трансплутон, он же Цербер. Далекий-далекий. От всего далекий. От Земли далекий, от людей далекий, от главного далекий. Снова стальная коробка, снова чужие, обледеневшие, такие неглавные скалы. Главное остается на Земле. Как всегда, впрочем. Но ведь так нельзя, нечестно. Пора решиться, Иван Жилин, пора! Конечно, некоторые скажут — с сожалением или насмешливо: «Нервы не выдержали. Бывает». Алексей Петрович может так подумать. Жилин даже приостановился. Да, он так и подумает: «Нервы не выдержали. А ведь крепкий парень был». А ведь это здорово! По крайней мере ему не так будет обидно, что я бросаю его сейчас, когда он остается один… Конечно, ему будет легче думать, что у меня нервы не выдержали, чем видеть, что

я ни во что не ставлю все эти трансплутоны. Он ведь упрям и очень тверд в своих убеждениях… и заблуждениях. Твердокаменные заблуждения…

Главное — на Земле. Главное всегда остается на Земле, и я останусь на Земле. Решено, подумал он. Решено. Главное — на Земле…